

Александр ЯНОВ

**РУССКАЯ ИДЕЯ
ОТ НИКОЛАЯ I ДО ПУТИНА**

4 Книга четвертая
2000–2016

Александр ЯНОВ

Русская идея

**ОТ НИКОЛАЯ I
ДО ПУТИНА**

4 Книга четвертая
2000–2016

УДК 94(47).073/.083:323.1(=411.2)
ББК 63.3(2)5-38
Я 641

Янов А. Л.

Я 641 Русская идея. От Николая I до Путина. Книга четвертая (2000–2016) / Александр Янов. — М. : Новый хронограф, 2016. — 320 с. : ил.

ISBN 978-5-94881-271-7

ISBN 978-5-94881-349-3 (Кн. 4)

Вот парадокс. Существует история русской литературы, история русского искусства, а также – русской архитектуры, русской музыки. Есть, конечно, история социалистических идей в России. А вот истории русского национализма нет. Ни в русской, ни в мировой литературе. Но почему? Вероятнее всего потому, что он, этот национализм, по какой-то причине всегда избегал называться собственным именем. Предпочитал эвфемизмы («Русское дело», «Русский мир», «Русская Идея»). Этим, скорее всего, и объясняется выбор названия книги, посвященной истории русского национализма.

УДК 94(47).073/.083:323.1(=411.2)

ББК 63.3(2)5-38

ISBN 978-5-94881-271-7

ISBN 978-5-94881-349-3 (Кн. 4)

© Янов А. Л., автор, 2016

© «Новый хронограф», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Вводная

«А СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО, ТАК БЛИЗКО...»	9
Последняя ошибка Ельцина	10
В поисках новой идентичности	11
«Несогласные»	16
Еще о художествах Запада	17
Ошибка Тренина	20

Глава 2

СПОР СО СКЕПТИКОМ	22
О «зомбоящике»	23
Возражения	24
В вотчину Сергея Муратова	28
Распад СВТ	31
После Путина	33

Глава 3

ЗАТМЕНИЕ УМОВ?	36
Исчезновение Степашина	37
Ошибка. Но исправима ли?	40
Шансы Сергея Степашина	41
Случай Ельцина	43
Случай Примакова	46

Глава 4

ЧЕЙ ПРЕЕМНИК ПУТИН?	49
Идейный наставник	49
«Обновленная демократия»	51
Новая Русская идея	52
Первые выборы	53
Разгром федерации	55
Опоздавшее прозрение	57
Запад. Еще одно затмение ума?	59
Реваншисты	60
Заключение	61

Глава 5

ЭТО КОНЕЦ? ИЛИ ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ?	62
Вынужденный спор	63
«Куклы»	64
Парадокс Дмитрия Фурмана	66
Секрет Путина	70
Заключение	72

Глава 6

«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?	74
Метаполитика	76
Хайдеггер	77
«Патовая ситуация»	78
«Исторический шанс?»	80

Глава 7

ЧЕТЫРЕ СЦЕНАРИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ	83
Россия – не Европа?	86
«Лицом к Востоку»	88
Сценарий первый: «мягкий» авторитаризм	89
Сценарий второй: «жесткий» авторитаризм	90
Сценарий третий: распад	91

Глава 8

ЧЕТВЕРТЫЙ СЦЕНАРИЙ	93
«Вторая либеральная волна»	94
Контртрадиция	96
Проблема культурного кода	98
Заключение	100

Глава 9

МЯТЕЖ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?	
(часть первая)	102
Закат Русской идеи?	102
Метаморфоза	104
Отставка Путина	107
Стагнация	108
«Рокировка»	109
Революция или мятеж?	112

Глава 10

МЯТЕЖ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?	
(часть вторая)	115
Детонатор	116
Понедельник, 5 декабря	117
Вторник, 6 декабря	118
В преддверии Болотной	119
Суббота, 10 декабря	120
По другую сторону баррикады	123
Девятый вал	124
Против течения	127

Глава 11

МОСКВА И РОССИЯ	130
Москва – не Россия?	134
Картина, однако, сложнее	136
Ошибка	137
О лозунге	140

Глава 12

В ГОСТЯХ У ИЗБОРЦЕВ

(часть первая)	142
Зачем нам к ним в гости?	144
Охранители и консерваторы	146
Будущее России – в прошлом	149
Оппозиция справа?	150

Глава 13

В ГОСТЯХ У ИЗБОРЦЕВ

(часть вторая)	152
Проблема первая: Русская идея	153
Проблема вторая: «ненависть Запада»	155
Проблема третья: павловские рефлексy	158
«Духовная мобилизация в сфере медиа»	159
Что бы все это значило?	161

Глава 14

Владислав Иноземцев

В ГОСТЯХ У ИЗБОРЦЕВ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА	163
--	-----

Глава 15

ПОСЛЕ ПУТИНА

(часть первая)

ИСТОРИЯ КАК СОЮЗНИК	178
Чего не хватает?	180
Прологомены	182
Головоломка	183
Три вопроса	185
Отступление в прошлое	189
Свидетель – Монтескье	191
Возвращаясь в сегодня	193

Глава 16

ПОСЛЕ ПУТИНА

(часть вторая)

СИБИРСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ	195
Первый спор	196
Вопросы	198
Почему сибирское?	201
Обратная трансформация	202
«Бюджетный маневр»	203
Перестройка внутренней структуры России	207
«Поворот на Восток!»	208

Глава 17

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

.....	212
Этот непривычный мир	214
Догнать Аляску!	216
Еще о международном опыте	218

Все тот же «соловьевский недуг»?	220
Последний спор.	223
Глава 18	
ВОСКРЕШЕНИЕ ЕВРОПЫ?	226
Преодолима ли международная анархия?	229
Неудача	233
Возможная структура Еврофедерации	236
Глава 19	
ЗАСАДНЫЙ ПОЛК РУССКИХ ЕВРОПЕЙЦЕВ?	239
Уместна ли, однако, она	239
В.Э.С. России.	240
Диалог	242
Зачем России «буферная зона»?	245
Триумф несправедливости?	247
Красная черта	250
Засадный полк?	251
Глава 20. Заключительная	
ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ	253
Предыстория	258
Как жилось России в «вестфальском мире»?	261
Перелом	266
Приложение 1	
ТАК НАЧИНАЛАСЬ РОССИЯ	268
Приложение 2	
СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ БОРЬБЫ ПРИ ЖИЗНИ И ЕЩЕ СТО ПОСЛЕ СМЕРТИ. ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ	277
Приложение 3	
ВИЗАНТИЙСКИЕ УРОКИ	288
Приложение 4	
В ДРУГОЙ РЕАЛЬНОСТИ?	296
Приложение 5	
ЛИШНИЕ ЦЕННОСТИ. ОТВЕТ ВЛАДИСЛАВА ИНОЗЕМЦЕВА НА ГЛАВУ «ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ»	306
Приложение 6	
ЛИШНИЕ ЦЕННОСТИ? ОТВЕТ НА ОТВЕТ ВЛАДИСЛАВА ИНОЗЕМЦЕВА	312
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	317

«А СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО, ТАК БЛИЗКО...»

Понимаю, печальный вздох пушкинской Татьяны выглядит довольно нелепо в качестве заголовка этой суровой главы. До такой степени, что я, пожалуй, и не возьмусь с разгону его объяснять. Надеюсь, по ходу дела читатель со мной согласится.

Да, в том, о чем мне предстоит писать, речь тоже об ошибке. Но, конечно, ошибка ошибке рознь. И онегинская несопоставима с последней ошибкой «царя Бориса», подробно рассмотренной в заключительной главе третьей книги. Не только по масштабу несопоставима, но и потому, что ошибка Ельцина не была, в отличие от онегинской, необратимой. По простой причине: жизнь государственная не тождественна человеческой.

Человек может исправить ошибку. Иногда (Онегин не смог). Но государство исправляет ошибки своих лидеров ВСЕГДА (иначе оно просто перестало бы существовать). И потому сослагательное наклонение (знаменитое «если бы») не только применимо к государственной жизни, оно, вопреки известной поговорке, ОБЯЗАТЕЛЬНО. Вот близкий мне как историку России пример. Если бы царь Иван IV не перенес тяжелой болезни, которая едва не свела его в могилу в марте 1553 года, преставился бы, не успев, говоря словами Карамзина, превратиться из «героя добродетели» в «неистового кровопийцу», в российской

Иван IV

истории не было бы опричнины (для сравнения, пусть и грубого, это все равно что в ней не было бы ГУЛАГа). И пойти могла бы эта история совсем не так, как пошла.

Но царь выжил. И опричина была. И что же? Практически тотчас после смерти царя началось ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБКИ (я назвал ее «деиванизацией», на современном языке – оттепель). И точно так же шло и дальше: исправление ошибки начиналось после каждой диктатуры («депетринизация» после Петра, «депавловизация» после Павла, «дениколаизация» после Николая I, вплоть до «десталинизации» после Сталина). Оттепель, одним словом. В особо тяжелых случаях – перестройка. В свое время в трилогии «Россия и Европа. 1462–1921» я посвятил этому феномену целую подглавку, которая так и называется «Реабилитируя сослагательное наклонение». Не слушайте тех, кто говорит, что его не бывает. Будущие историки напишут еще и о «депутинизации». У истории своя логика. Логика выбора альтернатив.

Последняя ошибка Ельцина

Но я сейчас не о далеком прошлом. В нашем случае, не ошибись в последнюю минуту «царь Борис», не было бы ни второй

Б. Н. Ельцин

С. В. Степашин

чеченской войны, ни диктатуры силовиков, ни разгула мракобесия, ни ошеломившего Запад публичного вызова 2007 года в Мюнхене (последствия которого мы переживаем по сей день).

Откуда мы это знаем? В первую очередь из репутации Степашина, предшественника и главного конкурента Путина, из отзывов о нем всех без исключения либеральных политиков, работавших бок о бок с ним на протяжении всего непростого десятилетия 90-х. Напомню некоторые из них.

«Какие еще нужны доказательства? В течение десяти лет Степашин не менял своих демократических убеждений» (Сергей Юшенков, впоследствии убитый выстрелом в спину). «Степашин – современный либеральный политик... Его правительство более прогрессивно и более современно, чем правительство Примакова» (Борис Немцов, тоже убитый выстрелом в спину). «Важно сохранить правительство Степашина» (Егор Гайдар). «Степашин – реальный кандидат в президенты, абсолютно вменяемый, представитель нового поколения» (Анатолий Чубайс). Солидные, согласитесь, рекомендации.

Не менее важно, однако, и то, что программа Степашина полностью совпадала с картиной будущего России, возникавшей из работ двух самых, на мой взгляд, проницательных аналитиков российской политики. На фундаментальный труд одного из них, Дмитрия Тренина, **«The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization»** я и буду в этой главе опираться. Второй, Бобо Ло, живет в Лондоне, о нем дальше. Я не уверен, что Степашин читал их, но сходство того, как виделась им тогда, на переломе тысячелетий, единственно разумная политика России в XXI веке, и тем, как говорил о ней Степашин, бросается в глаза.

В поисках новой идентичности

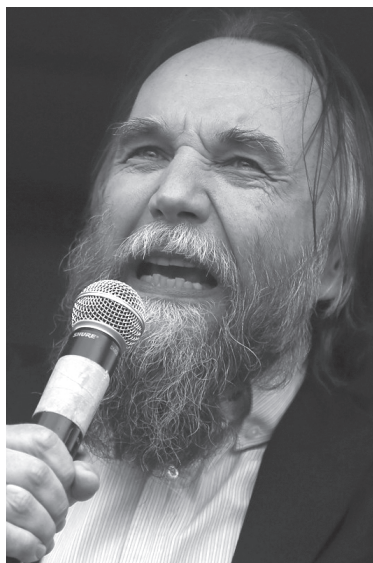
Вот как видел ее в 2000 году Тренин: «С политической, экономической, военной и культурной точки зрения под Евразией традиционно имелись в виду Российская империя, потом СССР» (все стилистические погрешности, естественно, за счет перевода). В принципе, так думает и Дугин. Только, в отличие Дугина, Тренин исходит из того, что в эпоху повсеместного распада

империй этой Евразии **пришел конец**. Дугин копошится, пытаясь склеить расколотую на куски чашу, а Тренин убедительно доказывает, что, говоря словами Пушкина, «это труд и стыд напрасный». Ибо «синонимом Евразии России больше не быть».

Отсюда и центральная проблема России: вместе с евразийской империей она потеряла и свою вековую традиционную идентичность, закреплённую в коллективном подсознании поколений. Нужна ни больше ни меньше **новая идентичность**. Иначе говоря, новая ниша, новое место в мире. И тут историческая развилка. Тут НАШЕМУ поколению предстоял выбор. Он мог быть европейским, о чем, как мы знаем, мечтали еще Чаадаев и Пушкин (см. главу «Европейский выбор России» в первой книге). Но мог быть и дугинским, евразийским. В последнем случае нашему поколению предстояло, как древним евреям, продолжить свое мучительное путешествие по бесплодной пустыне, и Земля обетованная опять отступила бы, как призрак. С той лишь разницей, что евреи, если верить Библии, путешествовали в пустыне 40 лет, а Россия – уже 400.

Д. В. Тренин

А. Г. Дугин

Еще и тем осложнялся выбор, что и после распада СССР Россия все еще простирается на 17 млн кв. километров, оставаясь сопоставимой по территории с Соединенными Штатами вместе с Канадой. Хорошо было англичанам. Они тоже потеряли свою вековую империю, но после этого могли вернуться на свой уютный остров. А России пришлось возвращаться в своего рода, географическую сверхдержаву. «И это делает невозможным, – писал Тренин, – как для ее лидеров, так и для населения не считать свою страну великой». При том, что было практически немыслимо совместить это территориальное величие (13% земной суши) с пренебрежимо малым экономическим весом страны в современном мире (1,6%). И чтобы преодолеть пропасть, отделяющую Россию от таких экономических гигантов, как США или ЕС, понадобились бы поколения.

Ментальную проблему величия России, порожденную столетиями евразийской идентичности, нужно было как-то решать. Но как? Гигантские размеры России давали очевидную фору Дугину и реваншистам. География работала на них. В том-то и была загвоздка.

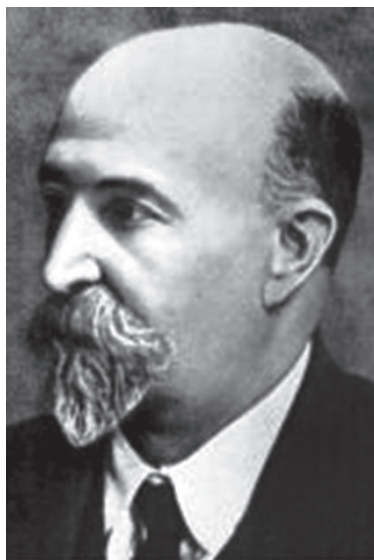
Степашин решил проблему так. В первом же своем премьерском заявлении он, как мы помним, сказал: «Величие России должно строиться не на силе, не на пушках, а на культуре, на интеллекте». И это был не просто политический, это был, если хотите, философско-исторический манифест.

Степашин предложил обратиться к традиции России. Нет, не к той, о которой денно и ночью голосят на всех углах реваншисты, не к «гром победы раздавайся!», а к той, что действительно составляет славу России в мире. Нужно ли доказывать, что страна, давшая миру Толстого, Достоевского, Чехова, Мусоргского, Чайковского и Шагала (называю лишь имена, что по сей день гремят в сегодняшнем мире), была, и не так уж давно, *культурной сверхдержавой*? А если вспомнить Чаадаева, Соловьева, Менделеева, Сеченова, Мечникова, Софью Ковалевскую, то и интеллектуальной? Разве это не традиция? Что ж удивляться, если предложение Степашина совпало с одним из основных выводов Тренина: «Величие России должно опираться на культуру, на образование, на науку»? Вот вам, казалось бы, и новая идентичность.

Так, во всяком случае, выглядел европейский выбор постъевразийской идентичности России. Вполне традиционный, согласитесь, выбор и главное, отвечающий ментальному запросу ее населения на величие страны. Культура против географии. Проблема здесь была лишь в том, что для осуществления этого выбора требовались два непеременных условия.

Первое, как мы уже знаем, сформулировали философы. «Совершить нечто великое (реформы Петра Великого, поэзия Пушкина) или даже просто значительное Россия могла только при теснейшем взаимодействии с Европой» (В. С. Соловьев). «В том-то и дело, что Мусоргский или Достоевский, Толстой или Соловьев – глубоко русские люди, но в такой же мере они люди Европы. Без Европы их не было бы» (Владимир Вейдле). Второе условие культурного цветения России сформулировал Пушкин. Требовалось для этого, чтобы «правительство шло впереди на поприще образованности и просвещения». Другими словами, освободило природную одаренность народа от оков цензуры и церковного средневековья. А еще лучше – помогало.

Что говорить, бывали в России и такие баснословные времена. Разве «дней Александровых прекрасное начало» не подарило ей золотой век литературы? Какое то было время! Академик Александр Евгеньевич Пресняков захлебывался, рассказывая о нем в поучение своему правительству (в эпоху НЭПа, когда все еще чудилось возможным): «Могло казаться, что процесс европеизации России доходит до крайних своих пределов. Разработка проектов политического преобразования подготавливала переход русского государственного строя к европейским формам государственности; эпоха конгрессов вводила

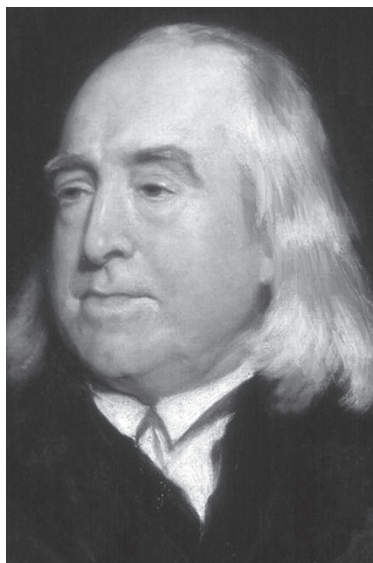

А. Е. Пресняков

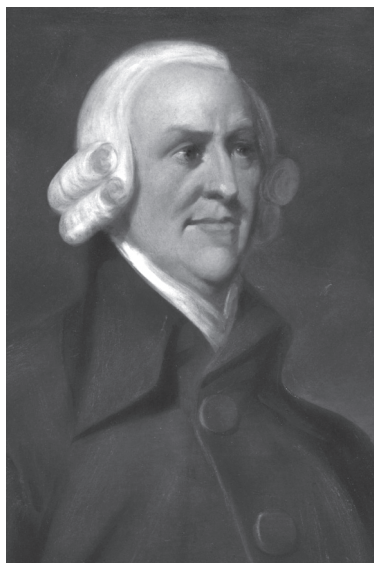
Россию органической частью в “европейский концерт” международных связей, а ее внешнюю политику – в рамки общеевропейской политической системы; конституционное Царство Польское становилось образцом общего переустройства страны».

Ничего удивительного, что в такое время издавалась в Петербурге – по инициативе правительства! – вполне крамольная, с точки зрения православной иерархии, «Библиотека общественного деятеля» (*de l'homme publique*) Кондорсе. Я не говорю уже об издании классика английского либерализма Иеремии Бентама. Кто не помнит, что пушкинский Онегин «читал Адама Смита» и что, более того, «иная дама читает Смита и Бентама»? Менее известно, что перевод этих книг **субсидировался** правительством!

Та же история повторилась и во второй половине века после Великой реформы Александра II, в особенности в бытность А. В. Головнина министром народного просвещения в правительстве «молодых реформаторов». И снова удивила мир благодарная русская интеллигенция: ответила на всплеск свободы невиданным расцветом литературы, музыки, живописи.

Иеремиа Бентам

Адам Смит

Я понимаю, как трудно сегодня представить, что чудо, совершившееся в России дважды при самодержавии(!), заметить, может повториться и в третий раз, тем более в свободной, наконец, стране. И что не просто влюбленная девчонка, а такие умудренные в политике мужи, как Степашин или Тренин, смогут поверить, что было это повторение так возможно, так близко. Но вот поверили же.

«Несогласные»

Далеко не все, однако, в постсоветской элите согласились с выбором Степашина. Многим расставание, говоря словами Тренина, «с традиционной имперской ролью России в Евразии» казалось концом света. В первую очередь, конечно, казалось оно концом света героям этой книги, знаменосцам Русской идеи. Не зря же фигурируют они здесь как реваншисты. Совсем иначе представляли они себе величие России. И вдохновляло их вовсе не то, что удивило мир, не музыка Чайковского (тем более что с их точки зрения он был презренный «пидарас») и не живопись местечкового еврея Шагала, а нечто куда более, по их мнению, судьбоносное: «всемирная миссия России», оказавшаяся под угрозой.

Правда, спроси их, что это за «миссия» такая, ничего кроме как о все той же Евразии не услышишь. Но как бы то ни было, отказались они признать приговор истории, «конец Евразии» представлялся им лишь временной аберрацией, происками мировой закулисы. Пусть англичане-простофили поверили, что отвалилась их необъятная империя сама по себе, не из-за этой самой закулисы. Но «Россия – не Англия», как говаривал Карамзин. Нас на кривой козе не объедешь. Наше географическое величие по-прежнему с нами, а география – это судьба, как учит Дугин.

А что история? Ее можно и по обочине обойти, «асимметрично» – их любимое выражение. Не счесть ведь российских натуральных богатств: нефти, газа, алмазов да любого сырья. И цены на него высоко стоят на мировом рынке. Оно всегда в дефиците. Если им с умом торговать, то и население подкормить можно, и свой вес в мировой экономике поднять. Другое

дело, что идентичность сырьевого придатка развитых стран, в отличие от культурной, плохо вяжется с величиим. И такое величие light, так сказать, удовлетворило бы лишь самых неприхотливых.

Тем более что обогнать отсталую Португалию по ВВП на душу населения, как было обещано, – не велика честь. Но ведь это только начало. Вот подскочат цены на нефть, тогда и поговорим о настоящем величии (впрочем, и в 2012 году, когда цены на нефть зашкалили за 100 долларов за баррель, Португалию все равно не догнали, даже близко не подошли: 18,930 долларов на душу – Россия, 24, 920 – Португалия. Но это так, реплика в сторону). Так или иначе, «всемирная миссия» оставалась под угрозой. И пусть прихотливые со своей культурой всегда в меньшинстве, на одной сырьевой идентичности далеко не уедешь. Даже с неприхотливым большинством.

Однако на помощь, как ни странно это звучит для национал-патриотического уха, пришел Запад. Он не пожалел усилий, чтобы сделать Россию ядерной сверхдержавой. «Экономический карлик стал ядерным гигантом», – пишет Тренин. Предупреждал, правда, Генри Киссинджер в своей «Дипломатии», что это опасно, писал о возможной «реимперизации России». Но кто его слушал, академика? Реваншизм обычное дело, возражал ему в уничтожающей статье известный политолог Стивен Сестанович: «Нет пытки, сопоставимой со страданиями бывшей сверхдержавы, переживающей переход к рыночной экономике». Но страдания со временем проходят, был бы рынок, он все расставит на свои места. И с этой позицией мы встречались уже в третьей книге (см. главу «Как бы не повторить старые ошибки»). Так или иначе, Запад поверил Сестановичу, а не Киссинджеру, подыграв в очередной раз «несогласным».

Еще о художествах Запада

Там, конечно, помнили о яростной волне реваншизма, не утихавшей в послевоенной Германии вплоть до 1960-х. Ее ведь не только разделили на части, ее буквально искромсали. Страну наводнили миллионы «перемещенных лиц» из Восточной Пруссии, доставшейся России, из Судетской области, доставшейся

Чехословакии, из Силезии, доставшейся Польше. И страна бурлила реваншем. В СССР его, понятно, разоблачали. «Реваншизм» стал позорной кличкой в советской прессе. Но... постепенно все улеглось. Рынок и впрямь все расставил по местам.

Точно так же, полагали на Западе, все уляжется и в России. Тем более что ее никто не кромсал, и никакие «перемещенные лица» там не бунтовали, все остались в бывших советских республиках. Кому могло тогда прийти в голову, что именно это обстоятельство станет главным инструментом реванша, сложившись в XXI веке в фантазмагорическую имперскую концепцию «Русского мира»?

Западу, во всяком случае, не пришлось. И потому он изо всех сил хлопотал о превращении России в ядерную сверхдержаву. Только ей должны были достаться все ядерные силы бывшего СССР. Белоруссия, правда, рассталась с ними без особых сожалений, Казахстан упирался, а Украине буквально выкручивали руки, проверяли и перепроверяли – все ли отдала России? До последнего гвоздя!

Так в дополнение к идентичности сырьевого придатка Россия обрела еще и ядерную идентичность. Сегодня трудно себе представить, как выглядел бы мир, не хлопочи о ней Запад так прилежно. Сакрального Херсонеса точно не было бы. Но Прибалтика-то никогда не была ядерной. Что ж, и Нарва сгодилась бы как платформа для «Русского мира». Чем хуже «Нарванаша»?

Короче говоря, постсоветской России верили безгранично, куда больше, чем послевоенной Германии. Там, по крайней мере, стояли войска НАТО, с Россией же все строилось на доверии. Знали, конечно, о реваншистских настроениях среди силовиков. Краем уха слышали и о «непримиримых» маргиналах. Но стране, сокрушившей коммунизм, да не справиться с маргиналами? Прогремевшие на весь мир события: путч 1991 года, вооруженный мятеж 1993-го, опасная близость к президентству «несогласного» Зюганова в 1996-м – «патриотическая истерия» и примаковская «петля над Атлантикой» в 1999-м, должны были, казалось, насторожить Запад. Как-то слишком уж значительны оказывались эти «маргиналы». Не насторожили. Прошляпили.

Может, дело в том, что на Западе практически ничего не знали о повторявшихся «патриотических истериях» XIX века, которые мы так подробно рассмотрели в первой книге? Не знали о том, как глубоко уходят корни реваншизма в России и какая мощная стоит за ним традиция? Может быть. Во всяком случае, там, подобно Гамлету, не подозревали, до какой степени неблагоприятно обстоит дело в Датском королевстве.

Не подозревали, пока 10 февраля 2007 года не услышали из уст президента Путина, что, говоря словами реваншистских идеологов, «Россия претендует на статус одного из ведущих акторов мировой политики». Претендует при этом, опираясь не на культурное превосходство, не на «интеллект», о чем в свое время говорил Сергей Степашин, и даже не на экономическую мощь (в этом смысле на статус «одного из ведущих акторов мировой политики» Россия имеет ровно такое же право, как, допустим, Испания, даже меньше, поскольку при сопоставимом ВВП почти вдвое проигрывает Испании в расчете на душу населения). Так на чем же основывает Россия свои непомерные претензии, если и культурно, и экономически она всего лишь вполне средняя европейская страна? Неужели исключительно на своей сегодняшней ядерно-сырьевой идентичности, сформировавшейся, как мы видели, усилиями Запада?

Отчасти. Но еще, как бы странно это ни звучало, на все той же географии. На 17 млн кв. километрах земной суши, на своей

В. В. Путин

гигантской **величине**, которую ее нынешние правители, в согласии с большинством населения, перепутали с **величием**. Вот чего, боюсь, не поняли ни Степашин, ни Тренин.

Ошибка Тренина

Он писал: «Традиционное территориальное мышление не приведет ни к каким позитивным результатам. Оно может возвысить геополитику до степени новой мантры, но оно не сможет возродить империализм». Смогло, как мы видим. И это легко было предвидеть еще в 2000 году, когда Тренин сдавал свою книгу в печать. Вот пример, на который он сам ссылается. Той же весной, как раз во время президентских выборов Путина, социологи опросили в Москве выпускников средних школ на предмет того, как представляют они себе будущую Россию. Лишь 12% опрошенных желало возвращения старого режима. Зато больше половины из них представляло страну только **в границах Российской империи или СССР**. Это десятилетие спустя после его распада! Большое мужество понадобилось Тренину, чтобы первую часть своего труда озаглавить «Прощай, империя».

Теоретически все правильно. Распад СССР действительно представлял «разрыв непрерывности» (break of continuity) и «аннулирование 500-летней тенденции (trend) территориального мышления». Беда лишь в том, что практически полутысячелетняя традиция – очень уж длинный перегон. И для преодоления столь мощной традиции одной рекомендации, что «Россия должна бросить (drop) какие бы то ни было претензии на имперскую политику за пределами нынешних границ», как мы убедились, маловато. Нужна была огромная просветительская работа начиная со школы. Не знаю, были ли какие-нибудь соображения по этому поводу у Степашина, но после Путина они нам очень понадобятся (хотя Путин, отдадим ему справедливость, и сам многое делает, чтобы как можно больше скомпрометировать «имперскую роль России за пределами нынешних границ»).

При всем том бесценен финальный вывод Тренина, добытый огромным трудом со ссылками на тысячи источников: «России

необходимо в наибольшей степени (most fully) подчеркивать свою европейскую идентичность», чтобы в конечном счете «спроектировать (engineer) постепенную интеграцию в Большую Европу». Насколько можно судить, вывод этот совпадает с программой Степашина и полностью противоречит тому, что делает Путин. Да, ошибся Дмитрий Витальевич на два-три десятилетия. Но велика ли ошибка, если счет идет на столетия? Только вот жизнь человеческая коротка...

Тем не менее, его вывод означает, что не соверши Ельцин свою последнюю ошибку (см. главу «Путин. На дальних подступах» в финале третьей книги), того, что сейчас творится в России, не происходило бы. Я не знаю, можно ли считать это счастьем (в жизни всегда хватает неприятностей), но уверен, что сегодня многие именно это счастьем и сочли бы. Да, речь о сослагательном наклонении, но мы ведь уже знаем, что ничего неприличного в нем нет. Важно другое. Важно, что в августе 1999-го то, что многие и многие сочли бы счастьем, и впрямь было так возможно, так близко. Вот и судите теперь мой легкомысленный заголовок.

СПОР СО СКЕПТИКОМ

Предвижу возражения, даже насмешки. Это что же за идиллическую Россию, спросит скептик, вы нам нарисовали в вводной главе? Пусть даже гипотетически, пусть с президентом Степашиным вместо Путина, мыслимо ли представить себе Россию 1999-го – после гиперинфляции начала 90-х и совсем недавнего дефолта, после Чеченской войны и «семибанкирщины», после всех прелестей первоначального накопления капитала, после «бандитского Петербурга», наконец, – культурно расцветающей, рождающей нового Пушкина?

Недаром же, скажут, заимствовали вы все ваши примеры «культурной сверхдержавы» из баснословного дворянского прошлого, когда ничтожное меньшинство «читало Смита и Бентама», а для мужицкого большинства даже «чтение грамоты числилось, по словам М. М. Сперанского, между смертными грехами». А ведь в сегодняшней-то России именно от этого

В. А. Шендерович

позавчерашнего мужицкого большинства и зависит судьба страны. Неувязка получается у ваших Тренина со Степашиным. Наивно это как-то, мягко говоря.

Забывать, что ли, они от нас требуют, добивает меня скептик, что и по сей день, полтора столетия спустя после отмены крепостного рабства, не научилось это большинство, если верить Виктору Шендеровичу, любить свою родину «не на зло миру, без угрюмства, без ходячих желваков и насупленных бровей, без вечно оттопыренного в сторону Вселенной

среднего пальца»? Перечитайте хоть «Степь» Чехова, посоветуйте мне, убедитесь, что и в те благословенные времена «культурной сверхдержавы» любило это большинство родину примерно так же, как любит ее сегодня, вся и разница, что не голосовало. Одной сценки достаточно: «Наша матушка Расея всему свету га-ла-ва! – запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк. Степное эхо подхватило его голос, понесло и, казалось, по степи на тяжелых колесах покатила сама глупость».

Прими, однако, пассажир Кирюхины песнопения всерьез и попробуй объяснить ему, что вовсе не «матушка Расея», а кто-то другой «всему свету га-ла-ва», разве не услышал бы он в ответ ровно то же, что описал Шендерович? Едва ли, впрочем, даже самый завзятый народолобец ввязался бы во времена Чехова в спор с Кирюхой. Другое дело сейчас, когда глупость эта не по степи катится, а звучит с миллионов телеэкранов по всей стране, настойчиво убеждая голосующих «Кирюх», что никакая это не глупость, а самая что ни на есть правда. И пусть сегодняшние интеллигенты-Чеховы отплеиваются, кому, по-вашему (т.е. по-моему), поверит Кирюха?

О «зомбоящике»

Приперли, как говорится, к стенке, что тут возразишь? Все вроде бы верно. Я, правда, телеэкранов этих не слышу, но представление имею. Прилежно читаю обоих замечательных летописцев путинского телевидения, Славу Тарощину из «Новой газеты» и Игоря Яковенко из «Ежа», подробно запечатлевающих для потомства сегодняшнее торжество государственного холопства. Когда-нибудь после Путина, попомните мое слово, соберут эти летописи и издадут массовым тиражом – и ужаснутся, читая их, те, кто доживет. Точно так же, как ужаснулись мы с вами в 1980-е, знакомясь с государственным холопством советского телевидения.

Разве не сравнил тогда Андрей Вознесенский Останкинскую башню с гигантским шприцем для всенародных инъекций лжи? Разве не насмешило мир в феврале 1986 года, во время первого телемоста «рядовых граждан на высшем уровне» (Ленинград – Сиэтл), отчаянное восклицание суровой партийной

дамы: «У нас секса нет!»? Разве забыли мы выражение: «Наше телевидение врало всегда, даже когда говорило правду»? СМИП оно ведь тогда официально и называлось – средство массовой информации и пропаганды. Собственно, средством была информация, целью была пропаганда. Разве не был в 1970-е удален с экрана чемпион по популярности КВН («сначала завизируй, потом импровизируй»)?

Короче, и советское, и путинское телевидение было и есть, по сути, «зомбоящик», как его сейчас называют. Только в советское время такого термина, сколько я помню, не было. И, похоже, неслучайно: люди не понимали, что их зомбируют. Не было общественного самосознания, одно государственное было. Благодаря телевидению общество не видело себя отдельно от государства. И власть это понимала, бдительно блюла, так сказать, протокол. Даже КВН с его сомнительными шуточками таил угрозу. Иначе говоря, признавала власть за телевидением особую роль: оно отвечало за формирование и *неприкосновенность(!) государственного холопства*. И по сей день, прав скептик, отвечает.

Возражения

И все-таки на аргумент «что вы хотите, какой народ, такое и телевидение?» мой покойный – да будет земля ему пухом! – друг, телекритик Сережа Муратов, на книгу которого «Эволюция нетерпимости» (М., 2000) я буду здесь опираться, осторожно ответил: «А, может быть, какое телевидение, такой и народ?»

Пока что я все соглашался со скептиком. Сейчас попробую вместе с Муратовым возразить. Разница с советским временем не только ведь в том, что появился термин «зомбоящик», довольно, знаете ли, в сети популярный и свидетельствующий, что какая-то часть общества (может быть, те самые 15%, что упрямо не вписываются в запутинские рейтинги, а, может, судя по популярности термина в сети, и больше), которая ПОНИМАЕТ, что телевидение – не более чем инструмент зомбирования.

И означает это что? Не то ли, что, в отличие от СССР, в постсоветской России появилось ОБЩЕСТВО? А это, в свою очередь, не ставит ли перед нами очень серьезные вопросы: КАК

и ПОЧЕМУ появилось оно вдруг в царстве «Кирюх»? И что еще важнее: не может ли при определенных условиях то же телевидение сыграть роль прямо противоположную, роль освободителя общества от государственного холопства? Именно для того, чтобы ответить на эти вопросы, доказать, что не с потолка взято мое предположение, что та, другая, освободительная роль телевидения уже на нашей памяти СУЩЕСТВОВАЛА, и употребляю я в нашем споре этот гипотетический подход, включая «президента Степашина».

С вашего позволения, я сначала кратко сформулирую свои ответы на эти в известном смысле риторические вопросы, а потом попытаюсь их обосновать.

1. Мы знаем, что возникло общество, не отождествляющее себя с государством (не в дворянской России, заметьте, возникло, а в самой что ни на есть современной), во второй половине 1980-х. Вот стоило власти ослабить контроль над телевидением, и оно появилось.

2. Знаем мы также, что немедленно откуда-то, как из-под земли, зазвучали вдруг новые, свежие, откровенные голоса, что словно бы похороненная заживо на своих кухнях интеллигенция начала на глазах воскресать, и десятки, и сотни, неизвестно откуда взявшихся, честных и самоотверженных телевизионщиков-документалистов тотчас принялись отслеживать этот процесс возрождения общества.

3. Знаем мы, наконец, что едва тот же самый телевизор заговорил другим языком, Россия, все еще формально советская, на протяжении нескольких лет превратилась вдруг в другую страну – из царства «Кирюх» в отечество граждан. Новая телевизионная

С. А. Муратов

журналистика оказалась акушером, если хотите, ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ.

4. Благодаря ей страна открылась миру. И мир давно, со времени послевоенного возрождения Германии, не видевший ничего подобного, ответил десятками корреспондентских пунктов, открывшихся по всей стране. Ничего не было тогда престижнее для зарубежных журналистов, нежели работа в России. Для них это было все равно что прикоснуться к чуду: страна, загнивавшая на протяжении десятилетий за железным занавесом, оказалась ЖИВОЙ!

5. Конечно, к самому этому чуду власть никаким образом причастна не была. Просто такая это страна – Россия, наполовину европейская: сама по себе оживает, едва власть перестает быть держимордой. Но то, что власть тогда возрождения телевидения не испугалась, разрешила, не попыталась под предлогом «споров хозяйствующих субъектов» (как станет она делать при Путине) придушить его, заслуга, бесспорно, ее, новой перестроечной власти.

6. И этот неожиданный союз власти и преобразованного телевидения (назовем его СВТ) изменил страну до неузнаваемости. Можно ли представить себе, что при президенте Степашине, при возобновленной, то есть перестроечной власти, поставившей во главу угла культурное возрождение России, союз этот не повторился бы в начале XXI века?

М. Б. Ходорковский

7. Да, революция 1991-го, как всякая революция, перевернула страну и с ней телевидение вверх дном. Да, за освобождение страны от империи заплатила она чередой разорительных гиперинфляций, малиновыми пиджаками разгулявшейся шпаны

и олигархическим произволом. Но вновь обретенное в 1980-е общественное самосознание она, спасибо Ельцину, сохранила. И десятилетие спустя все более или менее улеглось.

И если даже бывшие олигархи, Ходорковский мне свидетель, создавали уже компании прозрачные, отвечающие самым высшим стандартам мирового хозяйствования, могло ли не возродиться под покровительством президента Степашина и телевидение? Могло ли оно не вернуться к собственным стандартам, однажды, в 1980-е, уже преобразовавшим страну?

8. В конце концов, стояла уже тогда Россия на пороге окончательной «дебрежневизации», т.е. отказа от рентной зависимости, на пороге того, что Чаадаев два столетия назад назвал «слиянием с Европой». Если сумела она совершить чудо, освободившись живой от мертвящего советского ига, затянувшегося на ТРИ ПОКОЛЕНИЯ, могла ли Россия не избавиться и от наследия одного бурного, беспорядочного, коррумпированного, но свободного ельцинского десятилетия?

9. Возможно, могла бы, не разверни ее Путин к еще более коррумпированному «гибридному цезаризму», основанному на все той же брежневской нефтяной ренте? Не нужны были ему, оказалось, прозрачные компании в промышленности (посадив Ходорковского, он сигнализировал бизнесу, что начинается новый передел собственности в пользу СВОИХ, силовых олигархов). Разрушив лучшие журналистские коллективы в медиаимперии Гусинского, он дал понять, что независимая журналистика, в первую очередь телевизионная, для этого нового передела опасна и должна умереть.

10. Но ведь ничего этого, повторяю, не было бы при президенте Степашине. И уже по этой причине шанс стать нормальной европейской страной, как Германия, тоже воскресшая от смертельного сна, у России в начале XXI века БЫЛ.

Если так, то, согласитесь, теперь уже скептику придется доказывать, что такого шанса у нее не было. А это, имея в виду опыт 1980-х, будет, боюсь, не просто.

Вот и все мои ответы. Я не забыл, однако, что основаны они целиком на опыте союза между властью и телевидением в 80-е, во времена горбачевской гласности. А я этот союз пока что лишь декларировал, не доказал. Другими словами, ответы

свои не обосновал. Пришло время исполнить обещание. Конечно, я не вправе надеяться только на свою память. Тут нужны наблюдения профессионала, документировавшего этот союз. Никого лучше для этой роли, чем Сергей Муратов, о котором я уже упоминал, я не знаю. Потому и приглашаю скептиков последовать за мной

В вотчину Сергея Муратова

Началось все, как и в Германии, с того, что дети не захотели жить, как жили их родители. Все и было поначалу, если хотите, восстанием детей. Уже через месяц после телемоста Ленинград – Сиэтл, когда словно выдохнула страна «Господи, да они такие же люди, как мы», началась «лестница» (программа называлась «12-й этаж»). Нашли телевизионщики группу подростков, обживших лестницу черного хода одного из столичных домов культуры, куда с парадного их не пускали. Время было то, о котором знаменитый насмешник Жванецкий сказал, что читать стало интереснее, чем жить. Вот и захотели показать, что смотреть еще интереснее, чем читать.

Придумали приглашать на лестницу чиновников. Побеседовать с ребятами. Они, представьте, приходили. И тут начиналась рубка лозы: «Не уходите от ответа!», «Резолюции? А что-нибудь кроме них умеете?», «Скажите прямо: да или нет!» Никакого уважения к власти. «Лестница, – говорит Муратов, – сразу же стала действующим лицом». Говорили о ней смешно: «Как бы мы ни сердились на лестницу», «Что бы ни говорила об этом лестница», «Пусть извинит меня лестница, но...» Эффект был такой же, насколько я могу судить, как от тургеневских «Отцов и детей». Грядут новые Базаровы, «новые люди». Ничего общепризнанного не признают. Авторитеты высмеивают. Чины презирают.

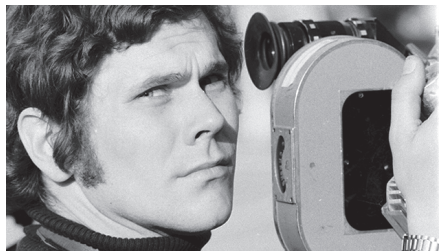
Лестнице наследовал еще более громкий документальный фильм Юрия Подниекса «Легко ли быть молодым?». Опять о подростках. И снова о тех, кто духовно порвал с родителями, не хочет жить, как они. Монолог-исповедь одного из героев скажет больше, чем любой комментарий: «Никто так и не понял, что мы надели эти кожанки с заклепками и взяли это громкое

слово “металлисты”, чтобы показать всем: мы – грязные, ободранные, жуткие, но мы – ваши дети, и вы нас такими сделали. Своим двуличием, своей правильностью на словах. А в жизни...» Пропасть разверзлась между поколениями, вот о чем был этот фильм, собиравший на массовых открытых демонстрациях целые стадионы.

Недолго было ждать, покуда в эту подростковую эпопею вмешаются взрослые. По-разному, конечно, вмешаются. Инспектор Министерства просвещения, допустим, негодовал на телевидении: «Вы нагнетаете ненужный ажиотаж! Разжигаете страсти! Злоупотребляете гласностью!» А педагог-новатор, тоже на телевидении, одной фразой пробивал эту защитную броню: «Но дети-то правы».

В концертной студии Останкино, неожиданно ставшей заповедником интеллигенции: писателей, художников, ученых, собирались не затем, чтобы слушать концерты, но чтобы ГОВОРИТЬ перед камерой(!) обо всем, что наболело. Но и там на первом плане были защитники детей, педагоги-новаторы, которые годами без толку стучались в двери этого самого министерства и вдруг увидели на экранах документальное подтверждение своей правоты. Для того ведь и приходили они в этот зал, чтобы артикулировать переживания детей. И спрашивать, спрашивать, что же за общество такое, что гнобит поколение, которое идет ему на смену? И говорили, говорили...

Невольно вспоминается реплика отнюдь не сентиментального Льва Толстого (во время оттепели после смерти Николая I), которую я уже, конечно, где-нибудь цитировал: «Кто не жил в 1856 году, тот не знает, что такое жизнь, все писали, читали,

Ю. Подниекс

Кадр из фильма

говорили, и все россияне, как один человек, находились в неотложном восторге». Ну, вот опять он о дворянской России, заворчит заядлый скептик. Но я ведь, на самом деле, не о той старой оттепели, я об этой, что происходила на глазах нашего поколения 130 лет спустя. Какое уж там дворянство – в 1986 году? Вся и разница, что во времена постникилаевской оттепели не было телевидения, да и о пропасти между поколениями еще не знали, пришлось ждать Тургенева (в нашем случае его роль сыграли «лестница» и рижанин Подниекс).

Удивительно ли, что объем прямого вещания вырос за два года в 30(!) раз? Явилось вдруг «телефонное право» (совсем не в том чиновничьем смысле, к которому мы привыкли) – право зрителя вторгаться прямо в экранное действие. «Свободный микрофон» на улице гарантировал любому прохожему возможность принять участие в общественном разговоре. Более того, телефонные звонки по ходу живой трансляции тотчас обрабатывались компьютером и комментировались тут же на месте социологом в студии. Что там «лестница», не одна лишь аудитория в зале, УЛИЦА становилась действующим лицом передачи. Оказалось, что ей можно доверять, судила она трезво и здраво.

«Улица? Трезво и здраво?» – вправе усомниться скептик. Вчерашняя страна «Кирюх»? Сегодняшнее «путинское большинство»? Выходит, что при одних условиях та же самая улица вопит «крымнаш», а при других судит трезво и здраво? Но ведь этого не может быть. Тем не менее, это факт. Легко проверяемый факт. Многие еще могут помнить, что Татьяна и Владимир Максимовы додумались и до телереферендума «Общественное мнение», который продолжался три часа и сопровождался тучей откликов, телефонных и письменных. И всё трезвых. И всё здравых. «Подобного рода народная публицистика, – комментирует Муратов, – выступала как своего рода форма общественного самосознания». И телевидение, вчера еще протокольное, зажатое, пропагандистское, государственное, стало вдруг главным инструментом его формирования. Союз власти и телевизора работал. Точно так же, как в 1856 году в «дворянской» стране, это была другая Россия. Сегодняшняя, но другая.

Но как это объяснить? Попробуем вот так. Допустим, что арифметическое большинство – это миф. На самом деле есть

бесчисленное множество меньшинств: зажиточных и бедных, умных и глупых, добрых и злых, совестливых и бессовестных, людей с чувством собственного достоинства и пустячных, здравомыслящих и непутевых, (подставьте любую дихотомию). Допустим далее, что при успешной комбинации политических сил преобладает меньшинство здравомыслящее, при другой – непутевое. Другое дело, что у разных народов успешные комбинации разные. Скажем, для американцев с их недоверием к государству комбинация власти и телевидения, обеспечившая торжество здравомыслящего меньшинства в России 80-х, никогда не сработала бы. У них другие приоритеты: жизнь, свобода, стремление к счастью, и нет среди них места власти. А в России никогда не работала успешная комбинация без участия либеральной власти. Вот вам и объяснение. Потому и придаю я такое значение гипотетическому президентству Степашина в начале XXI века. В союзе с либеральным телевидением оно могло бы сотворить еще одно русское чудо.

Распад СВТ

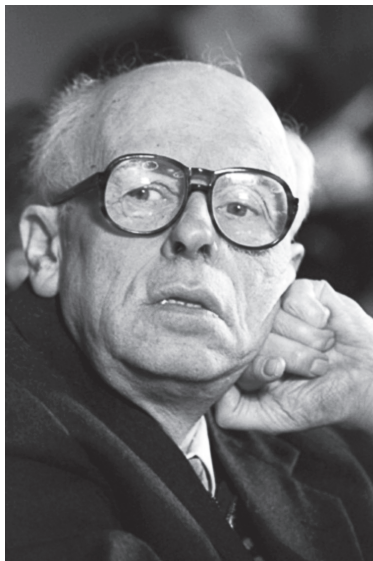
Здесь мы расстанемся с Муратовым. Свою задачу он исполнил, я думаю, на отлично: мы воочию увидели, как рождалось в 1980-е общественное самосознание (в стране, где, нет нужды напоминать, на протяжении трех поколений доминировало сознание государственное). Увидели мы также решающую роль, которую сыграл в процессе возрождения общественного самосознания союз власти и телевидения. Мы не знаем, как пошло бы дело дальше, поскольку существовал этот союз недолго. Он, как мы увидим, распался 13 января 1991 года (конечно, время от времени в минуты крайней опасности союз частично возобновлялся, но первоначального единодушия и энтузиазма в нем уже не было).

Первая трещина появилась в нем с премьерой документального фильма Анатолия Стреляного «Архангельский мужик». Миллионы людей получили возможность стать свидетелями одинокой борьбы с обкомом партии бывшего колхозника, а ныне независимого крестьянина Николая Сивкова, пожелавшего стать первым советским фермером. Увы, тут нашла коса

на камень. Партийный аппарат, и без того с ужасом смотревший на то, что происходило, провел красную черту именно здесь. Повторный показ фильма был запрещен. Вот и выяснилось, что тогдашняя власть имела предел. И это стало предвестием многих будущих отступлений перестроечной власти (см., например, главу «Последний бой Горбачева» в третьей книге).

Потом была еще, конечно, прямая трансляция знаменитого Первого съезда народных депутатов в мае 1989 года, когда момент всеобщего торжества был отравлен в глазах молодых ведущих телевидения (Татьяны Митковой, Александра Гурнова, Дмитрия Киселева, Юрия Ростова) нотой горечи. То, как обращался Горбачев с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, их героем, единственным человеком в стране, публично протестовавшим против вторжения в Афганистан, не прощалось. И поведение «агрессивно-послушного большинства» съезда тоже. Трещина углубилась, союз держался на ниточке.

Доконало его, как я уже говорил, 13 января 1991. «Это было трагическое число в истории нашей страны, – признавалась Миткова, – день, когда в Литве пролилась кровь». Десантники

А. Д. Сахаров

М. С. Горбачев

штурмовали телебашню в Вильнюсе. Воспринималось как the empire strikes back, по названию американской телесери. Власти больше не доверяли.

Распад СВТ не пошел на пользу ни власти, ни телевидению. Власть лишилась надежного ключевого союзника, а телевидение, утратившее идейную составляющую, пошло вразнос. Еще вчера было оно гордым первооткрывателем живой страны, спрятанной от мира мертвящим железным занавесом, десятилетие спустя преобладающая его часть превратилась в криминально-эротическую клоаку, закоснела в коррупции. Достаточно сказать, что обалдели даже американские студенты-практиканты на факультете журналистики МГУ, им никогда не приходилось видеть на телевизионных экранах столько крови и «обнаженки».

ВСЕ, что было после распада СВТ: передел собственности, падение цен на нефть до беспрецедентно низкой отметки (7 долларов за бочку, если я не ошибаюсь) и угроза голода, от которой пришлось спасать страну шоковыми мерами, – усугубило дело. Тем более что вдохнуло новую жизнь в скукожившуюся было во времена гласности Русскую идею. Ее глашатаи, архаисты-имперцы, начали штурм революционной власти. Им удалось перевалить вину за шок первых лет революции с грехов, ошибок и преступлений почившего СССР на революцию. Новаторы оказались изолированы, маргинализированы.

Впрочем, мы все это знаем по третьей книге. Важно нам здесь лишь то, что, когда штурм оппозиции справа закончился в мае 1999 банкротством «красного» правительства Примакова и дорога к модернизации страны была, наконец, снова открыта, ошибка не была исправлена. Напротив, после того как реформистскому правительству Степашина не дали поработать и ста дней, даже попытаться приступить к модернизации не дали, заменив его лидером «партии войны» Путиным, ошибка оказалась роковой. Модернизация снова была отложена на десятилетия.

Теперь о том, с чем нам придется иметь дело.

После Путина

Россия снова окажется перед теми же проблемами, перед которыми стояла она в 1999 году. От ренты будет она зависеть, как

и тогда. И «тучные» годы будут сменяться в ней «тощими», как в библейском Египте. И все попытки подменить модернизацию «маленькой победоносной войной», будь то на Украине, или в Сирии, или где бы то ни было, окончатся, как и брежневские в Афганистане. И никакие усилия «зомбоящика» не смогут больше скрыть, что попытка путинской России играть роль нового СССР завершилась оглушительным провалом. Разочарование будет огромным. Таким же практически, как и в 1980-е.

И так же, как в 1956-м, и 1989-м, придется новому лидеру, чтобы удержаться у руля, искать козла отпущения. И тогда наступит час последней идейной войны. Все стороны согласятся, что виноват Путин. «Депутинизация» окажется в порядке дня. Разойдутся лишь по одному вопросу: В ЧЕМ виноват Путин? Архаисты во главе с Глазьевым будут настаивать: НА том, что ОН попустительствовал либералам в своем правительстве, ставшим стеной против их мобилизационного проекта. Новаторы, с другой стороны, обвинят его в том, что он не допустил модернизации страны (в результате чего Россия архаизировалась). Архаистам понадобится новая холодная война с Западом,

В. А. Гусинский

новаторам – новая гласность. Соответственно, архаисты потребуют подчинения «зомбоящика» целям мобилизации, новаторы – его разгона и возобновления СВТ.

Исход этой последней схватки решит то, какой из сторон удастся маргинализировать своего антагониста. В случае ельцинской революции 2.0 это удалось, как мы помним, архаистам. И кончилась революция Путиным. Для того чтобы послепутинская революция 3.0 оказалась НЕОБРАТИМОЙ, нужны новые мощные и влиятельные союзники. Настойчивый поиск

таких союзников и станет основной темой этой, завершающей книги «Русской идеи». Наряду, конечно, с трезвой оценкой сильных и слабых сторон архаистов (я намеренно употребляю здесь термины Николая Михайловича Карамзина, чтобы показать, как глубоко уходят корни этого противостояния в прошлое России).

Опыт первой идейной войны во второй половине 1980-х, сотворивший, как мы видели, чудо воскрешения вставшего, казалось, в кому народа, превративший его из глубоко и словно бы безнадежно советского в антисоветский, дает нам надежду, что в России такое чудо возможно.

Тем более возможно оно, чудо, что на этот раз будет уже у России и опыт обманувшего ее «гибридного цезаризма». И едва ли найдется после Путина много желающих второй раз вступить в одну и ту же реку, ведущую, как мы теперь знаем, в болото. Вот тогда и пригодится нам выход из положения, предложенный в 1999 году Степашиным. И Трениным.

Легко предвидеть, что скажет на это скептик. Примерно то же самое, что сказал бы в темные советские времена, расскажи я ему тогда, что произойдет с Россией во второй половине 1980-х. В стране «Кирюх»? – спросит, после путинской власти? Шутите? Или за дурака меня принимаете? Только в сказках такие чудеса бывают.

А я, между прочим, писал эту сказку, о которой подробно рассказал в начале этой главы, в самиздатском трехтомнике, пряча его и перепрыгивая, в самом начале 1970-х, когда ни малейшего проблеска в брежневских тучах еще и видно не было. Когда всем вокруг казалось, что советская власть – это навсегда. И что же? Сбылась, как мы только что видели, сказка. Так что, как видите, спор наш со скептиком все еще продолжается – почти полвека спустя. И, как тогда, по-прежнему для меня важно, кого из нас читатель сочтет убедительнее.

ЗАТМЕНИЕ УМОВ?

Смысл прокатки каждой из глав будущей книги в «Снобе» и ФБ заключается для меня в обратной связи, в беспощадной критике читателями всего, что непривычно уху, спорно и, на первый взгляд, даже нелепо. Иначе зачем писать эту четвертую книгу, где речь идет о временах, которые у всех в памяти и о которых все и без меня всё знают? Таких спорных и, по-моему, важных для будущего гипотез во вводных главах (если не считать реабилитации сослагательного наклонения) было две.

1. Попытка разобраться в том, как Президентом России оказался Путин. Вопрос сложный и никем, насколько я знаю, серьезно не исследованный. Я не согласен с Машей Гессен (**The Man Without A Face, 2012**), что Путин попал в Кремль случайно, а других версий, по сути, и нет. Не объяснен ни выбор Ельцина, ни, что еще более важно, выбор либерального СПС. И главное, не раскрыт исторический контекст, в котором возможен был столь, скажем, интригующий выбор.

М. А. Гессен

С. В. Степашин

2. В мае 1999 года премьер Степашин попытался было перевести спор о величии России из сферы непримиримой конфронтации (свобода и права человека против «дерьмократов» и «либерастов») в плоскость выбора между двумя равноЗНАЧНЫМИ отечественными ТРАДИЦИЯМИ ВЕЛИЧИЯ РОССИИ (культурной и географической). Ошибка Ельцина сорвала эту попытку.

Сомневаюсь (опять), что сходу смогу объяснить то, о чем я намерен сейчас писать. Очень надеюсь на терпение читателей. На то, по крайней мере, что они не подумают, читая эту главу, что я с луны свалился. Но похоже, у тех, кто имел отношение к воцарению Путина, случилось в последнем году тысячелетия некое временное затмение ума. Имею в виду лишь тех (увы, многих), чье отношение к этому весьма серьезному событию важно.

Исчезновение Степашина

Это первая из затронутых здесь тем. О том, что Степашин практически не рассматривается в качестве реального соперника Путина (если вообще упоминается) в известной мне иностранной литературе о Путине, я уже говорил во введении. Новостью для меня стало то, что он исчез и в отечественной литературе. Нет, сам по себе факт, что у Путина был соперник, присутствует. Но в этом качестве почему-то представлен самый маловероятный (во всяком случае, после его злоключений в прямом эфире, о которых ниже) из его конкурентов – Примаков.

Впервые эта странность поразила меня в книге Маши Гессен. Пусть написана она по-английски и адресована зарубежной аудитории, сама Маша жила в ту пору в Москве, все своими глазами видела, первую чеченскую наблюдала от начала до конца, вторая как раз при Степашине висела в воздухе. И именно от того, сохранится ли его правительство, как требовал Гайдар, зависело, состоится она, эта вторая война, или нет. Хоть это могло бы, казалось, заинтересовать Машу. Не заинтересовало. Нет в ее книге Степашина.

Общая картина воцарения Путина выглядит у нее так. С одной стороны, Ельцина все покинули. «Ни одного человека с реальным политическим капиталом и амбициями, никого, кто хоть как-то сопрягался бы с офисом президента, вокруг него не

осталось». С другой стороны, на горизонте маячил свирепый Бармалей – Примаков со своей страшной ОВР, грозившей взять власть и расправиться с Ельциным и его окружением. Окружение, понятно, перепугалось. Вот тогда и возник Путин (человек, заметим, без какого бы то ни было политического капитала и вообще никак не сопрягавшийся, на первый взгляд, да, честно говоря, и на второй, с офисом президента), и все успокоились.

Ничего неправдоподобнее этой картины невозможно придумать. Начиная с того, что никто из людей с политическим капиталом и амбициями Ельцина не покидал, и кончая тем, что на выборах в Думу 19 декабря «грозная» ОВР, возглавленная Лужковым (Примаков к тому времени вообще выбыл из игры), набрала лишь 13% голосов, на целых 10% отстав от созданного за месяц до выборов, то есть явившегося буквально ниоткуда, «Единства». Правда, Комиссия ОБСЕ подвергла ход выборов некоторому сомнению, но в целом пришла к оптимистическому выводу: «Россия остается верна своему демократическому курсу».

Ничего этого Маша не заметила. Возможно, потому, что кремлевские пертурбации ее не занимали и для нее все там были на одно лицо. Однако как объяснить то, что, как и у Маши, Степашин исчез из анализа одного из самых проницательных наблюдателей кремлевских пертурбаций, уважаемого Ильи Мильштейна? Вот, пожалуйста: «Осенью 1999-го реальных кандидатов было два: Путин и Примаков».

Это Илья вспоминал в 2015 году (в связи с кончиной Примакова). Но он не поленился и в подтверждение процитировал для нас свою старую статью 1999-го. Читаем: «Тасуя небогатую колоду претендентов на кремлевский престол, власть и элита останавливают свой взор на Примакове и Путине... Примаков и Путин, Путин и Примаков... Примаков и Путин – это наше все, как высказывался один московский журналист. Все, что мы заслужили». Это как объяснить?

Не в одних журналистах, однако, дело. Напрочь забыли про Степашина и либеральные политики, еще недавно единодушно, как мы видели, поддерживавшие его программу (или намеков на программу). Перед выборами они в кои веки объединились в Союз правых сил (СПС). В него вошли практически все, кроме «Яблока», тогдашние либеральные партии: и «Общее дело»

Хакамады, и «Демократический выбор России» Гайдара, и «Новая сила» Кириенко, и Республиканская партия Владимира Лысенко, и «Голос России» Титова, и «Россия молодая» Немцова. И под каким же лозунгом шел СПС на выборы? «Путина в Президенты, Кириенко в Думу!»

О программе Степашина никто и не вспомнил. Что ж упрекать иностранцев, если у своих он исчез? Действительная проблема, однако, в том, что вместе со Степашиным исчезла и либеральная европейская альтернатива постъевразийской России.

Выходит, никто не заметил конца России-Евразии, другими словами, ОКОНЧАТЕЛЬНОГО распада империи, того «разрыва непрерывности» и «аннулирования 500-летней традиции территориального расширения», в которых состоит смысл мону-ментального заключения Тренина. Не придумал же его Тренин, в самом деле. Вот факты. К исходу XVII века Московия завоевала Сибирь, дошла до Тихого океана, превратив Европейскую Россию в Евразию. Дальнейшая экспансия была возможна лишь на Юге и на Западе. И Россия-Евразия, возникшая на обломках Московии, прилежно продолжала начатое. По расчетам бывшего военного министра Российской империи А. Н. Куропаткина, в XVII–XIX столетиях Россия-Евразия воевала 128 лет из 200, причем 90% ее войн носили наступательный характер, преследовали экспансионистские цели. После неудачной попытки передела Европы в середине XIX века при Николае I она добилась своей цели в XX веке при Сталине, проглотила, не поперхнувшись, почти половину Европы.

И вот при Ельцине всей этой четырехвековой традиции территориальной экспансии ПРИШЕЛ КОНЕЦ. Тренин лишь констатировал

Е. М. Примаков

грандиозную историческую катастрофу экспансионистской империи России-Евразии, которую все мы наблюдали своими глазами. И от того, кто окажется преемником Ельцина, Степашина или Путин, зависела, по сути, судьба России в первой четверти XXI века. Страна стояла перед выбором. Она могла начать процесс культурного возрождения и «слияния с Европой», завещанный ей еще два столетия назад Чаадаевым (см. главу «Европейский выбор России» в первой книге). Но могла и предпринять последнюю отчаянную и *обреченную* попытку оспорить приговор истории, взять реванш.

Обнаружилось странное. Ни иностранные авторы, ни отечественные журналисты, ни, что важнее(!), либеральный СПС НЕ ЗАМЕТИЛИ рокового выбора, перед которым в 1999 году стояла Россия. Выбора, воплощенного в двух конкурировавших за роль преемника Ельцина персонажах. Более того, напрочь потеряли из виду того из них, кто мог предотвратить попытку реванша. Не поняли, что впервые в русской истории конец Евразии означает настоятельную необходимость ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВОГО места России в мире. И следовательно, реальный выбор пути.

И что бы ни происходило в стране сегодня, никуда она от этого выбора не денется. Степашин обещал европейский выбор. А что обещал Путин? Ничего. И кто как не либералы обязаны были спросить его об этом прежде, чем бездумно отдать ему свои голоса? Не спросили. Даже не подумали спросить. Что ж сейчас жаловаться?

И попробуйте теперь объяснить голосование СПС в 1999 году иначе, нежели, простите, стихийным временным затмением умов.

Ошибка. Но исправима ли?

Да, благодаря «самой жестокой ошибке Ельцина», как окрестил выбор Путина летописец этой ошибки Олег Мороз, первый блин получился комом. Да, постъевразийская Россия отвергла европейский выбор, предложенный ей Степашиным. Да, выбрала она Путина, который вместо этого повел ее по традиционному для России-Евразии пути Александра III, попытавшись подавить

поворот к новой европейской идентичности бесшабашным разгулом национализма и средневекового мракобесия (см. главу «Режим спецслужб и еврейский вопрос» в первой книге).

Но вспомним – не отшибло же у нас память, – что фокус не получился даже у Александра III. Уже тогда на аналогичный шабаш мракобесия Россия ответила революцией Пятого года, Столыпинской реформой и в конечном счете Февральской революцией. Пусть неудачной, спору нет. Но тогда была еще Россия-Евразия, и ни о потере традиционной идентичности, ни о поиске нового места в мире речь не заходила. А сейчас-то речь именно об этом.

Пусть сегодня как угодно успешно Путин разыгрывает роль Александра III, но век-то его измерен. Пусть после него, как после Сталина, роль Хрущева во внутриклановой борьбе достанется на первых порах, допустим, Шойгу, и на первый план в этом случае выйдет Сибирь (об этом мы еще поговорим подробно дальше). Но «депутитизации»-то все равно не избежать. И гласности тоже. Залогом тому – вековой опыт российской истории. «История злопамятней народа», как говорил Карамзин.

И точно так же, пусть не удалась Степашину роль Столыпина, разве это основание для его устранения с политической арены 1999 года, как ничтоже сумняшеся сделали либеральные политики и делают сегодняшние авторы – что иностранные, что отечественные? Повторю: ЛИБО это вообще не объяснимо, либо иначе как слепым пятном, временным затмением умов, это назвать невозможно. Лучше, наверное, было бы только «затмением исторического мышления» (слишком уж неполиткорректно было бы считать это историческим невежеством).

Шансы Сергея Степашина

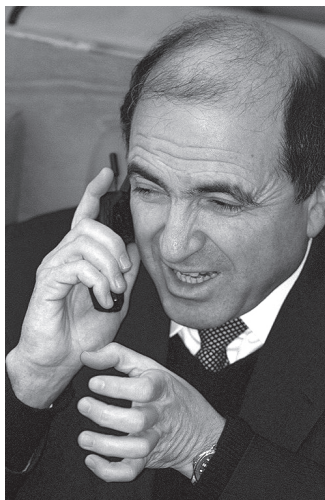
Дело, однако, не только в истории. Еще осенью 1999-го Степашин был вполне реальной политической альтернативой Путину, куда более реальной, чем Примаков. По словам Олега Мороза, «большинство тогдашнего политического класса было убеждено, что уж до декабрьских выборов в Думу правительство Степашина наверняка доработает». Об этом, в частности, сказал Николаю Сванидзе в его программе «Зеркало» Анатолий Чубайс.

И если бы не гипотетическое летнее затмение ума Ельцина, так, видимо, и произошло бы. Доказательство: интервью 8 июня «Известиям» главы президентской Администрации Александра Волошина, в котором он уверенно предсказывал, что «Сергей Степашин вполне может оказаться преемником Бориса Ельцина на посту главы государства». Что это не была случайная оговорка, свидетельствует то, что даже в начале августа, то есть перед самым его увольнением, Волошин поставил Степашина НА ПЕРВОЕ МЕСТО (впереди Примакова и Путина) среди кандидатов в президенты. Сказал, что будет «рад видеть его в кресле Президента». Это означает, по меньшей мере, что назначение Путина 9 августа было актом спонтанным, не согласованным даже с главой Администрации.

Более того, легендарные Таня и Валя (дочь Ельцина Татьяна Дьяченко и ее будущий муж Валентин Юмашев), ближайшие советники Президента, из-за которых команду Ельцина, собственно, и обозвали «семьей», тоже симпатизировали Степашину, а вовсе не Путину (и тем более не Примакову). И они, оказывается, были, если верить Олегу Морозу, убеждены, что «если Степашин хорошо себя покажет, ельцинские планы могут быть изменены в пользу Сергея Вадимовича». Значит, что-то они об этих планах знали.

Т. Б. Дьяченко и В. Б. Юмашев

Б. А. Березовский

Но откуда эти планы, от которых зависело будущее России, по крайней мере на ближайшие десятилетия, взялись? А вот это, как говорят американцы, а million dollar question. По Карамзину – «для ума загадка».

Случай Ельцина

Мы убедились, что Степашин не был обменной фигурой, как Кириенко или Примаков. У него была сильная поддержка не только в Думе, но и на верхах власти, и среди избирателей (82% опрошенных не одобрили его отставку, цифра рекордная). Весь либеральный сектор политического класса тогда еще стоял за него стеной (для Ельцина это было важно). Так или иначе, чтобы его уволить, требовалось нечто экстраординарное. Что это было? Есть только одно разумное предположение, которое, однако, оставляет много вопросов – затмение ума Президента.

Нужно было так его перепугать, чтобы он на время забыл и о своей приверженности демократическим ценностям, и о своей ненависти к диктатуре, согласился на то, от чего отказался даже в 1996 году перед лицом неостановимого, казалось, коммунистического реванша, – на отмену выборов. Кто мог сделать это с больным, усталым, психологически явно неустойчивым Президентом в 1999-м? Если верить Сергею Звереву, заместителю главы президентской Администрации (уволенному 3 августа, за неделю до назначения Путина), сделал это Березовский.

Хотя по должности Зверев был одним из самых осведомленных людей во всем, что варилось на кремлевской кухне, то, что Путин обязан своим назначением именно Березовскому, – все же пока гипотеза. Хотя и весьма правдоподобная. Попробуем в ней разобраться.

Много лет спустя, уже изгнанный из страны и обесславленный, Березовский все еще был уверен (судя по тому, что он рассказывал Маше Гессен), что оценивал тогдашнюю ситуацию правильно. «Положение граничило с катастрофическим, – говорил он. – Мы потеряли время и с ним наше позиционное преимущество. Примаков и Лужков успели организовать в общенациональном масштабе. Около пятидесяти губернаторов уже числятся в их политическом движении. А Примаков – монстр. Он намерен развернуть

все, что было достигнуто за эти годы». Короче, Березовский утверждал, что давать сокрушительный отпор нужно было немедленно. Любой ценой. Битва предстояла не на жизнь, а на смерть.

Ничего удивительного, что купилась на такую паническую тираду наивная Маша Гессен (отсюда в ее книге свирепый Бармалей-Примаков). Удивительно, как мог, слушая этот любительский вздор, промахнуться такой опытный политический волк, как Ельцин. А он (помните киплинговского Акелу?) и впрямь промахнулся. Во всяком случае, оставил в своих «Полуночных дневниках» довольно бессвязную запись, свидетельствующую, что он всерьез поверил, будто время решающей битвы настало. Более того, что оно и впрямь за ближайшим поворотом. Совсем как Березовский.

На самом деле это был просчет на уровне шахматиста третьего разряда (хотя Березовский и считал себя гроссмейстером). До президентских выборов оставался еще почти год, и довольно оказалось одного профессионального телекиллера на Первом канале, чтобы превратить грозного Примакова в мокрую тряпку (о чем мы еще подробно поговорим); большинство губернаторов терпеть не могло Лужкова и тотчас откликнулось на призыв того же Березовского присоединиться к антилужковской партии. Короче, никакой катастрофой не пахло, никакой битвы не на жизнь, а на смерть не предстояло. Ничего, кроме запаниковавшего Березовского.

И тем не менее, вот запись Ельцина: «Мне стало ясно, что приближается финальный раунд жестокой политической битвы. Степашин оказался способен примирить некоторых людей на время, но он не борец с реальными политическими оппонентами Лужковым и Примаковым... Премьера надо менять. Я готов к битве» (Цит. по: Karen Dawisha. *Putin's Kleptocracy*, p. 198). Многое тут зашифровано. Ясно одно: панической оценке ситуации Ельцин поверил, был убежден, что решающая битва ждет его за углом. И потребует эта битва экстраординарных мер, на которые Степашин не способен: до конца не пойдет («не борец»). Нужен премьер (он же преемник), который пойдет на ВСЕ, что потребуется, чтобы предотвратить приход Примакова.

А у того, что потребуется, по мнению Березовского, была, похоже, своя предыстория. 20 июля в «Московских новостях» появилась статья военного корреспондента Александра Жилина под тревожным заголовком «Буря в Москве». Поскольку за все

прошедшие годы статья Жилина не была, сколько я знаю, опровергнута, это придает нашей гипотезе некоторое дополнительное правдоподобие. И проливает совсем неожиданный свет как на увольнение Степашина, так и на выбор Путина. Содержались в статье обвинения нешуточные.

В том, например, что Кремль якобы планирует отсрочить выборы на пять лет, создав в Москве «венгерскую ситуацию», способную одновременно и скомпрометировать Лужкова, и стать предлогом для введения чрезвычайного положения в стране. В документе, якобы подписанном 26 июня, эта операция по введению диктатуры и называлась «Буря в Москве».

Жилин ссылаясь, конечно, на «анонимные кремлевские источники», между прочим утверждавшие, что для такой операции Степашин решительно не годится. Более того, оказался бы для нее препятствием. Во-первых, потому что «отверг этот авантюристический план, чреватый гражданской войной», а во-вторых, потому что «чувствовал себя уверенно и был принципиальным противником диктатуры».

Уже через две недели после сенсационной статьи «анонимный источник» предстал на пресс-конференции во плоти (ясное дело, это был Зверев) и обнародовал детали плана предстоящей «битвы», якобы внушенной Березовским через «семью» Президенту. По словам Зверева, для ее успеха требовалось заменить всю силовую команду. Премьером должен был стать Путин, сменить его во главе ФСБ – Николай Патрушев, МВД должен был возглавить Владимир Рушайло. Мол, только эти люди действительно были готовы, по мнению Березовского, на все, вплоть до диктатуры.

Что в этом правда, а что фантазия, понятия не имею. За фантазию говорит то, что никакой «Бури в Москве»

А. И. Жилин

и в помине не было. Но и предположение, что некое, пусть временное, затмение ума у Ельцина летом 1999-го произошло, тоже имеет достаточно оснований. Главное, конечно, то, что ВСЕ упомянутые Зверевым лица оказались именно на тех местах, о которых он говорил: Путин – в кресле премьера, Патрушев – в ФСБ, Рушайло – в МВД. Та самая, если хотите, команда Березовского на случай неизвестной «битвы», дважды упомянутой в зашифрованной записи в «Полуночных дневниках» Ельцина. Трудно, согласитесь, поверить, что это – случайное совпадение и Зверев трижды просто угадал. О том же, кстати, свидетельствуют и участвовавшие на Первом канале (то есть явно проплаченные Березовским) инсинуации о безвольности и мягкотелости Степашина. Уж очень явно они рифмуются с записью Ельцина.

Есть также оценка Березовским сложившейся летом 1999-го ситуации как катастрофической, которую он считал правильной даже в изгнании, когда уже знал о провале на выборах «грозной» ОВР. А Березовский умел убеждать, убедил же он Машу Гессен, хотя она о провале Примакова знала. Можно представить себе, как убедительно звучал он в том решающем для судьбы России году. А если серьезно, то в том, что Путин будет самым лучшим для Америки Президентом России, Березовский сумел убедить даже Тэлботта, советника Клинтона по русским делам, который первоначально считал олигарха, извините, просто жуликом. Убедил, представьте, скептического американца, что Путин – совершеннейший реалист. До такой степени, что «ни при каких условиях не станет, в отличие от Примакова, возражать против расширения НАТО» (Strob Talbott. *The Russian Hand*, 2002, p. 365). Нужны еще доказательства?

Так или иначе, Ельцин был, как мы видели, лишь одним из многих, с кем произошло это загадочное временное затмение ума в тот роковой для России год.

Случай Примакова

Его, конечно, спровоцировали. Брутально, по-хамски. Кому было бы приятно, если бы на Первом канале, то есть на всю страну, показали, как врачи копаются в твоих внутренностях,

меня тазобедренный сустав на механический, титановый? А ведь телекиллер Сергей Доренко со своей съемочной группой специально съездил в швейцарскую клинику, где сделали такую операцию Примакову, и попросил врачей продемонстрировать, как она проводится. Чтобы телезрители не упустили ни одной АНАТОМИЧЕСКОЙ детали. Да еще пояснил, что и второй тазобедренный сустав изношен у Примакова до крайности. Поэтому при передвижении он якобы испытывает нечеловеческую боль и предстоит ему еще одна столь же мучительная операция. Какой, спрашивается, из него президент, если он вообще ходить не может. Потому, мол, и отказался от встречи с Ельциным.

И повторялись все эти подробности из передачи в передаче, словно программа Доренко на главном телеканале страны превратилась из политической в медицинскую. Кого угодно такая систематическая травля довела бы до истерики. Тем более что аудитория у Доренко была гигантская. А тут еще пришла неожиданная помощь: Путин, когда его спросили о президентских шансах Примакова, ответил с усмешкой: «Если здоровье позволит». Услышал, значит, Доренко.

Е. А. Киселев

С. Л. Доренко

Что еще серьезней, бывший директор Агентства национальной безопасности США генерал Вильям Одом обвинил Примакова в двух покушениях на жизнь Шеварднадзе. И Грузия якобы представила доказательства. Скорее всего, было это шито белыми нитками. Но все вместе...

Все вместе привело, по-видимому, к временному затмению ума и у Примакова. Как иначе объяснить то, что консервативный политик, вчерашний «красный» премьер в прямом эфире бросился вдруг жаловаться на Доренко своему идейному антиподу, завзятому либералу, телеведущему НТВ Евгению Киселеву? Мне не описать эту сцену лучше Олега Мороза. Представьте себе, пишет Олег, как «этот неторопливый, солидный, исключительно положительный человек, академик, посмотрев по телевизору посвященную своей персоне программу неистового телекиллера, не выдержал, вскочил с дивана в домашних тапочках и принялся звонить... в программу Евгения Киселева».

И зачем? Чтобы предложить Доренко «проплыть с ним наперегонки любую удобную для него дистанцию»? И пожаловаться, что американцы обвиняют его в покушениях на Шеварднадзе, тогда как он, Примаков, к ним «абсолютно непричастен»? Это была жалкая бессмысленная картина, которая навсегда опозорила Примакова в глазах его возможных консервативных избирателей и немедленно свела его президентские шансы практически к нулю. И ничем другим, кроме временного затмения ума, объяснить я ее не умею.

Похоже, нанятый тем же Березовским телекиллер Доренко сыграл в случае с Примаковым ту же роль, что и красnobай Березовский в случае с Ельциным. Ибо кто еще смог бы убедить Президента в том, что «решающая битва» ожидает его за ближайшим углом, если все без исключения близкие ему люди: и Волошин, и Чубайс, и Таня с Валеи симпатизировали Степашину, и сам он «чувствовал себя уверенно»?

Выходит, что несерьезная на первый взгляд гипотеза о временном затмении многих умов и «слепом пятне» в последнем году тысячелетия действительно объясняет, как на самом деле Путин оказался Президентом России.

ЧЕЙ ПРЕЕМНИК ПУТИН?

Вопрос, вынесенный в название этой главы, впервые заинтриговал меня, когда единственным из эмигрантских мыслителей перезахороненным в Москве оказался почему-то Иван Ильин, самый что ни на есть средний из блестящей плеяды русского зарубежья. И дело не только в том, что Ильин бледнеет на фоне таких звезд первой величины, как, скажем, Николай Бердяев, Павел Милюков или Петр Струве, о перезахоронении которых и не думали. Дело еще в том, что репутация Ильина до крайности, как мы скоро увидим, противоречива. Замаранная, скажем прямо, репутация. Так почему же, несмотря на это, именно Ильин?

Еще больше заинтриговал меня этот вопрос, когда многие события правления Путина стали вдруг явственно напоминать идейное наследие Ильина. Особенно поразил меня, а я все-таки историк русского национализма, головокружительный поворот реваншистов в отношении к Путину в 2001 году. Покуда он громил либералов, они считали его СВОИМ президентом: все-таки чекист. Проханов даже разглядел в нем, как мы помним, «нового Иосифа Сталина, до времени затаившегося в еврейском подполье». И вдруг практически во мгновение ока стал он для них предателем, продавшимся пиндосам. Почему, увидим в конце этой главы. А здесь лишь отмечу, что столь взрывной поворот в поведении реваншистов слишком напоминал перемену в отношении зарубежных либералов к Ильину в 1930-е, чтобы выглядеть случайностью.

Конечно, не только этот эпизод, но и длинный ряд событий, о которых пойдет речь, убедил меня в том, что, как ни странно это звучит, у Путина-таки есть свой гуру.

Идейный наставник

Именно потому, что этот путинский гуру, Иван Александрович Ильин, известен менее других, нужно сказать о нем несколько

слов. Он был **национал-либералом**. Мы встречались с такими, как он, в первой книге, их было полно в дореволюционной России. В эмиграции все было сложнее, суровее. Люди определялись без дефисов. Правые реваншисты чуждались Ильина за безразличие к реставрации самодержавия, либералы – за пристрастие к «национальной диктатуре» и некой «обновленной демократии» после большевиков.

Тем более что пристрастие это сыграло с Ильиным злую шутку. Он жил в Германии, когда к власти пришел Гитлер, и всячески издевался над либералами за их неспособность разглядеть в нацизме такие его, я цитирую, «положительные черты, как патриотизм, вера в самобытность германского народа и в силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению, социальная солидарность и внеклассовое братски-всенародное единство». Именно так, по мнению Ильина, должна была выглядеть излюбленная им «национальная диктатура» в постсоветской России.

Правда, то, во что вылилась нацистская «вера в силу германского гения», испугало Ильина (все-таки был он либерал,

И. А. Ильин

пусть и национальный) и пришлось ему снова эмигрировать, на этот раз из Германии в Швейцарию. Но либералы не простили ему этого кунштюка. В 1949 году в нью-йоркском «Новом журнале» появилось открытое письмо его тогдашнего редактора Романа Гуля Ивану Ильину. «Перемены Вашего духовного лица, – писал Гуль, – я старался понять. Но вот к власти пришел Гитлер, и Вы стали прогитлеровцем. У меня до сих пор имеются Ваши статьи, где Вы рекомендовали русским не смотреть на гитлеризм глазами евреев... Как Вы могли, русский

человек, пойти к Гитлеру? Категорически оказались правы русские, которые смотрели на Гитлера глазами евреев».

Однако даже эта роковая ошибка не заставила Ильина поверить в победившую после разгрома нацизма «формальную демократию». Вот его аргумент против нее: «Надо выбирать. Одно из двух – или тоталитарное рабство, или демократия. Третьего исхода нет! Так скажут нам политические доктринеры. Мы ответим им: нет, есть еще третий исход... *это твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно-лучшие силы и воспитывающая народ... к органическому участию в государственном строительстве*» (курсив Ильина. – А. Я.).

В любом случае «состояние русского народа после большевиков (слова «российский» Ильин не употреблял) будет таково, что введение народоправства обещает ему *не правопорядок, а хаос, не возрождение, а распад* (курсив мой. – А. Я.)... За кошмаром революционного якобинства началась бы эпоха жирондистской анархии – со свирепой крайне правой тиранией в заключение».

«Обновленная демократия»

Вот почему без национальной диктатуры не обойтись. Но конечно же лишь в качестве переходного периода к «обновленному демократическому принципу в сторону отбора лучших людей». В конечном счете «спастись Россия может только выделением лучших людей, отстаивающих не партийные, не классовые, но общенародные интересы». Это, собственно, и имелось в виду под «обновленной демократией», идеальным, по Ильину, политическим устройством, которому, по его мнению, принадлежало будущее. Неясно оставалось лишь, кто и как именно будет отбирать этих «лучших людей». Диктатор? Но не слишком ли велика в этом случае опасность, что отбирать он будет только тех, кто ему предан? Брут, сколько я помню, не согласился доверить это право отбора даже другу своему Цезарю. Подозревал, полагаю, и не без оснований, как вскоре выяснилось, что цезаризм означает конец демократии (а не ее начало, как учил Ильин).

Так, в принципе, выглядело идейное наследство, с которым пришел к власти Путин: национал-либеральная утопия (слова «гибридный» в применении к политике во времена Ильина еще не существовало). Ильин верил, что «придет час, когда русская национальная власть вступит ради спасения России на указанные нами пути». У Путина не было, я думаю, сомнений, что час этот настал.

Имея, однако, в виду опыт нацистской Германии, пережитый Ильиным, так сказать, на собственной шкуре, задачу он формулировал двояко. С одной стороны, требовалось беспощадно подавить «жирондистскую анархию», но с другой – **любой ценой** не допустить к власти «свирепую крайне правую тиранию» («правая» употребляется здесь и дальше в традиционном, реваншистском смысле, как во времена Ильина).

Требовалось также разбудить в стране веру в самобытность русского народа и величие русского гения и, несмотря на все превратности «формальной демократии» (выборы, права человека и пр.), найти способ «выделить» для управления страной «лучших людей». Иными словами, сделать Россию первопроходцем в деле создания в мире идеального политического устройства. Понятно, что предприятие это сложное. Особенно имея в виду, что весь остальной мир погряз в трясине «формальной демократии», хотя Ильин и предрек ей скорую кончину еще в 1930-е. Придется маневрировать, на собственном примере доказывая отсталому миру (понятия «мягкой силы» тоже еще не существовало) преимущества национальной диктатуры и в конечном счете – «обновленной демократии».

В общих чертах – и все. (Ильин был правоведом и экономики старался не касаться, она в его представлении была лишь надстройкой над «правильным» политическим строем.) А теперь посмотрим, насколько удалось Путину воплотить завещание своего наставника.

Новая Русская идея

Как и Степашин, в своем первом премьерском выступлении 16 августа не обошел Путин ключевую тему величия России. Но ее трактовка в обоих случаях отличалась, как день от ночи. Во-первых, у Путина и следа не было степеншинской «уверенности в себе»,

потому в этой теме слышался у него явственный вызов («хоронить Россию как великую державу, мягко говоря, преждевременно»). Обида в этом звучала, обида, которая еще отзовется в будущем.

А во-вторых, то, о чем говорил Степашин, имело, с точки зрения Путина, лишь самое отдаленное отношение к теме величия России. Причем тут, в самом деле, «интеллект», когда речь о действительно серьезных вещах, а именно о «стабильности и надежности власти». 31 декабря он объяснил и идейные ориентиры, на которые стабильная власть должна опираться, тотчас обнаружив национал-либеральный характер будущего президентства. (К слову, мой наставник Владимир Сергеевич Соловьев учил, как, может быть, помнит читатель, остерегаться национал-либералов, полагая, что именно с них и начинается «лестница Соловьева», как я ее назвал, ведущая в конечном счете к «самоуничтожению» России. Но у Путина, как видим, был другой наставник.)

Короче, говорил Путин о новой Русской идее. Отличалась она от старой тем, что представляла собой «сплав» универсальных прав человека с традиционными ценностями России. Под этими традиционными ценностями имелись в виду, конечно, не «культура и интеллект», как полагал Степашин, а «державность», «государственничество» и «социальная солидарность». Каким образом увязывались права человека с «государственничеством» и тем более с «державностью», не объяснялось.

Хотя присутствие в путинском «сплаве» прав человека насторожило тогдашних реваншистов, поначалу они оценили это как маскировку, простили за Русскую идею. Более странно, что такое необычное идейное соседство не насторожило либеральную журналистскую команду (Наталью Геворкян, Наталью Тимакову и Андрея Колесникова), интервьюировавшую Путина в мае 2000 года для книги «От первого лица». О чем угодно спрашивали, о главном не спросили. Многих будущих разочарований удалось бы избежать, обрати они тогда внимание на это бьющее, казалось бы, в глаза противоречие. Но не обратили.

Первые выборы

Позиция премьер-министра, тем более исполняющего обязанности Президента, делала шансы Путина на выборах 26 марта

2000 года практически неуязвимыми. В его руках были все административные ресурсы. Он должен был, казалось, победить легко и с большим отрывом от своих 11 соперников. На самом деле победил он с минимальным перевесом (52,94%), поставленным под сомнение и наблюдателями, и Думой, и даже Госстатом.

Нарушения действительно выглядели вопиющими. Начинались они со статистики. В парламентских выборах в декабре зарегистрировано было 108 074 млн потенциальных избирателей, а в марте их оказалось уже 109 382 млн. Прирост населения в 1,3 миллиона? За три месяца? По данным Госстата, оно не только за это время не выросло, но уменьшилось на 182 тысячи. У ЦИКа не было правдоподобного объяснения этой странности.

Думский комитет, возглавленный коммунистом, установил, что только у КПРФ было «украдено» больше 700 тысяч голосов. Что вместе со статистическим «просчетом» ЦИКа составляло больше двух миллионов голосов. Иначе говоря, практически «съедало» все преимущество Путина. В «формальной демократии» оппоненты могли бы, пожалуй, оспорить результаты выборов, потребовать второго тура.

Тем более что наблюдатели – журналистская команда «Московских новостей» – нашли массу нарушений избирательного закона в Татарстане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Мордовии (даже в разбомбленной Чечне за Путина якобы голосовало 50,63%). Председатель РИК Татарстана Владимир Шевчук, нисколько не стесняясь, рассказал иностранному журналисту, как именно это у них происходило. Называлось «гусеница». Местные чиновники выстраивались у входа в избирательный участок и каждому избирателю вручали заранее заполненный бюллетень вместе со сторублевой бумажкой. Некоторые отказывались, но большинство соглашалось. Когда избиратель выходил с пустым бюллетенем, его заполняли и вручали следующему (Steven Fish. *Democracy Detailed in Russia*, 2005, pp. 42–43). Неудивительно, что в связи с нарушением избирательного закона было возбуждено 440 судебных дел. Одним словом, вместо триумфа – скандал.

Никто, однако, публично не протестовал, массовых демонстраций не было. Ничего подобного тому, что произошло по

аналогичному поводу десятилетие спустя. В 2011-м не узнать было унылую страну «гусениц», о которой рассказывал Владимир Шевчук. Тогда мир вдруг воочию увидел ДРУГУЮ Россию. Но об этом мы еще поговорим. А пока продолжим о той, **старой**. Ведь лозунг 2011-го «Россия без Путина» был вовсе не первым вызовом, с которым он столкнулся. Первым были выборы 2000 года.

Что мог означать этот вызов для преемника Ильина (если, конечно, принять гипотезу, лежащую в основе этой главы)? Несомненно, «жирондистскую анархию», пришедшую на смену «кошмару революционного якобинства» ельцинских лет. Анархию, чреватую распадом страны. И с точки зрения Путина, усвоившего идеи Ильина, известная логика в этом представлении определенно была. Попробуем ее воспроизвести.

Разгром федерации

Почему, спрашивается, всюду, где губернаторы присягнули «Единству», голосовали за Путина, а где не присягнули – против? Разве не ясно, что как хотел губернатор, так и проголосовали? Выходит, в РФ 89 маленьких диктаторов? Разве это не та самая анархия, о которой говорил Ильин, и которая погубит Россию, приведя в конечном счете к «свирепой правой тирании»? И разве не точно угадал эту анархию Ильин за десятилетия до конца советской власти? Не потому ли так настаивал он на «национальной диктатуре», единственно способной с этой анархией покончить?

Такова должна была быть логика преемника Ильина. Но даже окажись на его месте идейный преемник Ельцина, тот же, скажем, Степашин, и он не мог бы не признать, что ситуация с федеративностью, созданная Ельциным с его «парадом суверенитетов», и впрямь была сложной. Другое дело, что логика Степашина была бы совершенно иной. Прежде всего, он понял бы, что в этой сложности заключены два совсем разных вопроса и требуют они разных ответов.

С одной стороны, Ельцин оставил преемнику **федерацию** – единственную государственную систему, посредством которой страной размеров России можно нормально управлять. По

замыслу, в этой системе население свободно избирало своих губернаторов, знающих местные проблемы неспопоставимо лучше, чем могли их знать в центре, и губернаторский корпус в целом составлял верхнюю палату Федерального собрания или, если хотите, Сенат – важное ограничение верховной власти, сильный заслон против реставрации «национальной диктатуры». Для вчерашней унитарной империи это была в высшей степени разумная система. Короче, ельцинскую федерацию следовало **СОХРАНИТЬ**. Таков был бы первый ответ на нашу дилемму идейного преемника Ельцина.

Другое дело, что Ельцин никак не позаботился о том, чтобы губернаторы были действительно подконтрольны населению. Иными словами, о том, чтобы они не превратились в маленьких коррумпированных владык (что особенно важно было в России с ее традиционной имперской болезнью коррупции власти). Следовательно, ошибку Ельцина следовало **ИСПРАВИТЬ**. Таков был бы второй ответ его идейного преемника.

Как исправить? Общепринятый способ лечения коррупционной болезни известен, проверен во всех демократических федерациях. Те же права человека, на страже которых стоят независимые от губернаторов местные СМИ (под защитой и при поддержке федеральной власти). «Права человека» присутствовали, как мы помним, даже в путинской Русской идее (по умолчанию присутствовали в ней и независимые СМИ, своего рода правоохранительная полиция. Присутствовали просто потому, что друг без друга существовать они не могут, права человека без независимых СМИ не более чем пародия). Короче, лекарство есть, ступай исправлять ошибку. Такова была бы логика Степашина, окажись он наследником Ельцина.

Но у власти был идейный преемник Ильина, для которого федерация **БЫЛА** тождественна «жирондистской анархии». Не исправлять ее следовало, а подавить. Беспощадно. И если независимые СМИ есть условие сохранения этой анархии, их тоже следовало подавить. Ильин похвалил бы Путина за последовательность.

А что же коррупция? Слава Богу, новая Русская идея предусмотрела средство для борьбы с ней – государственничество. И предполагает оно совсем другой, традиционный в России,

способ борьбы с коррупцией – административный. Правда, о крайней неэффективности этого способа есть в высшей степени авторитетное суждение. Я имею в виду Николая I, который, посмотрев гоголевского «Ревизора», высказался в том смысле, что не ворует в России, пожалуй, только он один. Это обстоятельство, впрочем, как мы знаем, ровно ничему не научило Николая. Тем более не научило оно идейного преемника Ильина.

Уже через неделю после инаугурации, 13 мая 2000 года, президентским указом была учреждена «генерал-губернаторская», говоря традиционным языком, система контроля над губернаторами. Россия была разделена на семь федеральных округов. Пять из них действительно возглавили генералы, один – бывший министр. Единственной уступкой национал-либерализму было назначение Кириенко начальствовать над Волжским федеральным округом.

И дело тут не только в том, что нечаянно выявилось соотношение компонентов национал-либерализма – шесть «государственников» к одному либералу. Важнее было то, что контролировать **выборных** губернаторов должны были НАЗНАЧЕНЦЫ Путина. Надо полагать, «лучшие люди». А единственному в генеральской компании либералу было дозволено принять в ней участие лишь при условии, что и он согласится стать «государственнымником».

И это было лишь начало разгрома «жирондистской анархии», то бишь выборного губернаторского корпуса. Сначала Цезарь с помощью Думы отнял у губернаторов иммунитет, затем добился права их смещать, покончил с их членством в Сенате, ликвидировав, таким образом, сильную гарантию от «национальной диктатуры», и в конечном счете вообще отменил выборы губернаторов. Ельцинская РФ на глазах превращалась в унитарное государство. То есть название, конечно, было прежним. Но кроме названия...

Опоздавшее прозрение

Кроме названия, осталась «вертикаль власти», что, собственно, является синонимом «национальной диктатуры» по Ильину, той самой, что именую я цезаризмом. Отличается цезаризм от

самодержавия тем, что власть здесь передается не по наследству, а как в древней византийской традиции – преемнику.

Некоторые главы регионов пытались протестовать. Президент Башкортостана Муртаза Рахимов осмелился даже (правда, в интервью британской газете *Gardian*) провести опасные параллели: «Имперские амбиции всегда были свойственны России, и Путин действует в полном соответствии с ними». Но было уже поздно. 1 сентября Путин подписал указ о формировании Государственного совета (для «координации функций органов государственной власти»), члены которого назначались лично Цезарем.

Нет, это еще не было, конечно, окончательной реализацией завета Ильина о «выделении лучших людей для обновленной демократии» (требовалось еще стерилизовать выборы, независимые от государства СМИ, политические партии и пр.). Но это был первый шаг к такому решению: «жирондистская анархия» подавлена, «лучшие люди» названы. Ильин мог быть доволен своим идейным преемником.

Этого первого шага, однако, было довольно, чтобы покончить с затмением ума Березовского. Он демонстративно

М. Рахимов

Б. А. Березовский

отказался от депутатского мандата в Думе и заявил, что не намерен участвовать в возникающем авторитарном режиме. Подобно Рахимову, он тоже пытался сопротивляться. Во всяком случае, вербально. «Президент Путин, – заявил он, – сконцентрировал в своих руках всю политическую власть. Остался по существу последний шаг. Это концентрация информационной власти. Если здесь ему не будет поставлен заслон, то дальше пропасть неминуема».

Но опять же, подобно Рахимову, Березовский опоздал. После ареста Гусинского 13 июня и его капитуляции (медиаимперии Гусинского принадлежали НТВ, газета «Сегодня», журнал «Итоги» и радиостанция «Эхо Москвы») Путин уже выиграл информационную войну так же, как политическую. И если дело Гусинского еще можно было изобразить как «спор хозяйствующих субъектов», то с Березовским не церемонились: отдавая акции ОРТ и катись, если не хочешь в Бутырку. Дорого же он заплатил за временное затмение ума.

Запад. Еще одно затмение ума?

Хочу обратить внимание читателя на одно интересное совпадение. Ровно через год после того, как Гусинский развернул из тюрьмы международную кампанию, заявив, между прочим, о Путине, что «движется он к созданию тоталитарного режима, понимает он это или нет», президент Джордж Буш оповестил мир на саммите «Восьмерки» в Словении, что заглянул в глаза Путину и увидел в них его демократическую душу. Наш, мол, человек.

Разумно в таких случаях воздержаться от комментариев. Конечно, Гусинский был не прав: не к тоталитаризму двигался режим Путина, а всего лишь к цезаризму, в который на наших глазах превращалась привидевшаяся его наставнику утопия «обновленной демократии» (как все временное в России, переходный период грозил превратиться в перманентную государственность). Однако так промахнуться, глядя в глаза российскому Цезарю, который уже установил национальную диктатуру, раздавив «жирондистскую анархию», и вдобавок в гробу видал американскую «формальную демократию»! Впрочем, у Путина была хорошая школа, профессиональный все-таки вербовщик КГБ.

К тому же он помнил завет наставника: выиграть время, чтобы доказать превосходство «обновленной демократии». Возможно, и сам в это превосходство верил. Во всяком случае, над вполне современной экономической стратегией у него в это время работал Центр стратегических исследований, возглавляемый Германом Грефом, куда входили такие светила либеральной экономики, как Егор Гайдар, Алексей Кудрин, Андрей Илларионов, Владимир Мау. Ревизовали налоговую базу, систему государственных доходов, создавали гарантии для иностранных инвесторов, для мелкого и среднего бизнеса. Революция Гайдара, наконец, заработала. В первый же год путинского цезаризма рост ВВП составил 10%!

Реваншисты

Но помнил Путин и второй завет наставника: любой ценой не допустить к власти свирепую правую тиранию. А правые (реваншисты) после расправы с «жирондистской анархией» уже видели в нем своего человека в Кремле. Первое разочарование они испытали по поводу того, что в группу Грефа не был включен их экономический гуру Сергей Глазьев. Но настоящее разочарование ожидало их после 11 сентября 2001 года, когда самолеты, угнанные исламскими экстремистами, врезались в башни-близнецы Нью-Йорка, похоронив под обломками тысячи ни в чем не повинных людей. Для реваншистов тут и вопроса не было, кому в трагический момент Россия должна протянуть руку помощи – жертвам или убийцам... Разумеется, убийцам!

Те же приютившие убийц из «Аль-Каиды» исламские экстремисты, что еще за неделю до ответного удара американцев угрожали из Афганистана южным границам России, тотчас обратились для реваншистов в любезных сердцу союзников. «Общество не желает войны с талибами, – объяснял Проханов, – оно симпатизирует им. Они все больше приобретают оттенок мучеников, стойков... А их лидер мулла Омар превращается во второго Милошевича». Вторил ему, как мы помним, авторитетнейший в ту пору идеолог реваншизма Александр Панарин: «Америка не должна получить русской помощи, никакой помощи от славян, как бы ни настаивали на этом либеральные

компрадоры». И сурово предостерегал: «Те, кто будет сейчас игнорировать национальную точку зрения русских, те рискуют своим политическим будущим».

Нет сомнения, что адресовано это было Путину, который, как мы помним, был первым из иностранных лидеров, кто предложил Америке помощь, да еще и воскликнул в минуту скорби: «Американцы, мы с вами!» Оказалось, что путинский цезаризм был, как и положено преемнику Ильина, национал-либеральным, «гибридным». Могли ли после этого реваншисты не рассматривать поведение Путина как акт предательства, даже если еще за месяц до этого видели они в нем «нового Иосифа Сталина»?

Заключение

Я не знаю, как все это объяснить, если сбросить со счетов предложенную здесь идейную реконструкцию поведения раннего Путина. Очевидно, что и Гусинский в своем Обращении из тюрьмы, и Проханов в своем «Завтра», и даже Жан Тириар, если еще помнит читатель наставника Дугина из Приложения к третьей книге (тот категорически утверждал, что «Ельцин – это Керенский, за ним обязательно придет Сталин»), – все они ошибались. Все одинаково мыслили стереотипами, линейной проекцией прошлого. В действительности до самого 2011-го Путин оставался верен заветам своего идейного наставника. И в результате вел страну не к тоталитаризму, не к новому Сталину. Вел он ее – и привел – к цезаризму.

ЭТО КОНЕЦ? ИЛИ ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ?

«Спектакль окончен» – так вспоминал бывший глава президентской Администрации Александр Волошин свои слова, сказанные Березовскому после его последней встречи с Путиным в сентябре 2000 года. Тогда эти слова означали всего лишь эпитафию независимому российскому телевидению. Полтора десятилетия спустя они звучат не только колокольным звоном по независимым СМИ в эпоху Путина. Послушать, скажем, Радзиховского (и его многочисленных комментаторов на «Эхе Москвы») – звонит колокол по России. Она, говорят нам, безнадежно откатилась в XIX век, во времена Николая I с его Православием, Самодержавием и Народностью – и пути вперед нет. Спектакль окончен. «Не надейтесь!»

Под «спектаклем» теперь имеется в виду, конечно, неожиданно бурный и массовый всплеск надежд, мечта о новой, Европейской России, очаровавшая вдруг страну в конце 1980-х – начале 1990-х. То было, объясняют нам, лишь временное помешательство, нечаянное отклонение от чугунной самодержавной оси Русской идеи, последний стон умирающей страны. Забудьте о нем, здоровее будете.

Мой читатель не удивится, что у меня с этим взглядом проблема. В конце концов, я пишу сейчас завершающую книгу популярного (в смысле не научного) четырехтомника, который так и называется – «Русская идея. От Николая I до Путина». И кому, как не мне, знать, что точно такое же настроение окончательной безнадежности («кончилась Россия») царило в стране и во времена нескончаемого, как тогда казалось, николаевского царствования.

Тем более что конца ему и впрямь не было видно (Николай умер всего лишь 59 лет отроду). До такой степени невозможно было тогда поверить, что кошмар с его смертью кончился, что усомнился даже знаменитый историк Сергей Михайлович Соловьев. «С 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться, – писал он, – свежий воздух производил

головокружение у людей к нему не привыкших. И никто не знал, что будет, не ведут ли нас в какую-нибудь еще тюрьму?» Стоит ли напоминать, что схожее настроение было и при Сталине, который правил пусть и не так долго, как Николай, но все же целое поколение? И даже при Брежневе оно было, хоть и просидел он на троне поменьше обоих предшественников. Я ведь весь этот ужас описывал, я знаю.

И самое любопытное, описывал я и «спектакли», то есть точно такие же временные помешательства, по Радзиховскому, которые **неизменно** возникали и после Николая (тогда это называлось Великой реформой), и после Сталина («оттепель»), и после Брежнева («перестройка»). И такие же всплески надежд описывал, и такие же мечты, как в конце 1980-х. Могу ли я, спрашивается, после этого поверить, что именно сейчас «спектакль окончен»? То есть в окончательный приговор России? Могу ли я в это поверить после того, как написал еще и вполне научный трехтомник «Россия и Европа, 1462–1921», из которого следует, что «спектаклями» этими пронизана ВСЯ полутысячелетняя история русской государственности?

Все еще осложняется (совсем запутывается) тем, что неясно, кто этот роковой откат к николаевским временам затеял – Ельцин или Путин? Большинство иностранных авторов и многие, как мы еще увидим, отечественные склоняются к тому, что откат начался с Ельцина. Особенно настаивает на этом молодой британский журналист Бен Джуда, бестселлер которого (Fragile Empire, 2013) я уже упоминал. Доходит он даже до утверждения, что «первый срок правления Путина между 2000-м и 2004-м вообще ему не принадлежит, был целиком сформирован Ельциным» (р. 36).

Все это, начиная с Радзиховского и кончая мистером Джуда, до такой степени противоречит всему, что я пишу, что не оставляет мне иного выхода, я обязан связаться в

Вынужденный спор

Да, м-р Джуда и краем уха не слыхал об Иване Ильине, о существовании Карамзина знает лишь потому, что его цитировал Сергей Довлатов, а идейной преемственности, как, впрочем,

и многие мои читатели, и представить себе не может. Короче, история России для него – темный лес. Отчасти поэтому он позволяет себе такие лихие виражи, как то, что «первые шесть месяцев путинского президентства были полностью поглощены Северным Кавказом» или что «Путин был исключительно президентом войны, так же, как Джордж Буш после 11 сентября» (рр. 37–38), а «все остальное» передоверил он Касьянову. Так понял он Касьянова, когда тот ему сказал, что в экономические реформы Путин не вмешивался. А то, что «остальное» включало и разгром федерации, и удушение независимых СМИ, иначе говоря, – установление в России цезаризма, м-ру Джуда в голову не приходит.

Не приходит, думаю, не случайно. Ведь он уверен, что «Путин унаследовал от Ельцина и персонал, и повестку, и войну» (р. 36). Но тогда получается абсурд. Если «повестка» Ельцина действительно включала лишение регионов самоуправления, а СМИ – независимости, то каким же образом уцелели они до самого 2000 года? Неужто Ельцину не хватило для своей «повестки» целого десятилетия и пришлось делать это руками Путина? Но это, конечно, доказательство косвенное. Не поверит ему м-р Джуда. Нужен живой пример, который не оставил бы места сомнению, что никакой такой «повестки» у Ельцина не только не было, но и быть не могло.

«Куклы»

Этот пример, как ни странно, показался мне лучшим. Вот моя логика. Вольнодумное НТВ было телевизионной жемчужиной ельцинского царствования. И самым популярным его украшением было именно это сатирическое шоу Виктора Шендеровича. Каждый воскресный вечер 100 миллионов телезрителей хохотали над беспощадной, порой издевательской критикой политики правительства, не щадящей и самого президента.

Совместимо это с «повесткой» удушения независимых СМИ? Хотя за Ельциным и закрепилось прозвище «царя Бориса» (и в шоу оно постоянно обыгрывалось), не было случая, чтобы он запросил пощады, попросил смягчить тон, не говоря уже о том, чтобы убрать изображавшую его куклу. Терпел.

И приближенным велел терпеть. Независимость прессы? Что свято, то свято.

А что «преемник» Путин? «Куклы» обыграли его приход к власти в шоу «Крошка Цахес» по мотивам сказки Гофмана, в которой волшебница (Березовский) околдовала публику и старого короля («затмение умов?»), – и все вдруг узрели в маленьком уродце красавца-наследника. Так что же «преемник»? Из его Администрации тотчас последовал приказ убрать из шоу куклу Путина. Команда Шендеровича на первый взгляд сделала ту же ошибку, что и м-р Джуда: несмотря на крайнюю необычность приказа, она, похоже, все еще полагала, что имеет дело с преемником Ельцина. И хотя формально приказу повиновалась, но оборотов не сбавила. Правда, это можно и, вероятно, следует понимать как проявление незаурядного журналистского мужества.

В следующее воскресенье показали «Десять заповедей». Путин был изображен в виде горящего куста (Неопалимой купины) и облака над Синаем, из которого гремели новые заповеди. В том числе «Не сотвори себе кумира» (кроме Президента Путина!). Или «Не убий» (никого, кроме лиц кавказской национальности!). Нет, после этого «Кукол» не закрыли. Позволили еще несколько месяцев порезвиться, хоть и без

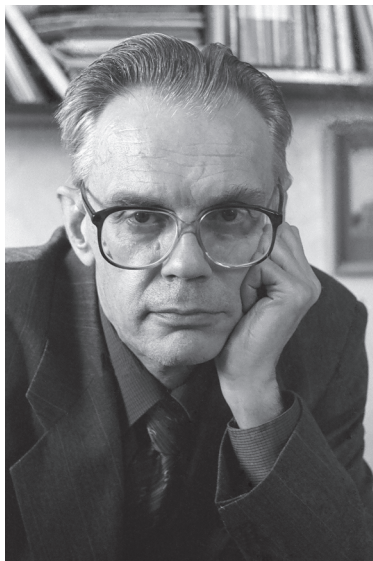
В. Шендерович и его «Куклы»

куклы Президента. Но и ясно дали понять, что смертный приговор подписан и дни их сочтены. Повторилась история КВН брежневских времен.

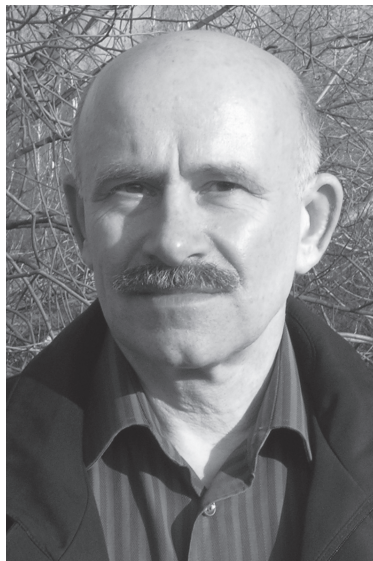
Приговор был приведен в исполнение 10 апреля 2001 года, когда люди в масках изгнали старую редакцию НТВ, а с нею и Шендеровича. На том и закончилась история «Кукол» – за 12 лет до того, как м-р Джуда утверждал, будто Путин лишь исполнял «повестку» своего предшественника и «первый срок преемника был полностью сформирован Ельциным».

Парадокс Дмитрия Фурмана

До самого недавнего времени я был уверен, что только иностранные авторы, пишущие о постсоветской России, с их подчеркнутым прагматизмом и практически полным незнанием русской истории, могли всерьез считать Путина преемником Ельцина. Их логика буквальна: Путин пришел **после** Ельцина – это раз, мало того, был назначен Ельциным – это два. Как же не преемник? Однако, буквально следуя этой логике, мы должны

Д. Е. Фурман

П. Р. Палажченко

были бы считать, скажем, Александра II преемником Николая I, тогда как на самом деле он посвятил жизнь РАЗРУШЕНИЮ николаевской «тюрьмы». Короче, в самом термине «преемник» содержится явная двусмысленность, и на одной букве тут далеко не уедешь.

Я, например, предложил в предыдущей главе термин «идейная преемственность». Возможно, не всем он понравился. Но согласитесь, что Горбачев, безусловно, не был преемником Черненко, скорее Николая Бухарина, и точно так же Путин не был преемником Ельцина, скорее Ивана Ильина. Ну, какой, право, из Ельцина Цезарь, если независимость прессы была для него важна, самоуправление регионов было его детищем, на самостоятельность Совета Федерации как гарантии от произвола власти он не покушался (хотя тот дважды судил против него), и даже некоторые слабые зачатки независимого суда при нем появились? Так что убийственная неоспоримость эпизода с «Куклами» предназначена для спора с иностранцами, а не с отечественными либералами. Эти, мол, и без меня все понимают. Оказалось, я ошибался.

Понял я это, заполучив, наконец, последнюю книгу Дмитрия Фурмана («Публицистика нулевых», М., 2011), за которой давно охотился. С Димой Фурманом мы были приятелями еще в брежневские времена. Уже тогда он был талантливым публицистом и серьезным ученым, «человеком нашего круга», как тогда принято было говорить.

К сожалению, как-то не пересеклись наши пути в постсоветской Москве, и в том же 2011-м, когда вышла его последняя книга, он умер, не дожив до 70 (мир праху его!). Я читал некрологи («светоч независимой либеральной мысли», «гордость российской публицистики») и радовался за него. А теперь вот прочел пространное предисловие к «Публицистике нулевых» Павла Палажченко (верного паладина Горбачева), подробно обобщающее их суть, – и обомлел. Для меня это был шок. Передо мной был парадокс: основная идея несомненного либерала Димы Фурмана совпадала, оказывается, со взглядами «лево-патриотических политиков». Как и для них, последние десять лет (то есть первые два срока Путина) для Фурмана – «органичное продолжение ельцинской эпохи». И Путин делает «примерно

то же самое, что делали бы на его месте любые другие реальные преемники Ельцина».

И это Дмитрий Фурман, независимый либеральный мыслитель! Сказал бы еще про ельцинскую «повестку», осуществленную Путиным (хотя именно это он, пусть другими словами, и говорит), и было бы его не отличить от м-ра Джуда. Палажченко восхищен логикой Фурмана. «События, – говорит он, – подтвердили его логику и опровергли иллюзии его оппонентов (в основном предполагаемых, потому что спорить с Фурманом в открытой печатной полемике мало кто решался: слишком велика разница в интеллектуально-весовых категориях)». Какие такие события подтвердили логику Фурмана – умалчивается. Но я все же скажу, что именно «неопровержимая» логика Фурмана как раз и была его ахиллесовой пятой. Сейчас мы это увидим.

Первородным грехом постсоветского «спектакля», который Фурман так и не простил Ельцину, он считал незаконный развал СССР (Беловежскую пушу) и «расстрел парламента» в 1993 году. Оттуда, мол, все, включая Путина, и пошло. Каждому из этих событий в третьей книге «Русской идеи» посвящены отдельные главы и нет смысла повторять здесь мои аргументы. По-моему, как, я надеюсь, помнит читатель, обвинять в них Ельцина пристало больше реваншисту Проханову, нежели либералу Фурману. Но спора ради уступим здесь Фурману. Пусть Ельцин виноват. Что это меняет?

Палажченко объясняет: «В самом общем виде его концепция состоит в том, что ни российская власть, ни общество и его самая активная часть интеллигенция, ни то, что принято называть народом, *не готовы* (курсив мой. – А. Я.) к демократии, и все они, каждый по-своему, способствовали возникновению системы, камуфлирующей этот факт и во многом воспроизводящей модели прежней эпохи. Эта неготовность к демократии объясняется рядом причин исторического и культурного характера». Самое обидное, что я опоздал – теперь уже не спросишь и не поспоришь. А следовало бы. Ибо в самом сердце фурмановской логики обнаруживается вдруг дыра размером в пропасть.

В самом деле, подумайте: если «спектакль» 1991 года произошел из-за того, что Россия не была готова к демократии «по причинам исторического и культурного характера», то что

могли изменить какие угодно действия Ельцина, будь он трижды виновен? При чем здесь Беловежская пуща или «расстрел парламента»? При чем здесь вообще Ельцин? Неготовность России виновата. Таинственные «причины исторического и культурного характера» виноваты, хот, что это за причины, нам и не объясняют. Так за что Фурман так взъелся именно на Ельцина, а, скажем, не на Горбачева, затеявшего весь этот заранее, как мы слышали от Фурмана, обреченный – в неготовой к нему России – «спектакль»? Дыра в логике? Еще какая! Но это так, для разгона.

Я бы на месте Фурмана начал с вопроса: откуда «спектакль»? Ведь советская империя с ее однопартийной диктатурой развалилась бы – с Беловежской пущей или без нее – точно так же, как за семь десятилетий до нее развалилась Российская империя с ее самодержавной диктатурой. И в обоих случаях развал сопровождался одним и тем же – бурным всплеском надежд. Причем надежд именно на свободу, а не на какие-нибудь «модели прежней эпохи». Почему?

Отсюда следующий вопрос: почему «спектакль» начала XX века продолжался девять месяцев, а в конце века – девять лет (даже если не считать годы перестройки и гласности)? И почему еще в 2000 году Россия оставалась совсем не похожей на «модели прежней эпохи», оставалась федеративной (о чем еще в незапамятные времена мечтали декабристы, но какой она никогда до этого не была), оставалась с независимой прессой, со способным защитить страну от произвола власти Советом Федерации и многопартийной? Другими словами, пусть еще и не демократической, но ОТКРЫТОЙ для дальнейшего движения к свободе?

И последний вопрос, логически вытекающий из предыдущих: не значит ли все это, что, вопреки Фурману, «другой реальный кандидат в преемники Ельцину на месте Путина», тот же, допустим, Степашин, мог повести Россию по направлению к Европе? А Путин, уничтоживший федеративность и независимую прессу еще при жизни Фурмана, превративший Совет Федерации в собрание случайных людей, поставивший регистрацию партий под контроль власти и развязавший в стране шквал мракобесия (о том, что он умудрился сделать Россию изгоем в семье развитых стран, я уже не говорю), повел ее

именно к «модели прежней эпохи»? И что после этого остается от логики Фурмана?

Конечно, Дима был, как мы уже говорили, талантливым человеком и написал много прекрасных статей по насущным вопросам. Просто концептуальная логика не была, увы, его сильным местом.

Секрет Путина

Если принять мою точку зрения на идейную преемственность вместо буквальной, собственно, никакого секрета в том, что я сейчас скажу, нет. Сопоставьте две цитаты – и все как на ладони. Первая такая. За много лет до Путина один из выдающихся представителей российских спецслужб, жандармский генерал Леонтий Дубельт, выпроваживая Герцена за пределы страны, напутствовал его такими словами: «У нас не то, что во Франции, где правительство на ножах с партиями, где его таскают в грязи. У нас правление отеческое».

А вот вторая цитата. Другой представитель российских спецслужб, Владимир Путин, полтора столетия спустя негодовал:

Г. О. Павловский

«Вы хотите, чтобы к концу моего президентства они сделали из меня то же самое, что сделали из Бориса Николаевича? Надо признать, наши телевизионщики славно потрудились, чтобы запечатлеть в сознании российского общества образ Ельцина как алкаша, клоуна, недееспособного недотепу». Говоря языком Дубельта, Ельцин забыл, что «у нас не Франция» и «правление у нас отеческое». Забыл – и позволил «таскать себя в грязи», а он, Путин, помнит – и не позволит (тут к месту эпизод с «Куклами»).

Его наставник Иван Ильин тут как тут. Он облек обывательское негодование Путина в четкую идеологическую формулу: в отличие от «формальной демократии», Россией должны руководить «лучшие люди», и лучший из них – национальный лидер, Отец Отечества, можно ли «таскать его в грязи»? Не думайте, что формула – пустяк, психологически она первостепенно важна: она позволяет Цезарю по-прежнему ощущать себя демократом, пусть и в «обновленной демократии». Именно она, согласно Ильину, – будущее человечества. Она дает Цезарю возможность не только партнерствовать с демократическими лидерами, но и чувствовать свое превосходство над ними. Это и есть та «другая реальность», в которой, по мнению Ангелы Меркель, живет Путин.

Есть, однако, еще одна, историческая, сторона дела. Тут столкнулись два непримиримых представления не только о свободе слова и независимости прессы, но и о самой природе русской государственности. Глеб Павловский, ныне раскаявшийся *spinmeister* раннего Путина, признается, что его задача по восстановлению в стране «отеческого правления» сводилась, по сути, к тому, чтобы «разбудить в народе привычку к обожанию национального лидера». Иначе говоря, воскресить традиционную в России со времен самодержавной революции Ивана IV ауру первого лица.

Я говорю «воскресить» потому, что аура эта практически умирала. Ну, кто, спрашивается, обожал косноязычного Брежнева? И тем более Черненко? На мгновение подняла было голову полумертвая аура с гласностью Горбачева, но очень быстро опять скукожилась. Ельцин, как мы слышали от Путина, жизни ей тоже не добавил. «Таскали в грязи», как во Франции. И пальцем не пошевелил, чтобы напомнить журналистам, что он все-таки царь Борис. Задача перед Павловским стояла поэтому поистине прометеевская. Но Путин не поспешил. И нашлось в Москве достаточно молодых, талантливых, усвоивших западные политтехнологические приемы ребят, которые за большие деньги и из спортивного интереса взялись воскрешать архаическую традицию «обожания национального лидера». И воскресили.

Это, впрочем, пусть останется на их совести. Но что говорит это о заказчике? Разве не то, что, став президентом, он не

пожалел усилий, чтобы НЕ СТАТЬ преемником Ельцина? Вот и весь его секрет.

Заключение

Но это все детали. Вернемся к главному: к истории вопроса, вынесенного в заголовок. В 2015 году исполнилось 160 лет со времени кончины Николая I, правление которого многие переживали как конец России. И собственной жизни тоже. Серьезные историки, гордость русской историографии Сергей Соловьев и Тимофей Грановский опасались не пережить этого царствования. Сергей Михайлович оставил нам такую запись: «Приехавши в церковь приносить присягу новому государю, я встретил на крыльце Грановского, первое мое слово ему было “умер”. Он отвечал: “Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы еще живы”». Цензор и академик А. В. Никитенко подтверждает: «Люди стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу друзей и родных».

Так выглядел первый в Новое время «конец России». И что же? Выжила. И впереди, как мы уже говорили, была Великая реформа. Она принесла стране многое, включая зачатки независимого суда и европейской государственности. Но предотвратить реставрацию национальной диктатуры не смогла.

Второй «конец России» был связан с воцарением большевиков (или, в другой интерпретации, с Великой социалистической революцией). Он тоже оставил нам великолепные эпитафии. Замечательный поэт Максимилиан Волошин откликнулся, конечно, стихами:

С Россией кончено. На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали.
Замызгали на грязных площадях.

Знаменитый философ и публицист Василий Розанов, хоть и отметил в прозе, был не менее красноречив: «Русь слиняла в два дня, самое большее в три. Что же осталось-то? Станным образом, ничего». И обратите внимание: каждый раз, после каждого «конца», как и сейчас, люди в России были убеждены, что именно в их время «конец» уже окончательный. Иначе

позволил бы себе разве Иван Бунин сказать о бесконечно дорогом ему Отечеству страшные слова: «И как же надоела миру эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь»?

И что же? Снова выжила Россия. И не только в смысле, что в августе 1991-го советская власть так же, как Русь в 1917-м, «слиняла в два дня, самое большее в три», но и в том, что оставила по себе и гласность, и Федерацию, и Ельцина как гаранта свободы ВЫБОРА, неслыханного за все полутысячелетие русской государственности.

Предотвратить реставрацию национальной диктатуры, однако, не смог и этот «спектакль». Прежде всего, из-за «самой жестокой ошибки Ельцина», как назвал свою книгу Олег Мороз. Снова наследовал реформатору еще один Александр III, идейный преемник Дубельта с его «отеческим правлением», а на этот раз еще и Ильина с его «национальной диктатурой». И достался России новый Цезарь. С настроением «третьего конца» в придачу.

Прежде чем проститься, я хотел бы, чтобы читатель не упустил из виду важное: после каждого из перечисленных «концов» Россия вставала со смертного своего ложа все ближе к свободе выбора. А в остальном решать читателю: я ли прав в ответе на вынесенный в заголовок вопрос или Радзиховский? Или, быть может, Фурман?

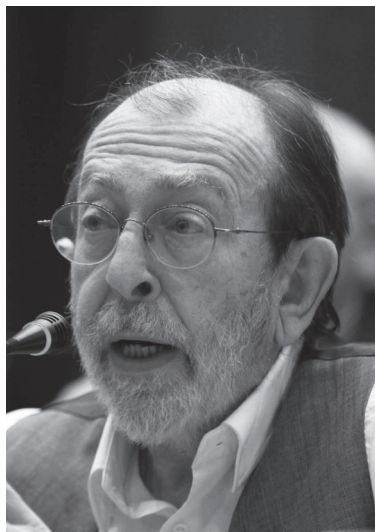
«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

Получил я неожиданно сильную поддержку с двух прямо противоположных сторон. Оказалось, что так же, как и я (в смысле, что постпутинская Россия ничего общего не будет иметь с нынешней, цезаристской), считают еще два серьезных мыслителя. Я имею в виду, с одной стороны, крупнейшего из британских историков современной России Бобо Ло (*«Russia and the World Disorder»*, 2015) и, с другой, уже известного нам Александра Дугина, самого продвинутого из идеологов Русской идеи (*«Автономность интеллектуалов»* / [dynacon.ru / content/ articles/ 6349](http://dynacon.ru/content/articles/6349)). То, что их суждения о будущем России полярны, само собой разумеется.

Концепция м-ра Ло слишком, на мой вкус, рационалистична, несмотря на то, что из известных мне иностранных авторов он единственный, кто говорит о серьезном влиянии на Путина традиционных идей (слишком многие склоняются к несколько вульгарному постулату Карен Давиша «Путин вор») и даже

Бобо Ло

Ален де Бенуа

о прямой его ссылке на идеи Ивана Ильина и Константина Леонтьева. М-р Ло исходит из того, что как только «Россия окажется способной определиться как современная держава (modern power), она еще может стать одним из сильных игроков в мировой политике XXI века». Иначе говоря, Россию он не хоронит.

Конечно, за этим следует обязательная оговорка, что не-реформированную, немодернизированную ожидает ее судьба Испании, великой державы XVI века, умудрившейся на протяжении одного столетия превратиться в европейское захолустье (backwater). Захочет такого исхода тщеславная русская элита? М-р Ло в это не верит. И история на его стороне. Короче, хотя детали его концепции (в которых нам придется разбираться в следующих главах) и сложны, сама концепция проста: чтобы вернуться в семью европейских народов, от России требуется «всего лишь» избавиться от цезаризма (со всем вытекающим из него мракобесием), стать modern power. То бишь он связывает возрождение России, как мы увидим, с «новой либеральной волной».

С Дугиным сложнее. Тут с первого же слова все неясно и тяготно. Он, как мы уже знаем (см. Приложение к третьей книге «Янов vs Дугин»), поборник Традиции с большой буквы. Но что такое Традиция? Для его наставника, лидера европейских «новых правых» Алена де Бенуа, Традиция означает поворот истории вспять, откат к Средневековью – к сословной Европе, ко временам до эпохи Просвещения и буржуазных революций. Но для Дугина это – возвращение к европейскому изгою, фундаменталистской Московии XVII века, родине «Русского бога» и Третьего Рима.

Самого выдающегося из его предшественников, Константина Леонтьева, это, может, и не смутило бы, хоть он и находил в Московии лишь «бесцветность и пустоту». Но православный изоляционист, «византиец» Леонтьев не мечтал о Евро-Российской империи. А Дугин вслед за Аленом де Бенуа мечтает. Только никак не вяжется изоляционистская Московия с Евро-Российской империей.

Иначе говоря, уже с первого, основного понятия собственной реваншистской идеологии Дугин оказывается перед неразрешимой проблемой. Но это лишь начало его трудностей.

Метаполитика

«Метаполитика – это правая контрреволюция, антикапитализм с позиций Традиции». Вы что-нибудь поняли, читатель? И не должны были. Не для нас, профанов, этот птичий язык предназначен. На нем говорят единомышленники Дугина, европейские «новые правые». Но если мы хотим разобраться в его концепции постпутинской России, придется осваивать. Правда, введение к этой мудреной лингвистике довольно сложно.

Выглядит оно так. Идеиная нищета побудила «новых правых» поступиться принципами и пойти на поклон к своим заклятым антагонистам, европейским же «новым левым». Извиняет их лишь одно: враг у них общий – капитализм. Так вот у «новых левых» единомышленники Дугина позаимствовали учение их современного кумира Антонио Грамши.

Об этом еретике марксизма 1930-х мы уже подробно говорили (см. главу «Лексикон Русской идеи» в первой книге). В противоположность Марксу, как решающую силу антибуржуазной революции он выдвинул на первый план ИДЕИ (и соот-

А. Грамши

ответственно, их носителей, интеллектуалов). «Суверенный интеллектуал», по Грамши, совершенно независимо от марксистского «базиса», может организовать массы для революции, используя ситуацию и ошибки власти, как сделал в России Ленин, а в Италии Муссолини (в прошлом Грамши был генсеком итальянской компартии).

И если верить Грамши, то судьба революции в руках «суверенного интеллектуала». Он может заключить «исторический пакт» как с буржуазией, так и с пролетариатом. В первом случае пакт называется

«гегемонией», во втором – «контргегемонией». Иными словами, «метapolитика есть выбор суверенного интеллектуала, идущего на опережение экономико-политических процессов».

Де Бенуа, а за ним и Дугин называют это «правым грамшизмом». В самом деле, коли так уж суверенны эти интеллектуалы, то почему бы им не заключить «исторический пакт» против капитализма не с пролетариатом, на который все еще надеются «новые левые», а с Традицией? Теперь понятно, что такое метapolитика?

Хайдеггер

«Недавно я прочитал, – делится с нами Дугин, – “Черные тетради” Хайдеггера, опубликованные только этой весной, и обнаружил там – что бы вы думали? – метapolитику». Оказывается, знаменитый философ, обитавший в самом сердце победившего нацизма (вплоть до 1945 года он преподавал в Фрейбургском университете), глубоко разочаровался в вульгарном гитлеризме (столь же глубоко, скажем, забегая вперед, как Дугин в путинском цезаризме). И искал пути его преодоления. Но опять-таки, как Дугин, он был политически парализован еще более глубоким презрением к либерализму. В этой, казалось бы, безнадежной ситуации меж двух огней и придумал Хайдеггер свой «бросок вверх» – не ОТ политики, а К метapolитике «как сущности политики».

Тут, признаюсь, Дугин меня потерял. Может быть, нужна помощь философов-профессионалов, но мне почему-то кажется, что и для них это будет выглядеть абракадаброй. Хайдеггер, конечно, большой педагог, хотя и замаранный, как

М. Хайдеггер

Иван Ильин, своим пристрастием к нацизму, но тут он, похоже, самого себя перемудрил. Я еще готов понять то, что следует дальше: «Тем самым политика становится для него [Хайдеггера] политической метафизикой, то есть областью, где определяются начала, смыслы, принципы и структуры, которые позднее ложатся в основу конкретной политики». Но что мог изменить этот хайдеггеровский «бросок вверх» в гитлеровской реальности, как могла его «политическая метафизика» послужить выходом из безвыходной ситуации, я решительно не понимаю.

Даже если предположить невозможное, что Хайдеггер был тайным вдохновителем покушения на Гитлера (немыслимое допущение, потому что действительные его вдохновители висели, подвешенные за ребра, в подвалах гестапо, а он как ни в чем не бывало продолжал преподавать), все равно устранение Гитлера не было бы выходом из идейного тупика. Ибо оно означало бы всего лишь тривиальную капитуляцию перед ненавистным либерализмом.

Так в основу какой именно конкретной политики должны были лечь все те «начала, смыслы, принципы и структуры», что так восхищают Дугина? Ответить на этот вопрос важно, потому что без этого мы едва ли поймем, что именно он предлагает в качестве альтернативы путинскому цезаризму и что замышляет в будущем, быть может уже недалеко. Но здесь, повторяю, вся надежда на философов. Им все-таки Хайдеггер ближе.

А я пока постараюсь показать, почему сегодня Дугин видит себя в ситуации, аналогичной той, в которой находился в 1940-е Хайдеггер.

«Патовая ситуация»

Основная его претензия к цезаристской системе в том, что «она не столько вырабатывает свой интеллектуальный дискурс, сколько стремится сдерживать либеральную гегемонию... Цезаризм не хочет и не может оперировать с миром идей: единственная идея для него либеральная, так как она составляет для него главную опасность». Строго говоря, это не совсем верно. В идейном арсенале путинского цезаризма есть и выкопанная из европейских архивов идея Освальда Шпенглера о «закате

Европы», и доставшаяся от царских времен идея России как «моста между Востоком и Западом», и наконец идея «обновленной демократии» Ивана Ильина. Но в принципе Дугин прав: все это безнадежно вторично. Идейное творчество отсутствует в цезаризме как жанр, и его попытки в этом направлении жалки – не считать же творчеством идею «сакрального Херсонеса».

Но главное для Дугина все же другое: «Для цезаризма политика активной контратаки закрыта и недоступна. Поэтому политика его реакционная и контрреволюционная, но собственной позитивной повестки он не имеет». Без сомнения, этот поворот Дугина к «правому грамшизму» связан с его разочарованием в неспособности Путина довести до логического конца проект «Новороссии» – от Мариуполя до Одессы, по возможности прихватив по пути и Киев.

Контрреволюционность Путина свидетельствует о его незрелости, неготовности к *консервативной революции*. С точки зрения Дугина, доведенный до конца проект «Новороссии» означал бы окончательный разрыв с буржуазным Западом, расчищающий путь к этой консервативной революции. Под которой, как я подозреваю, имеется в виду некий рафинированный национал-социализм. Нет, не гитлеризм (не приведи Господь), разочаровавший не только Хайдеггера, но и Ильина, который, как мы помним, сбежал от него в Швейцарию. А какое-то чистое, беспримесное, патриотическое всенародное братство, которое Ильин поначалу увидел в нацизме. Скорее что-то вроде муссолиниевского фашизма, вдохновленного воссозданием великой Римской империи.

Ибо что есть цезаризм без «контрегемонистского дискурса» – без принципов, без смысла, без цели? Остановка в пустыне, бессмысленное топтание на месте? Он «не является подлинной альтернативой либерализму. Скорее это откладывание, колебания, половинчатость, вечно тянущийся компромисс, симуляция и тшета». Суровый, согласитесь, приговор путинскому цезаризму, по-своему не уступающий любым его либеральным обличениям.

Тут и начинается «хайдеггеровская» мука Дугина. Та же нелепая ситуация, в которой «прямой атаки на цезаризм проводить нельзя, так как этим непременно воспользуются могущественные силы глобального либерализма, то есть сама гегемония». Нельзя, но нужно. Ибо «все интеллектуальное цезаризму

глубоко безразлично, в идеи он не верит». Но с другой стороны, и «у либерализма в России нет достаточно сил, чтобы на корню раздавить контргегемонию (то есть их, консервативных революционеров), так как главным своим противником он видит сильный, доминирующий цезаризм». В результате «возникает патовая ситуация»: нас не атакуют, но и мы не можем атаковать.

«Исторический шанс?»

Единственное, что возможно в такой ситуации, подсказывает Хайдеггер, — это «бросок вверх». Вот Дугин и говорит, что перед консервативными революционерами не только «открывается поле метаполитики», но «именно сейчас у метаполитики есть исторический шанс». Почему именно сейчас? Потому что именно сейчас цезаризм загнал себя в ловушку. Раздразнив массы соблазнительным проектом «Новороссии», он неожиданно и необъяснимо для этих перевозбужденных масс дал задний ход, совершенно очевидно испугавшись окончательного разрыва с Западом. Этот испуг для масс тем более необъясним, что сам режим им и втолковал, что Россия НИКОГО НЕ БОИТСЯ, что, так сказать, «Красная армия всех сильнее».

Алексис де Токвиль учил — и это классика, — что революции происходят не из-за экономических бедствий, а из-за несбывшихся ожиданий. Это, я думаю, и имеет в виду Дугин, когда говорит, что именно сейчас настал момент, делающий метаполитику *«полем наивысшего приоритета»*. Это, похоже, почувствовал и Григорий Ревзин в своей недавней тревожной колонке «Зима близко». Российские элиты, говорит Ревзин, оказались вдруг «уверены, что дело идет к катастрофе». И накрыл их «синдром коллективной обреченности».

Поначалу колонка может вызвать у читателя недоумение. Где увидел Ревзин надвигающуюся катастрофу? Кто может воспользоваться замешательством власти, если нет вокруг и отдаленного подобия большевиков семнадцатого года? Нет даже, если уж на то пошло, ничего подобного оголтелым «патриотам» 93-го. И «базис» хоть и шатается, но стоит. Так откуда «синдром коллективной обреченности», который почувствовал Ревзин, и почему многие с ним согласились? Непонятно, откуда

возьмутся те «50 тысяч психов» (цитирую), которые перевернут все вверх дном и которым никто – при всеобщей апатии – не станет противостоять?

Вот о чем, мне кажется, следовало бы спросить Дугина с его компанией «суверенных интеллектуалов», которых мы, либералы, к сожалению, списали со счетов как безнадежных «психов». Примерно так же, как дореволюционные либералы списали в свое время большевиков. Дугин между тем со всей возможной в подцензурном интернете откровенностью заявляет нечто в сегодняшнем контексте поистине экстраординарное. «Неважно, – говорит он, – падет ли цезаризм от своих внутренних ограничений под ударами гегемонии или обратится к тому, что находится за пределами своей структуры добровольно, например, под воздействием чрезвычайных обстоятельств», мы, «полноценный метаполитический полюс», уже здесь. И «это изменяет всю структуру конкретной политики».

Попытаюсь сформулировать то, что Дугин не может или не хочет сказать власти. Это, конечно, мой домысел, хотя я буду строго следовать изложенной выше логике «правого грамшизма». Вы обречены, говорит он власти, падете вы под ударами глобальной гегемонии или под воздействием чрезвычайных обстоятельств, которые при необходимости мы (правые грамшисты) вам устроим (что для этого у них найдутся «50 тысяч психов» вроде Стрелкова или Бородая, я не сомневаюсь). России предстоит консервативная революция и окончательный разрыв с американской гегемонией. Мы (правые грамшисты) надеемся, что наши единомышленники в Европе последуют нашему примеру. Но мы знаем, что в условиях либеральной

Алексис де Токвиль

гегемонии сделать это труднее и мы можем остаться одни – как маяк антиамериканской Традиции. Если так, мы к этому готовы. Для России такое не впервой.

Если я правильно воспроизвожу логику Дугина, добавить к этому остается немного. Да, Ревзин, с противоположной стороны баррикад, верно уловил подземные толчки политической магмы. Да, консервативная революция, если ей суждено свершиться, была бы очень недолгой, первый же разгром в Украине сдул бы ее, как пенку с молока, но если такой ценой России удалось бы избавиться от сегодняшнего цезаризма, то можно было бы считать, что мы сравнительно легко от него отделались.

Да, ответ м-ра Ло на вопрос о будущем постпутинской России, с которым нам придется иметь дело в следующей главе, будет соответствовать последнему слову западной политической науки, но зловещие толчки магмы, уловленные Ревзиным, так же, как и консервативную революцию Дугина, он, скажу заранее, в расчет не возьмет.

Выбор между этими ответами на вопрос, что ждет Россию после Путина, как всегда, за читателем. Замечу лишь, что, похоже, будет это время не только жестокой межклановой схватки, как после Сталина, но и великой идейной войны. И решаться будет не то, кто выйдет из нее «новым Хрущевым», а судьба России. Есть, как мы уже знаем, кардинальная разница между оттепелью и перестройкой. Но есть и разница между жалкой в своей ярости раннегорбачевской «Памятью» и послепутинской «консервативной революцией». На этот раз Русская идея готова к бою и не намерена упускать свой «исторический шанс». О чем, приуготовляясь ко временам после Путина, кажется, напрочь забыли как наследники цезаризма, так и, что особенно опасно, либеральная оппозиция. Последствия дугинской «консервативной революции» для России, если вдруг, паче чаяния, дугинцы доберутся до власти, будут сравнимы с самодержавной революцией Грозного. То, что такая возможность до конца продумана Дугиным, видно, например, из его тезисов «Метафизика опричнины», где фигура Ивана Грозного в центре рассмотрения, а один из тезисов так и назван: «Неоопричина – евразийская консервативная революция». Именно поэтому я пишу о дугинской метаполитике, несмотря на всю «хайдеггеровскую» абракадабру.

ЧЕТЫРЕ СЦЕНАРИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ

Эта глава, как я и обещал, посвящена тому, как видит будущее России м-р Ло, в прошлом директор Российско-евразийского отдела главного британского мозгового центра Chatham House (*Russia and the World Disorder*, 2015). Это последнее слово западной политической науки по нашему предмету. Вопрос, зачем нам его знать, ставит меня, признаться, в тупик. Хотя бы затем, что оно абсолютно отличается от всего, что циркулирует сегодня на популярных российских сайтах.

Да, оно требует предисловия. Во-первых, потому что автор порой говорит о вещах, само собою разумеющихся для западного читателя, но не вполне внятных для отечественного; во-вторых, потому что некоторые его утверждения требуют подробной интерпретации. А она неминуемо, тут уж ничего не поделаешь, будет отражать и мою собственную точку зрения на будущее России.

Специальность м-ра Ло – международные отношения. Последняя его книга посвящена главным образом внешней

Бобо Ло

политике путинской России, и я, представляя ее российскому читателю, естественно, не могу эту сторону игнорировать. Все четыре сценария будущего России (м-р Ло имеет в виду 2030 год) уместились в заключительной главе. Подробный разговор о них, особенно о четвертом сценарии («Вторая либеральная волна»), самом спорном в свете бурных дискуссий на отечественных сайтах и в западной прессе, нам еще предстоит.

Пока скажу лишь, что ни «национально-освободительной революции» (по британскому же эксперту Владимиру Пастухову, не говоря уже о рекомендованной им «очистительной диктатуре», странным образом напоминающей национальную диктатуру Ивана Ильина), ни «консервативной революции», по Дугину, ни вообще каких-либо революций в сценариях м-ра Ло не предусмотрено. Одна сплошная проза, ничего волнующего. Да и 2030 год, когда он ожидает «вторую либеральную волну», – не ближний свет (впрочем, о дате мы тоже еще поговорим).

В принципе, четвертый его сценарий ближе к одному из ключевых выводов моей трилогии «Россия и Европа. 1462–1921», согласно которому, как знает читатель, ВСЕ диктатуры в русской истории неизменно сопровождались либеральной оттепелью (в особо сложных случаях, как в 1855-м или в 1985 году, – перестройкой). Так было, начиная с деиванизации после самодержавной революции Ивана Грозного в XVI веке до десталинизации после Сталина и дебрежневизации после Брежнева, – в XX веке. **Исключений до сих пор не было.**

А диктатур в истории нашей государственности хватало. И либерализаций тоже. Достаточно вспомнить депетринизацию (13 вполне европейских конституционных проектов соревновались в 1730-м, включая проект Верховного тайного совета), деапавловизацию («дней Александровых прекрасное начало») и дениколаизацию (Великая реформа). Было бы, согласитесь, странно, если бы столь устойчивый исторический паттерн (все-таки четыре столетия!) в XXI веке почему-либо отказал, и России удалось бы избежать депутинизации.

Не случись в 1956 году десталинизация и горбачевская перестройка в 1985-м (не говоря о революции 1991-го), возражение могло бы звучать так: до Октябрьской революции одни самодержцы сменяли других, и после диктатуры либерализация

с новым царствованием выглядела более или менее естественно, а с заменой самодержавия цезаризмом паттерн мог измениться. Диктатор оставил бы после себя хунту, и она продолжала бы прежний курс. Но Сталин как раз и оставил за собой хунту (Маленков, Берия, Молотов). И разве помешала она десталинизации? Передрались, и самый догадливый из них все равно взвалил все грехи на покойного диктатора. Последовала оттепель. Никита Хрущев в 1956 году сделал ровно то же, что Василий Шуйский в 1606-м. Короче, слом самодержавного культурного кода в 1917-м оставил паттерн в силе. Каким он был в XVII столетии, таким в XX и остался.

Конечно, м-р Ло ничего про старую русскую историю не знает, но он нечаянно подкрепил мой вывод, по крайней мер, в отношении того, как сработает паттерн в XXI веке. Исходная его позиция, как я понимаю, такая. Решающая катастрофическая ошибка (она же преступление, добавим мы), обусловившая деградацию страны до сего дня (и до 2030-го), была совершена еще в советское время, в 1970-е, когда власть, поставленная перед выбором – модернизация или рента, – выбрала ренту (см. главу 3 «Кому нужна была перестройка» в книге третьей). Экономика честно сигнализировала упадок. Если в восьмой, «ко-сыгинской» пятилетке (1966–1970) рост производительности труда составлял 6,8%, то в десятой (1976–1980) – 3,8%. Меньше 1% в год. А имея в виду неизбежные «приписки», скорее вообще в минусах. Брежневская система балансировала на грани рецессии. И в случае глубокого падения цен на нефть это угрожало, как выяснилось, не только самому ее существованию, но и тотальным продовольственным дефицитом после нее (к 1985 году за рубежом закупалось уже не 2,2 млн тонн зерна, как в 70-м, а 45,6 млн тонн, и не 165 тыс. тонн мяса, а 857 тыс. тонн, и за все это надо было платить валютой, а где ее взять, если рента скукожилась?).

Ситуацию, согласно м-ру Ло, усугубило то, что ни один из последовавших за развалом империи режимов – ни первая либеральная волна, как он называет президентство Ельцина, ни «мягкий» авторитаризм первого срока Путина, ни тем более жесткая диктатура второго и третьего его сроков – брежневскую фундаментальную «ошибку» НЕ ИСПРАВИЛ (Медведев

попытался было вывести на первый план широкомасштабную модернизацию, но дальше разговоров дело не пошло). Страна продолжала жить за счет ренты и, следовательно, стагнировать, «исчезла с промышленной и технологической карты мира», как зафиксировали позднейшие исследователи.

В развивающемся мире, однако, стагнация даже при сказочных природных богатствах России не может продолжаться вечно. Неизбежно настанет момент, когда она станет угрожать не только величию, но и самому существованию страны. И даже самая изощренная пропаганда не сможет этого скрыть. Вот тогда и придется России всерьез приступить к исправлению ошибки Брежнева (к окончательной дебрежневизации, если хотите). И путинский культурный код (гибридная диктатура) неминуемо будет сломан второй либеральной волной.

Я понимаю, что в таком сжатом изложении этот сценарий порождает больше вопросов, чем ответов. Тем более что «нетерпение сердца» диктует протест против такого затягивания – еще четырнадцать лет ждать?! Отсюда проекты всевозможных революций и ожидание то ли дворцового переворота, то ли «краха системы» в результате внешнеполитического поражения диктатора. Но во-первых, авторы этих проектов не могут объяснить, что помешает «криминальной системе» вскоре после ее «краха» вновь воспроизвести себя с обновленным правящим персоналом. А во-вторых, м-р Ло, как мы увидим в следующей главе, попытался ответить на эти вопросы, и некоторые из его ответов, как я понимаю, выглядят убедительно.

Россия – не Европа?

Как я уже говорил, невозможно получить представление о книге м-ра Ло, обходя некоторые аспекты его внешнеполитических размышлений и не дополняя их, когда необходимо, исторической фактурой.

Мир, за который ратует внешняя политика путинской России, он характеризует как «Вестфальский», то есть мир без лидера и без общепризнанных ценностей, по сути, мир анархический, средневековый. Единственное, что в нем есть от модерна, – это предпочтение «растущего Востока» необратимому

якобы «упадку Запада». Путину, таким образом, отводится роль прямо противоположная роли Петра, развернувшего страну лицом именно к Западу. Что, как логично, мол, было, оправдывают это путинские дипломаты, во времена Петра, мол, росла Европа, а сегодня, когда она в упадке, растет Азия. Так на чьей стороне должна теперь быть Россия? Неужели на стороне угасающего «постзападного» мира, уходящей природы?

При этом Америку они изображают тонущей под грузом нефункциональной политической системы, астрономического государственного долга и всемирных проблем, которые она на себя взвалила. С Европой еще хуже: она вот-вот рассыплется. Пустая и нежизнеспособная, полагают они, вся эта затея с ЕС: в одном союзе нечего делать Греции с Германией или Дании с Португалией. Тем более жертвуя ради него самым, по их мнению, святым – суверенитетом.

Непонятно только, почему при всех этих смертельных, казалось бы, недугах ЕС остается могущественным магнитом, неодолимо притягивающим к себе все новых абитуриентов, вплоть до Сербии или Украины. Особенно непонятно это тем, кто даже не подозревает, что «упадок Европы» имеет в русской литературе долгую и не совсем складную историю.

Вот один из них, некто Николай Спасский, пишет свой опус на тему «Упадок Европы и будущее России» (см. «Россия в глобальной политике», 23 марта 2012). И понятия не имеет, что за 170 лет до него для другого журнала писал на ту же тему и точно то же, разве что похлеще, некто Сергей Шевырев («Москвитянин», № 1, 1841). Вот отрывок (знаю, что уже цитировал, но здесь это важно): «В наших отношениях с Европой мы имеем дело с человеком, несущим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферой опасного дыхания. Мы обнимаемся с ним, и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!»

Трупный запах Европы Шевырев учуял 170 лет назад! А *семь поколений спустя* г-н Спасский сообщает, что она все еще «в упадке». Российская империя за это время успела дважды УМЕРЕТЬ, воскреснув лишь однажды, да и то в образе СССР, а «в упадке» по-прежнему Европа? Так от кого, спрашивается,

«пахло трупом»? Кто был «в упадке» и за кем было будущее? Но вы не поверите, какой восторг вызвал тогда опус Шевырева в имперском истеблишменте. Как писал ему из Петербурга его редактор по «Москвитянину» М. П. Погодин: «Такой эффект произведен в высшем кругу, что чудо. Все в восхищении и читают наперерыв. Твоя “Европа” сводит с ума».

Правда, происходило все это при Николае I, в ту единственную в имперской истории пору, когда царь всерьез вознамерился вернуть Россию в Московию (насколько возможно это было в XIX веке, после Петра). Александр III во времена контрреформ тоже был не против чего-нибудь эдакого, националист он был завзятый, но... тьюфак. Никогда бы не отважился ни публично объявить себя, подобно Николаю, деспотом, ни сформулировать категорически: «Россия – не Европа».

Я, конечно, своевольничаю. Едва ли м-р Ло может знать такие подробности из истории русской литературы. Он лишь говорит, что путинские дипломаты не испытывают ни малейшего почтения к делу Петра и без колебаний заявляют, что пришло время развернуть Россию «лицом к Востоку».

«Лицом к Востоку»

Увы, тут у путинского истеблишмента тоже проблемы. И пожалуй, посерьезнее, чем с Западом. Начать с того, что население России вовсе не разделяет его энтузиазма. Во всяком случае, еще в марте 2015 года, то есть уже после «крымнаша» и пожара в Донбассе, согласно опросу Левада-Центра, 60% опрошенных предпочитали «развитие экономических, политических и культурных связей с Западом» против 29%, стоявших за «разрыв всех связей и отношений с Западом».

Вообще-то не очень понятно, что связывает Россию с динамично развивающимся Тихоокеанским регионом, который, собственно, и имеется в виду под Востоком. Да, у России есть Дальний Восток, четвертая по величине (после Китая, США и Канады) тихоокеанская территория. Но его население (6,3 млн человек) меньше населения крохотного Гонконга и несопоставимо с 70-миллионным населением Таиланда, не говоря уже о 200-миллионном населении Индонезии. Динамичность

развития не стоит и сравнивать. Другими словами, принадлежность России к Востоку более чем проблематична (об этом нам еще предстоит поговорить очень подробно).

Тем более что, не считая нефтяных сделок с Китаем, никакого участия в жизни региона Россия, по сути, не принимает. И едва ли удивительно, что в книге самого изобретателя термина «поворот к Востоку» (см. Kishore Mahbubani. *The Irresistible Shift of Power to the East*, 2008) о России нет ничего, кроме нескольких нелестных замечаний. А в последней книге этого влиятельного филиппинского политолога (см. *The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World*, 2013) России и вовсе нет. Как видно, не помогли ей присоединиться к Востоку ни сделки с Китаем, ни роскошный «мост в никуда», построенный во Владивостоке для очередного саммита АТЭС (на который, говорят, ухлопали миллиард долларов).

Так к чему же отнести путинскую Россию, если для Азии она чужая, неотличимая от Европы, а от европейского гражданства сама отказывается по причине ее «упадка»? Похоже, и в международном аспекте путинская политика завела Россию в тупик. Так же, впрочем, как и внутренняя. Вот о том, при каких условиях возможен выход из этой тупиковой ситуации, и рассуждает в своих сценариях российского будущего м-р Ло.

Не могу сказать, что эти сценарии отличаются большой фантазией. Не только потому, что им предшествует обычная оговорка, что «из-за большого числа переменных носят они не столько предсказательный, сколько предположительный (suggestive) характер», но и потому, что все они просто заимствованы из прошлого. Но об этом судить читателю.

Сценарий первый: «мягкий» авторитаризм

В 2030 году в России будет нечто похожее на «путинский застой». Но хуже. Намного хуже. Основная функция сценария – *сохранить легитимность власти при стабильной стагнации* – начнет быстро сдуваться. Россия станет стремительно терять свои позиции в международной политике. Все большее отставание от США и Китая – это само собой, но к 2030-му ее перегонят и такие региональные державы, как Турция или Индонезия. Из

категории стран с развивающейся экономикой она перейдет в категорию регрессивных наций.

Как видим, этот сценарий не сулит выхода из тупика.

Сценарий второй: «жесткий» авторитаризм

Примерно то же, что было в России после 2012 года. Только власть «сильного лидера» станет еще более диктаторской. Огосударствление экономики пойдет еще дальше, оставшиеся НГО будут разгромлены, «белые пятна» в медиа вроде «Эха Москвы» или «Новой газеты» – ликвидированы. Вмешательство в личную жизнь граждан станет ощутимее, но не больше, чем при Андропове. До сталинской тирании дело не дойдет: дорого и опасно для самой власти (а еще говорят, что история ничему не учит). Хотя реакция на вмешательство Запада в Евразии станет ультрааллергической.

Чем закончится дело с санкциями и с ситуацией на Украине, не сообщается. Из контекста, однако, можно заключить, что ничем: так и останется, как сегодня. До новых провокаций, впрочем, не дойдет – на конфронтацию с НАТО Цезарь не решится. Неминуемого унижительного поражения режим не переживет, но телевизионное «вставание с колен» не только не утихнет, но и усилится.

Важнее, однако, замечание автора, что жертвой жесткого авторитаризма могут стать отношения с Китаем. К 2030-му Китай, безусловно, станет игроком № 1 на просторах постсоветской Евразии, и Россия, которая так и не смиритсся с потерей империи, стерпеть этого не сможет. Недаром же самыми непримиримыми алармистами по поводу китайской угрозы всегда были «державники» (м-р Ло приводит в пример Дмитрия Рогозина, заместителя премьера в правительстве Медведева). Но на конфронтацию с Китаем Россия не решится, как не решилась на конфронтацию с США. Несмотря на то, что ее военный бюджет по отношению к ВВП будет по-прежнему превышать военные бюджеты и Китая, и даже США (в 2013 году соотношение было такое: Китай – 2,1%, США – 3,8%, Россия – 4,2%), она все равно будет оставаться, по выражению недавнего главы путинской Администрации Сергея Иванова, москвой по сравнению со слоном.

Тем более что неудача с «поворотом на Восток» окончательно собьет с толку российскую внешнюю политику. Она начнет метаться между попытками укрепить евразийскую интеграцию вокруг России и «минималистской» политикой вплоть до нового сближения с Европой. Эти метания (вкуче с практической невозможностью изолировать страну от окружающего мира и резким снижением благостояния) и погубят режим жесткого авторитаризма, лишив его легитимности, как лишили в свое время СССР.

Ничего, кроме крушения, не обещает России и этот сценарий.

Сценарий третий: распад

Новую перестройку м-р Ло не предвидит и начинает прямо с того, что я предсказывал в 1995 году. Моя книга называлась «После Ельцина: Веймарская Россия», а для м-ра Ло Веймарская Россия началась в 1992–1993-м. Тогда в стране, он полагает, на равных конкурировали либералы, «державники», коммунисты, паладины советской власти, ультра националисты. И главный вопрос состоял, по его мнению, не в том, сохранится ли Россия как социалистическая империя, а в том, сохранит ли она суверенитет над Северным Кавказом и Дальним Востоком. И ее внешняя политика до 1996 года была не прозападной, как принято считать, а совершенно растрепанной (highly erratic). Что поделаешь, таково последнее слово западной политической науки о ельцинской революции.

В принципе, под «распадом» (fracturing) м-р Ло имеет в виду совсем не то, что мы предполагаем: не отпадание территорий, а скорее неуправляемость, граничащую с анархией, если не просто анархию (это слово он тоже употребляет). Русский национализм, говорит он, будет доминировать.

И если сегодня главные его мишени – Соединенные Штаты и мусульмане-мигранты из Средней Азии и Азербайджана (про украинцев почему-то не вспомнил), то они же к 2030-му и останутся козлами отпущения. Китай тоже может оказаться среди мишеней русского национализма, как только завершит свою трансформацию в глобальную державу. Соединенные Штаты по-прежнему будут ведущей державой мира, мусульмане

составят еще большую долю населения России, а ислам как был, так и останется религией многих ее соседей. Тревога по поводу потери славянской идентичности станет еще острее.

«Естественно предположить, что анархия разожжет антизападные чувства. Однако, как бы странно это ни звучало, может она иметь и эффект противоположный, разбудив интерес к западным нормам и ценностям. Разложение путинской системы дискредитирует как авторитаризм, так и тезис об “особом пути” России. К 2030-му ассоциация свободы с клептократией и национальным унижением увянет, уступив место убеждению, что правовое государство западного стиля не только возможно, но и обязательно для функционального общества». Цитирую, потому что это ответственное заявление, м-р Ло явно готовит читателя к новому «окну в Европу», которое, по его мнению, неминуемо.

Однако опасные последствия «бедной и несчастливой» России – политически искалеченной (*hamstrung*), экономически на костылях и социально деморализованной – стали бы чувствительны не только для нее. Слабость ядерной сверхдержавы отозвалась бы громадной головной болью для политиков и на Западе, и на Востоке. Не менее важно, впрочем, то, что невыносимость такого положения дел почувствовали бы и в Кремле.

Существует ли сценарий, который всех удовлетворил бы? М-р Ло полагает, что существует.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЦЕНАРИЙ

М-р Ло исходит из того, что именно в 2030 году наступит момент, когда скрыть деградацию страны станет невозможно. Если я правильно его понимаю, все будет так же, как с кончиной СССР, – неожиданно и окончательно. Только без перестройки со всеми ее противоречиями и колебаниями. Просто новый лидер, кто бы он ни был, решит, подобно Горбачеву, что «больше так жить нельзя» и не потерять страну (следовательно, и удержаться у руля) можно лишь с помощью новой гласности и модернизации. Имея в виду безнадежно тупиковый исход всех предыдущих сценариев, элиты не осмелятся ему противоречить, а обнищавший к тому времени и дезориентированный народ его поддержит.

Боюсь, сегодняшнему читателю такой прозаический сценарий покажется неправдоподобным и разочаровывающим. Неправдоподобным, потому что трудно себе представить российского лидера, с кондачка решившегося рискнуть властью ради слома культурного кода страны. Тут даже м-р Ло мог бы возразить, сославшись не только на Петра, но и на Александра II, и на того же Горбачева, которые именно так и поступили. Но не с кондачка решились они на это, а перед лицом «конечной гибели» на языке послепетровских реформаторов.

А разочаровывающим, потому что за столько лет разгул мракобесия вполне может сделать деградацию необратимой. Тут мне, пожалуй, придется прийти на помощь м-ру Ло, напомнив и про 70 лет коммунизма, и про тридцатилетнее царствование Николая I, и про полтора столетия (!) Московии с ее диктатурой православного фундаментализма. Шрамы остались, и страшные, но сломать «код» удалось. Короче, аргументы от истории против четвертого сценария не работают.

Да, ничего, кроме прозы, не обещает нам м-р Ло. Зато эта проза снимает мучительные сомнения, доставшиеся нам в наследство от большевистской революции: не станут ли романтические революционеры, обещающие, что «мы наш, мы новый

мир построим», основателями новой/старой криминальной и военно-имперской государственности?

М-р Ло ставит перед нами вопрос: согласны мы ждать столько лет момента, когда большинство населения ОСОЗНАЕТ абсолютную тщету мира, в котором телевизионное «вставание с колен» призвано заменить реальную модернизацию страны? Это не исключает ни политическую, ни интеллектуальную борьбу, где она еще возможна. Нельзя позволить режиму погасить огонек свечи на ветру. Именно этому судьбоносному моменту и посвящен четвертый сценарий м-ра Ло.

«Вторая либеральная волна»

С толь фундаментальный поворот не может напоминать внезапное обращение иудея Савла по дороге в Дамаск в пламенного апостола христианства Павла. Для библейского поворота необходимо чудо. В истории чудес не бывает. Тут другое: наступит время, когда ВСЕ другие сценарии, предназначенные остановить регресс, будут ПЕРЕПРОБОВАНЫ и все обанкротятся.

То есть пробовали авторитаризм мягкий и жесткий, и «особый путь», державность разве что ложкой не хлебали, а страна погибает. И других возможностей не потерять Россию, кроме новой попытки ее освободить и, наконец, модернизировать, попросту не останется. Таков главный аргумент м-ра Ло.

Британский журнал The Economist, в целом доброжелательно рецензируя его книгу («глубокая книга»), безошибочно нащупал ее спорное место: этот самый четвертый сценарий. «Несколько загадочно допущение автора, — пишет рецензент, — что разумная политика России не только необходима, но и возможна. Автор упрекает пессимистов в “ленивом фатализме”, не объясняя толком, почему нынешний мрак (в отношении России) неуместен (misplaced)». Не убедил м-р Ло рецензента.

Я понимаю, в крохотной рецензии много не скажешь, но это не мешает нам развернуть возражение рецензента. В самом деле, если упадок российской экономики начался еще в советские времена, то среди «перепробованных» после развала

империи режимов была и либеральная волна 1990-х, которая не остановила деградацию России, как и последовавшие за ней авторитаризм и державность. Так откуда уверенность автора, что его остановит новая либеральная волна?

М-р Ло, впрочем, мог бы возразить, что первая либеральная волна 1990-х совпала с ТРОЙНОЙ революцией, когда экономическая реформа переплелась с антиимперской и социальной, и России было тогда не до модернизации. На первом плане была борьба с реваншизмом. И реваншизм победил. Соблазн попробовать «особый путь» России-Евразии, когда угасшая советская власть больше не мешает, вернуть ядро империи, которую та развалила, «Русский мир», оказался неодолим.

Но к 2030-му у державность, и «особый путь» будут безнадежно дискредитированы. Результат выбора будет налицо. И к тому времени сослаться на либеральную волну 90-х и приватизацию как на причину регресса (главный аргумент реваншистов) станет, мягко говоря, нелепо. К 2030-му экономика будет, в сущности, ренационализирована, и судьба любого предпринимателя или чиновника, олигарха или нет, будет полностью зависеть от диктатора. Иначе говоря, Россия максимально приблизится к невозможной в современном мире восточной деспотии. Вот почему на первом плане новой либеральной волны неминуемо окажется именно МОДЕРНИЗАЦИЯ страны, прекращение ее затянувшегося на десятилетия упадка.

Впрочем, нет надобности продолжать этот воображаемый спор, поскольку в заглавнике у м-ра Ло, оказывается, есть и другие, вполне реальные аргументы. Один, признаться, неожиданный. Вторая либеральная волна, в особенности необычность и увлекательность поставленной ею перед страной задачи выйти из глубокой колеи упадка, неизбежно приведет к возвращению в Россию значительной части «потерянного», по выражению м-ра Ло, поколения. В первую очередь талантливой интеллектуальной молодежи, покинувшей страну из-за невостребованности и разгула мракобесия. И дело даже не столько в численности вернувшихся, хотя и она не будет пренебрежима, сколько в КАЧЕСТВЕ этого человеческого материала. Он и мог бы составить костяк новой модернизационной элиты.

Контртрадиция

Важнее, однако, другой аргумент м-ра Ло: вторая либеральная волна, отказ от рентной психологии и переход к модернизации потребуют, говоря его словами, «реконцептуализации традиционных представлений о величии и власти» (другими словами, массовой детоксикации населения). К сожалению, этот ключевой, с моей точки зрения, аргумент подробно он не развернул. Между тем речь идет о задаче, без преувеличения, исторической сложности. То есть настолько сложной, что на первый взгляд она кажется трагически невозможной. И потому заслуживает в высшей степени подробного разговора.

Впервые на повестку дня еще в незапамятном 1999 году, когда, собственно, решалась судьба первой либеральной волны, ее поставил Сергей Степашин. Мало кто заметил тогда ключевую фразу его первого премьерского выступления: «Величие России должно строиться не на силе, не на пушках, а на культуре, на интеллекте». А когда я привлек внимание читателей к решающей важности этого предложения, многие комментаторы только что не смеялись мне в лицо. Подумаешь, мол, очередной чиновник обронил случайную фразу, а я его героизирую, представляю чуть ли не как возможного Петра (тем более что речь о чиновнике, который впоследствии вел себя как заурядный путинист).

Между тем Степашин впервые после Александра Головинна, забытого ныне министра народного просвещения в правительстве «молодых реформаторов» времен Великой реформы 1860-х, обратил внимание на ДВОЙСТВЕННОСТЬ российской исторической традиции. Да, на протяжении столетий в ней доминировала ее имперская ипостась (величие России в ее могуществе, в том, что мир перед ней трепещет). Но, развернув страну лицом к Европе, Петр невольно создал конкурирующую, теневую, если хотите, традицию. Я уже цитировал замечательного эмигрантского мыслителя Владимира Вейдле: «Дело Петра переросло его замыслы, и переделанная им Россия зажила жизнью гораздо более богатой и сложной, чем та, которую он так свирепо ей навязывал. Он воспитывал мастеровых, а воспитал Державина и Пушкина».

Другой вопрос, сломал ли Петр российский культурный код, которым так озабочены реваншисты, или попросту вернул страну к ее домосковитскому полувосточному коду времен Ивана III, который был взломан самодержавной революцией Ивана Грозного 1560-х. Об этом достаточно написано в моей трилогии, первый том которой так и называется: «Европейское столетие России 1480–1560». Здесь этот спор неуместен. Ибо реформы Петра, пусть половинчатые и оставившие подавляющее большинство прозябать в архаической Московии, прижились.

И за какие-нибудь два столетия Россия вдруг превратилась в европейскую КУЛЬТУРНУЮ СВЕРХДЕРЖАВУ. Здесь уместна еще одна цитата из Вейдле, которую я тоже уже приводил: «В том-то и дело, что Мусоргский или Достоевский, Толстой или Соловьев – глубоко русские люди, но в такой же мере они люди Европы. Без Европы их не было бы». Так сложилась вторая, теневая традиция, в глазах мира навсегда связавшая судьбу России с ее *культурным* величием.

Вот эту контртрадицию, за которую Россию, собственно, и УВАЖАЕТ мир, независимо от того, сильна она или слаба, и обозначил Степашин в своей премьерской речи 1999 года. На нее предложил опереться в тяжелый для страны час, предотвратив тем самым возрождение (или не менее опасную имитацию возрождения) ее безумной воинственной соперницы («пушки»). Похоже, он догадывался, с какой страной имеет дело, как глубоки корни ее имперской ментальности и как опасно эту губительную ментальность разбудить (что, конечно, и сделал Путин, когда Ельцин предпочел его Степашину).

С. В. Степашин

Немудрено, впрочем, было догадаться, когда не умолкали вокруг медные трубы реваншистской пропаганды. Да так, что Ельцину и большинству тогдашней либеральной элиты словно уши заложило. Нет, самые дальновидные: Сергей Юшенков, Борис Немцов, Егор Гайдар, даже Анатолий Чубайс – вступались, как мы помним, за Степашина. Но их не услышали, и роль контртрадиции, которую он отстаивал, так до сей поры, увы, и не поняли. А ведь именно это, как я понимаю, полтора десятилетия спустя имеет в виду м-р Ло, когда говорит об императивности «реконцептуализации традиционных представлений о величии и власти».

Да, Степашин был чиновником, но в ту пору – *прогрессивным* чиновником. Такие, как он, делали реформы 1860-х. Просто раньше других, и намного, он понял, что с преобладающими в стране «представлениями о величии и власти» она еще долго будет бродить по реваншистской пустыне, мечтая о былом имперском могуществе. Тщетно мечтая, но понадобилось ПЕРЕЖИТЬ эту тщету на собственной шкуре, чтобы ее осознать.

Не знаю, возможно ли было «реконцептуализировать» имперские представления, доверь тогда Ельцин президентство Степашину. Знаю лишь, что это стало невыносимо, когда он предпочел ему Путина. А в принципе во флуктуациях культурного кода нет ничего невозможного. Возможны даже коренные изменения самого этого кода.

Проблема культурного кода

Прецеденты есть. Не буду ссылаться на «азиатских тигров»: ни один из них не был в прошлом ни империей, ни великой державой, как Россия. Но Япония была. Традиционно имперская, милитаристская, самурайская страна. А сегодня перед нами – сильная, модернизированная прозападная держава, забывшая о былой агрессивности. Другая страна. Чем это объяснить, как не «реконцептуализацией» культурного кода? И в этом состоит проблема обозревателя «Новой газеты» Владимира Пастухова и предложенной им «национально-освободительной революции». Чтобы нация могла освободить страну от авторитарной власти, сначала нужно освободить нацию от авторитарного культурного кода.

В противном случае она будет считать Навального, по его собственным словам, «парнишкой, который хочет, чтобы Америка поработила Россию» (обратный перевод с английского), а Путиным будет гордиться (хоть сто раз назови его оккупантом), потому что в момент аннексии Крыма он якобы устрасил Америку, пригрозив ей готовностью российских ядерных сил. С таким культурным кодом «национальная революция» никогда не станет освободительной.

Мы знаем, что задача слома культурного кода имеет решение. Самодержец Петр сломал культурный код европейского изгоя Московии, отставшей от современного ей мира, казалось, навсегда. Большевики сломали культурный код традиционно православной России, превратив ее в страну атеистов. Даже первая либеральная волна эту задачу выполнила: коммунистическая страна за одно десятилетие стала антикоммунистической.

Другое дело, что первая волна, по примеру Солженицына, единственным несчастьем России считала коммунизм. Словно в 1917-м завоевал ее марсианский десант, и не из «России, которую мы потеряли» этот самый коммунизм произошел. Увы, первая волна не подозревала (по неизреченной своей наивности) ни о вековой традиции имперского величия, ни об ауре первого лица, ни обо всем роковом и до конца так и не неизжитом наследии самодержавной революции XVI века.

Между тем если в русской истории случился беспрецедентный по масштабу слом культурного кода, от которого страна и сегодня, пять столетий спустя, еще не оправилась, то случился он именно тогда. Представьте, как странно мне было, зная все это, услышать от такого просвещенного человека, как Алексей Кудрин, когда

Петр I

он в публичной беседе с Александром Мамутом среди величайших достоинств России поставил на первое место именно ее культурный код. И никто из публики не спросил: «Какой именно?»

Заключение

Последняя часть «сценарной» главы книги м-ра Ло посвящена, увы, извинениям. Предвидя критику смелого допущения второй либеральной волны в России, он всячески принижает свой завершающий сценарий, отступая на всех фронтах. Да, говорит он, это будет либерализм, но, цитируя знаменитую фразу Дэн Сяопина о «социализме с китайскими характеристиками», добавляет «либерализм с русскими характеристиками». Или «полулиберализм, по мнению многих, в лучшем случае». Более того, «даже при стечении наилучших обстоятельств: просвещенного, прогрессивного режима в Москве, отзывчивой (responsive) администрации в Вашингтоне и вовлеченной Европе, поведение либерального и демократического режима [в России] может не сильно отличаться от поведения администрации Ельцина в первой половине 1990-х» (то есть, напомним, highly erratic).

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А как же «перепробованность» всех предыдущих режимов? Как же возвращение «потерянного поколения» и формирование новой модернизационной элиты? И главное, как же «реконцептуализация традиционных представлений о величии и власти», другими словами, слом архаического культурного кода, сделавшего возможным все путинские, да и ельцинские, эскапады? Как же, короче говоря, аргументы самого м-ра Ло в пользу второй либеральной волны, которая, поставив, наконец, на первый план модернизацию страны, ВО ВСЕМ должна отличаться от первой?

Это неожиданное отступление, сомнение автора в собственных утверждениях важно для нас главным образом тем, что лучше любых цитат отражает крайне негативное отношение западного экспертного сообщества к самой возможности либеральной модернизации России в обозримом будущем.

М-р Ло боится от того самого «ленивого фатализма», который он так убедительно, с моей точки зрения, атаковал в начале своей книги. Похоже, союзников у него там нет. И это

возвращает нас к вопросу о предполагаемой дате официального объявления второй либеральной волны.

Если исходить из исторического опыта, начаться она должна через два-три года после окончания диктатуры. Так, по крайней мере, было в случаях Александра II (Николай умер в 1855-м, дениколаизация была объявлена в 1857-м), Хрущева (Сталин умер в 1953-м, десталинизация объявлена в 1956-м) и Горбачева (к власти пришел в 1985-м, гласность объявлена в 1987-м). Мы не можем знать, когда сойдет с беговой дорожки Путин. Допустим, в 2018-м он снова пойдет в президенты. Четвертый срок закончится в 2024-м. Пойдет ли он на пятый? Если да, то дата м-ра Ло приблизительно верна. Если нет, занизил из осторожности.

Вообще-то полтора десятилетия – длинный перегон для одной человеческой жизни. Особенно когда человек на седьмом десятке. Все мы смертны, и все, как говорится, в руке божией. В смысле – случиться может все. Это для Путина. Для России важно лишь то, что, вопреки «ленивому фатализму» западного экспертного сообщества, есть реальный выбор, а значит, есть свет в конце тоннеля.

МЯТЕЖ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

• Часть первая •

Перечитал начальные главы. Бросилось в глаза странное. Похоже, я неосознанно уклонялся от задачи четвертой книги, от описания истории Русской идеи времен Путина. Явно предпочитал ему разговор «о России, которая не состоялась», о степашинской, если хотите, или о возможных сценариях будущей России, начиная с дугинской «консервативной революции» и кончая «второй либеральной волной» Бобо Ло. До такой степени предпочитал, что путинская Россия выглядела как бы самозванкой, незаконно вторгшейся между той, несостоявшейся, Россией прошлого и будущей, которой тоже пока нет. Но живем-то мы именно в этой «самозванке». И писать надо о ней. А введение к ней затянулось непозволительно. Почему?

Думаю, потому, что столкнулся я с неожиданной трудностью: писать эту книгу так же, как писались три предыдущие, то есть хронологически, оказалось невозможно. В путинской России история Русской идеи НЕ СОВПАДАЕТ с ее хронологическим началом. Более того, Путин начинал с отрицания Русской идеи.

Закат Русской идеи?

Судите сами. Еще 3 марта 2000 года в интервью Би-би-си Путин заявил, что «Россия не исключает вступления в НАТО». Полтора года спустя, после 11 сентября 2001-го, это заявление, согласитесь, почти немыслимое с точки зрения всей будущей антинатовской истерии, сопровождалось демонстративным выражением солидарности с Америкой. Не удивительно, что оно вызвало единодушное возмущение осколков разгромленных в войне против Ельцина реваншистов (которые, собственно, и представляли Русскую идею в постсоветской России).

Я наверняка уже писал где-то об этом, напомним. Тогдашний ее идеолог А. С. Панарин строго предупреждал: «Америка не должна получить русской помощи, никакой помощи от

славян, как бы ни настаивали на этом либеральные компродоры». И недвусмысленно грозил Путину: «Тот, кто будет сейчас игнорировать национальную точку зрения русских, тот рискует своим политическим будущим». А Проханов, который поначалу симпатизировал Путину, считая его, как мы помним, «новым Иосифом Сталиным, затаившимся до времени в еврейском подполье», и вовсе осатанел от разочарования: «Цыплячье горлышко Путина все крепче сжимает стальная перчатка Буша. И писк все тоньше, глазки все жалобнее, лапки почти не дергаются, желтые крылышки едва трепещут». Издевался.

Но реваншисты, потерпевшие поражение в битвах 1990-х, начиная с вооруженного мятежа 93-го и кончая неудавшимся «красным правительством» Примакова в 98-м, к тому времени уже казались безнадежными маргиналами. И с их угрозами Путин мог позволить себе не считаться (чего, добавлю, никогда не мог себе позволить Ельцин). И продолжал добивать глашатаев Русской идеи.

Я имею в виду дразнящее интервью 15 января 2002 года «Газете выборчей», в котором он категорически заявил, что «Россия, БЕЗ ВСЯКОГО СОМНЕНИЯ, европейская страна, потому что это страна европейской культуры». И буквально повторил то же самое в интервью шотландской прессе 25 июня того же 2002-го: «Россия – это часть европейской культуры». И опять «вне всякого сомнения».

Невозможно представить себе более издевательского удара по самому ядру Русской идеи, которое еще со времен Николая I, по выражению академика А. Е. Преснякова, в том, собственно, и состояло, что «Россия и Европа – два различных культурных мира, принципиально разных по основам их политического, религиозного, национального быта и характера». Короче говоря, настаивая в первые годы своего правления на культурной общности России и Европы, Путин практически отрекался от Русской идеи, стал в ее глазах «отступником», предателем.

Теперь, надеюсь, читатель понимает причину моих хронологических трудностей. Как начать заключительную книгу? Дилемма только кажется простой. Начать ее с 2011 года, когда Русская идея вдруг драматически воскресла, означало

пропустить трагедии, ознаменовавшие начало правления Путина: «Курск», «Норд-Ост», Беслан, «дело Ходорковского»... Но с другой стороны, все эти события при всей их трагичности отношения к моей теме решительно не имели. Несомненно, это был цезаризм. Но реваншем от него еще не пахло. И потому начать книгу с 2000 года тоже было бы бессмысленно: в начале правления Путина Русская идея никакой роли не играла. Напротив, он, как мы видели, демонстративно ее презирав.

Так или иначе, из этого совершенно очевидно, казалось, следовало, что и центральную имперскую проблему России-Евразии он тогда намеревался решать так же, как решили ее родственные ей по культуре европейские страны. Многие из них в свое время, как и Россия, были империями, но в XX веке все без исключения от имперских своих притязаний полностью отказались. Даже Франция, самая из них ревнивая к своему прошлому имперскому величию, недолго сопротивлялась стремлению народа Алжира к независимости и безоговорочно ее признала. Несмотря даже на то, что Алжир никогда не был самостоятельным государством, а часть его была, можно сказать, офранцузенной. «Французского мира» не случилось. Иными словами, из путинских публичных заявлений следовало именно то, что предсказывал Тренин: России-Евразии не быть! И никакие имперские притязания на территорию, допустим, «российского Алжира» – Украины – невозможны. И с этим словом бы угасала звезда Русской идеи.

Метаморфоза

Должно было, согласитесь, произойти нечто экстраординарное, революция, если хотите, должна была произойти, чтобы угасшая была эта звезда вновь начала определять политику России. И возглавил ее именно «отступник» Путин. Судя по тому, что мы слышим в последнее время от него и связанных с ним кругов, именно это и произошло. Вся атмосфера в стране переменялась кардинально, попутно решив и мою дилемму. Вот лишь несколько примеров.

Изборский клуб – хранитель Русской идеи, и девизом его с самого начала была «цивилизационная несовместимость

России и Европы». Только раньше, как мы слышали от его председателя Проханова, относился он к Путину с опаской, чтоб не сказать с презрением. Сегодня он ведет себя как ПОБЕДИТЕЛЬ. Можно было бы, конечно, сбросить со счетов эту штаб-квартиру реакции, когда б не состояли в ее постоянных членах и влиятельный телеведущий Михаил Леонтьев, и вождь международного евразийства Александр Дугин, и главное – советник Президента Сергей Глазьев.

Уполномоченный Президента по связям с интернетом Дмитрий Мариничев пока не член клуба, но после недавнего его публичного заявления, я уверен, станет им. Заявление было в духе Жириновского: «Россия не сможет завоевать свою нишу на мировом рынке, пока не ступит туда сапог ее солдата»; «Они (речь о других членах мирового сообщества) просто смирились с вассальным положением. Мы с нашими историческими амбициями смириться с этим не можем».

Постоянный член Изборского клуба Валерий Коровин исчерпывающе разъяснил, что имеется в виду под «историческими амбициями» России: «Мы были дважды в Берлине, были в Париже, это вообще наша Европа, русская. Когда захотим, тогда и вернемся, вновь освободим Европу... Освободим Украину, потом освободим Польшу, Чехию, Румынию, Венгрию. Что там еще освобождать? Германию? Пожалуйста, освободим Германию от американской оккупации. Францию освободить? Да ради Бога!» Узнаете? Да это же чеховский Кирюха из «Степи», только с аттестатом десятилетки. «Наша матушка Расея всему свету га-ла-ва» – помните?

Естественно, в этот хор победителей не могла не внести свою ноту и православная общественность в лице самого громкого из тогдашних ее трубадуров Всеволода Чаплина: «Россия – центр мира, может быть, единственный центр мира, который имеет больше оснований быть таким центром, чем любая из европейских стран и Соединенные Штаты». Господи, да ведь это же еще один Кирюха, на этот раз с семинарским дипломом.

А если нам понадобится совсем уж простонародное представление об «исторических амбициях» воскресшей Русской идеи, то обратиться можно, как это ни парадоксально... к певице. Вот что пела некая Жанна Бичевская о Путине, который:

Возвратит нам
Русский Севастополь.
Русский полуостров Крым,
Наш Босфор державный,
Наш Константинополь
И святыню мира Иерусалим.

Впрочем, как бы невероятно все это ни звучало, ничто не идет в сравнение с репликой самого Путина: «Наш генный код... является одним из наших главных преимуществ в сегодняшнем мире... Русский человек, прежде всего, думает о том, что есть какое-то высшее моральное начало... Он развернут вовне. Вот западные ценности заключаются в том, что человек в себе сам, внутри, и мерило успеха – это личный успех».

Пусть несколько косноязычно, но достаточно ясно сказано Европе: наши гены лучше ваших. У нас «высокое моральное начало» врожденное, у вас – нет. Непонятно лишь одно: как объяснить поведение папуасов? Ведь все международные индикаторы фиксируют продажность папуасского чиновника, а она уже много лет почему-то **совпадает** с коррупционностью русского. Означает ли это, что «генный код» Папуа – Новой Гвинеи проникнут тем же «высоким моральным началом», что и российский? И что он является одним из главных ее достоинств по сравнению с ущербными «западными ценностями»?

В. В. Путин и Д. А. Медведев

Куда важнее, однако, вопрос, куда подевалась культурная общность с Европой, на которой так настаивал Путин десятилетием раньше? Ведь между ней и «генным преимуществом», о котором говорит он сейчас, – пропасть. Откуда метаморфоза? Как предводителем Русской идеи оказался человек, который не раз публично над ней издевался? Неужели и впрямь произошло то самое экстраординарное? Пока мы не ответим на этот решающий вопрос, нам не понять, что произошло с путинской Россией после 2011 года. Вот и попытаемся на него ответить.

Отставка Путина

Все началось с «рокировки» 2008-го, хотя этого термина тогда еще не существовало. Знали только, что из уважения к Конституции РФ Путин не пошел на третий срок. Президентом стал Медведев. Несколько странным казалось лишь то, что Путин не возглавил оппозицию новому Президенту, как принято в Европе, а наоборот, был назначен главой его правительства.

Правда, прежде чем уйти в отставку, он заставил экспертное сообщество и элиты долго и мучительно гадать, кого именно изберет он своим преемником. Возникла даже партия «третьего срока Путина», пытавшаяся убедить его не уходить в отставку. Одним словом, приход Медведева был обставлен как некая секретная спецоперация. Знакомый уже нам Бен Джуда (Fragile Empire, 2013) уверен, что это был самый блестящий политехнологический трюк Суркова: на протяжении нескольких месяцев внимание страны было приковано к кремленологии.

Если так, то оказал он Путину поистине медвежью услугу. Неспроста четыре года спустя Суркову пришлось отказаться от поста главного идеолога «управляемой

Бен Джуда

демократии», заметив на прощание: «Я оказался слишком одиозен для прекрасного нового мира».

Надо думать, не ожидал, что Медведев начнет свое президентство так лихо, словно и впрямь поверил в свою судьбу. Его знаменитая фраза «свобода лучше, чем несвобода», громкая статья «Россия, вперед!» и язвительное замечание «тот, кто думает, что может находиться у власти бесконечно, представляет опасность для общества» – не только произвели сенсацию. Они раскололи элиты.

Оказалось вдруг, что «путинский консенсус» – миф. Часть элитных мыслителей (Юргенс, Гонтмахер, Гуриев, Павловский) собралась вокруг нового Института современного развития (ИНСОР), открывшегося с большой помпой под покровительством Медведева. И в подтексте их опусов отчетливо прочитывалось, что путинская «стабильность» на самом деле.

Стагнация

Между многими другими вещами, на которые ИНСОР открыл глаза обществу, обнаружилось, что на самом деле Путин превратил «вставшую с колен» и претендующую на статус мировой державы Россию в страну третьего мира. В частности, к 2010 году ее конкурентоспособность, согласно международным индикаторам, была на уровне Шри-Ланки, защищенность в ней собственности – на уровне Кении и надежность полиции – на уровне Мавритании. О папуасской коррупции мы уже говорили.

«Несистемная» оппозиция заметила это, конечно, раньше. Уже в 2004-м Борис Немцов заговорил об опасности диктатуры, а Гарри Каспаров пошел в политику. Но, отрезанная от телевидения, эта оппозиция не могла донести свой месседж до среднего класса. Понадобился ИНСОР, чтобы сделать его достоянием общества.

В переводе на понятный массам язык он означал, что за взятку в России можно выйти сухим из воды за любое нарушение закона (или за то, что власть, начиная с дорожной полиции, сочтет нарушением). Журнал «Большой город» опубликовал общепринятый ценник. Нарушение правил уличного движения обходилось водителю в рублевый эквивалент 30 долларов

(приветствовалась, разумеется, оплата валютой). Хранение наркотиков – в 340 долларов, уклонение от службы в армии – в 680, желательное решение в Арбитражном суде – в 20 тысяч. Даже Министерство внутренних дел признало, что средняя цена взятки взвилась с эквивалента 292 долларам в 2008 году до 7670 в 2011-м (то есть уже при Медведеве). Но все это, как ни странно, шло в политическую копилку именно Медведева. И подняла голову партия его «второго срока».

Даже предложение продлить президентский срок с четырех до шести лет толковалось в его пользу. Ну как же, говорили, задачи-то поставлены грандиозные. Разве упрaviшься за какие-то восемь лет с реформой «четырех И» (Институтов, Инфраструктуры, Инвестиций, Инноваций)? Ведь авгиевы конюшни придется расчищать. Нет, не узнаем мы, на что способен Медведев без второго – шестилетнего – срока его полномочий. Старался ИНСОР. А когда Медведев созвал правозащитников и либеральных политиков в свой Президентский совет, согласилась с этим и интеллигенция. Все прощали Медведеву за бравые жесты, за риторику, за обещания. А главным образом за то, что он – не Путин. Так выглядел тот «прекрасный новый мир» в ожидании новой Великой реформы, для которого Сурков считал себя одиозным.

«Рокировка»

Тем больнее был шок, когда 24 сентября 2011 года на съезде «Единой России» Медведев вдруг заявил: «Думаю, было бы правильным поддержать кандидатуру Владимира Владимировича Путина как Президента Российской Федерации». Выступление потонуло в овации зала. Скандировали: «Путин, Путин!..» Приунывшие за четыре года единокорсы торжествовали победу. И несколько не смутило их жалкое – на фоне всех вчерашних жестов и обещаний – продолжение речи Медведева, что они, мол, с Путиным договорились об этом еще в 2008 году, когда тот рекомендовал его в преемники. Ну, подшутили ребята над избирателями. Ну, обманули. Как в политике без обмана? Только тревожно мелькнул твиттер Аркадия Дворковича, советника Президента: «Время включать спортивные каналы».

Хорошо еще, что не «Лебединое озеро», как 19 августа 1991 года, в день путча. В воздухе запахло чем-то даже более серьезным, чем путч. Знай Путин знаменитый афоризм Алексиса де Токвиля, что не от бедствий народных происходят революции, а от ОБМАНУТЫХ ОЖИДАНИЙ, он, полагаю, хорошенько подумал бы, прежде чем затевать эту «рокировку».

Конечно, она не имела ничего общего с шахматной рокировкой, когда король в глубоком тылу прячется за пешечной оградой. В нашем случае король, как удачно сострил Бен Джуда, оказался в центре доски – ничем не прикрытый, уязвимый со всех сторон. В первую очередь со стороны «московской буржуазии», как легкомысленно называет британский исследователь обманутый средний класс и интеллигенцию, для которых «рокировка» была публичной пощечиной, по сути государственным переворотом. И впрямь как в августе 1991-го...

Уязвим оказался король и со стороны «несистемной» оппозиции, которая и без того вслед за Алексеем Навальным именovala путинскую гвардию не иначе как «партией воров и жуликов», – вот же оно, жульничество, в лицо бьет.

Уязвим оказался король и со стороны статусной медведевской элиты со всем ее «планов громадьем». Одновременное разочарование столь разных сил было чревато РАСКОЛОМ СТРАНЫ. Тем, что в просторечии и называется революцией. Пусть неудавшейся, но именно революцией. Да, оппозиция в этом случае не в силах захватить власть, но она способна сделать раскол страны НЕОБРАТИМЫМ. И следующий за этим поворот в идеологии и политике режима – тоже.

Свидетельств тому больше чем достаточно. Вот лишь несколько. Резкое переключение политического вектора с модернизации страны, с «четырех И», на сферу внешней политики: аннексия Крыма, донбасская война, новороссийская эпопея, вмешательство в сирийский конфликт, открытое противостояние Западу, исключение из Большой восьмерки, европейское изгойство России, серия политических процессов. Режим был вынужден признать свое банкротство в решающей, экономической, области: модернизировать страну он оказался не в силах.

Но все это было лишь следствием неожиданной антипутинской революции. Уже 10-го, а затем 24 декабря 2011 года

потрясли Москву многотысячные, совсем как в 1990-м, анти-системные демонстрации и митинги. Как в августе 1991-го, средний класс не простил режиму государственного переворота. И волнения продолжались вплоть до мартовских 2012 года выборов нового/старого Президента. «Путин, конечно, на них победит, – предсказывал после второго митинга даже такой сдержанный и трезвый человек, как Борис Акунин. – Но победа будет пирровой».

Понимаю, как легко посмеяться над этим предсказанием сейчас, наблюдая 85-процентные рейтинги Путина после его украинских и сирийских эскапад. На первый взгляд, Акунин жестоко ошибся. Да, располагая подавляющей военной, административной, информационной («зомбоящик») силой и опираясь на симпатии уралвагонзаводской публики, Путин сумел легко расправиться с революцией 2011 года. И все-таки, по сути, стратегически, Акунин был прав. Ибо ликвидировать основной результат «рокировки» – РАСКОЛ СТРАНЫ – Путин не смог. И никогда уже не сможет.

Точно так же, как после восстания декабристов не смог ликвидировать аналогичный раскол Николай I. Ведь именно поэтому Россия ответила на его кончину грандиозной реформой, оставшейся в истории под именем Великой. И гласностью, камня на камне не оставившей от его диктаторской системы власти. Остается лишь удивляться, как не предчувствовали предстоящего обвала николаевские элиты. Впрочем, одно любопытное объяснение столь роковой глухоты авторитарных элит оставил нам покойный мой приятель, да будет земля ему пухом, Володя Шляпентох, много лет изучавший общественное мнение в СССР.

Начал он с признания: «Накануне перестройки стало очевидным, что сознание большинства населения полностью контролировалось Кремлем, и социологи ошибочно верили, что они изучают общественное мнение, оно оказалось для них недоступным, потому что его не было». Непростое, согласитесь, признание для человека, потратившего годы на изучение того, чего не существовало. На деле, однако, все было сложнее. «Не все добытые нами материалы, – продолжал Володя, – были лишены ценности: читатели “Литературной газеты”, которых

было тогда 10 миллионов, были готовы выбирать либеральные альтернативы в наших вопросах... Значительная часть интеллигенции поддерживала либерализацию общества». Да, их было мало. Но правы оказались они, а не зомбированное большинство, включая советские элиты. Будущее подтвердило ИХ выбор: дебрежневизация страны и впрямь произошла.

Вот я и говорю, что прав в конечном счете Акунин, прав в главном: антипутинская революция действительно произошла. И действительно в результате «рокировки». И, несмотря на сегодняшние неправдоподобные рейтинги, результат ее необратим. Так, может быть, в ситуациях, когда «общественного мнения нет» (как не было его, если верить опытному советскому социологу, накануне перестройки), надежнее доверять читателям ФБ и «Новой газеты», чем социологическим опросам?

Революция или мятеж?

Я понимаю, до какой степени спорно то, что я пишу. Многие знают классические строки Роберта Бёрнса: «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». Остроумно, афористично. Но неверно. Подразумевается – неудавшихся революций не бывает. Я, однако, не знаю ни одного историка, который назвал бы мятежом европейскую революцию 1848 года, подробно описанную в первой книге «Русской идеи». Да, она потерпела провальное поражение, но осталась в истории именно как РЕВОЛЮЦИЯ. Выходит, бывают неудавшиеся революции, как и неудавшиеся мятежи. И разница между ними вовсе не в том, удались они или не удались, а в том, смогли ли они необратимо ИЗМЕНИТЬ политический и идеологический курс страны/континента.

Допустим, та же неудавшаяся революция 1848-го без сомнения изменила лицо Европы. Во Франции она привела к власти Наполеона III, и страна, бывшая на протяжении полувека центром революционных изменений, стала оплотом статус-кво. В Германии она привела к бисмарковскому воссоединению страны «железом и кровью». И превратилась Германия из конгломерата «жалких, провинциальных, карликовых государств

без намека на величие», по выражению Освальда Шпенглера, в великую ревизионистскую державу.

И наоборот, многие попытки переворотов – как, например, августовский танковый путч 1991-го или октябрьское вооруженное восстание реваншистов в 1993-м – так и остались неудавшимися мятежами. Просто потому, что мало что изменили в курсе революционной тогда России. Неправ был, следовательно, Бёрнс.

Но это все не более чем экскурс в теорию. А нам надо выяснить, чем останутся в отечественной истории события 2011-го – мятежом или революцией. Другими словами, действительно ли изменили они а) идеологический и б) политический курсы страны?

Для меня ответ на оба вопроса очевиден. Идеологически в этих событиях и кроется объяснение как неожиданного воскрешения Русской идеи, так и метаморфозы Путина, которым посвящена львиная доля этой главы. Рассорившись со средним классом и интеллигенцией, режим был вынужден опереться на самую отсталую, «низшую», как назвал ее академик Иван Павлов, часть населени, и заговорить на единственно понятном ей языке. Другими словами, на языке Русской идеи. Отсюда и нелепое превосходство «генного кода» русского человека над западным, и все прочие выбросы в духе Изборского клуба.

Изменение политического курса страны мы наблюдаем своими глазами, будь то на Украине или в Сирии. И причина все та же: в результате революции 2011 года, продемонстрировавшей отчуждение среднего класса, Путин оказался пленником своего нового электората. А тот, естественно, требует все новых доступных ему «зрелищ», новых доз имперского адреналина: территориальных приращений или эффектных геополитических эскапад. И щедро вознаграждает за них Путина баснословными, но, увы, эфемерными рейтингами.

Эфемерными, потому что память у этого нового электората короткая. Давно ли криком моды были «русский мир», воссоединение исконных русских земель, «Новороссия», сокрушение бандерофашистов и киевской «хунты»? И где все это теперь? Все, что осталось, – донецкие перестрелки да еще один дотационный регион. Похоже на вчерашнюю великолепную

пропагандистскую романтику? Скучно... И разве удивительно, что понадобилась новая доза имперского наркотика?

Нашли Сирию. С трибуны ООН объявили целью России создание новой «антигитлеровской коалиции» против ИГИЛ, якобы готового вот-вот броситься на Россию. Но главное, с непременным участием в этой коалиции свирепого и нелегитимного сирийского диктатора Асада, умудрившегося истребить в гражданской войне четверть миллиона сограждан и изгнать еще одиннадцать миллионов (это в 20-миллионной стране), своего рода ближневосточного Гитлера. Не заметили в спешке, что даже Сталин с непревзойденным своим цинизмом не решился бы предложить Гитлера в члены антигитлеровской коалиции. И даже Гитлер, в отличие от Асада, не пригласил бы постороннюю державу бомбить города собственной страны. Не спросили себя даже, бывают ли вообще кровавые диктаторы легитимными? Ералаш, одним словом, в расчете на то, что новый электорат таких тонкостей не понимает.

А потом из Сирии пришлось уйти, как ушли из «Новороссии», оставив незадачливого сирийского диктатора в ситуации афганского (помните?) Наджибуллы. Гадай теперь: повесят его, как того, или не повесят? Проблема, однако, в другом: где искать новый наркотик? Неудачу с «Новороссией» простили из-за Сирии. Из-за чего же простят Сирию? И сколько эти перепрыгивания с одного внешнеполитического пожара на другой могут продолжаться, когда действительный-то пожар дома?

Впрочем, это проблемы будущего. И не мне их решать. Моя задача в этой главе скромнее: доказать, что в 2011 году в Москве и впрямь произошла антипутинская революция, последствиями которой и являются все эти внешнеполитические курбеты, не говоря уже о воскрешении Русской идеи.

А выполнена эта задача меньше чем наполовину. О самой революции ничего еще практически не сказано, только о ее последствиях. Но не это ли самое важное? Что поделаешь, не хватило места. Придется подождать второй части главы.

МЯТЕЖ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

• Часть вторая •

Октябрь 2011-го был в Москве обычный, слякотный, словно никакой «рокировки» и не было. Не предвещал ничего драматического. Во всяком случае, не предрекал, что полгода спустя Путин будет плакать. Прилюдно. Песков, правда, объяснит это впоследствии сильным ветром, слезятся, знаете ли, глаза, бывает. Только вот у стоявшего рядом Медведева глаза почему-то не слезились.

Хотя, если на кого-нибудь из этих двоих и следовало так жестоко подействовать «ветру», то, казалось бы, как раз на потерявшего президентство Медведева. Не зря именно его пресс-секретарю Наталье Тимаковой приписывалась странная реплика (после грандиозного митинга 24 декабря): «Знали бы мы, что столько народу выйдет за нас на площадь, мы совсем иначе вели бы себя в сентябре».

Впрочем, возможно, ничего подобного она не говорила, только подумала. Как бы то ни было, не от того 4 марта 2012-го слезились глаза у Путина, что он торжествовал победу над Медведевым. Скорее обычная выдержка изменила ему на миг по другой причине. Тем более что не в первый раз она ему изменила. Как иначе объяснить, что после того декабрьского митинга, о котором говорила (или подумала) Тимакова, он призывал гигантскую толпу бюджетников на Поклонной УМЕРЕТЬ за него под Москвой? Так прямо и просил, цитируя грозную строку из Лермонтова: «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали». Случайно ли смешался тогда в его сознании тот митинг с Бородинской битвой, когда на карте была Москва?

Когда в 1968-м взбунтовавшийся Париж отверг де Голля – национального героя, дважды спасавшего Францию от смертельной угрозы, он не призвал толпу своих сторонников умереть за него. Путин призвал. Де Голль ушел тогда в отставку. Путин победил Москву, победил РЕВОЛЮЦИЮ. Было от чего, согласитесь, прослезиться 4 марта. Я к тому, что в роковом

промежутке между капитуляцией Медведева 24 сентября 2011-го и 4 марта 2012-го, когда Путин торжествовал победу, действительно произошло нечто экстраординарное, изменившее судьбу его царствования. Революция произошла. Разве император Николай, пушками разогнав восставших декабристов 14 декабря 1825 года, не был уверен, что победил именно революцию, вызванную «безумием наших либералов»? Так и сказал тогда император: «Революция была у порога России». Разве что Лермонтова не цитировал. Да и то потому, наверное, что не написал еще тогда Лермонтов свои знаменитые строки.

Навальний вспоминал впоследствии: «Мы думали, что важнее всего для него историческая миссия. Что он хочет остаться в учебниках Петром I. Никто не ожидал, что он войдет в конфликт с передовой частью общества, станет апеллировать к фундаментализму». Вот что в сухом остатке произошло: у мыслящей части России не осталось сомнений, что не историческая миссия важнее всего для Путина, а власть. И сохранить ее он был готов любой ценой. Не побрезговав, в том числе, и союзом с другой, немыслящей частью России, «низшей», как назвал ее Иван Павлов.

Согласился, другими словами, с тем, что останется в учебниках не Петром Великим, а Николаем I. И обнаружилось вдруг, что не один он такой, небрезгливый, что действительно революция произошла, говоря словами Чаадаева, «в нашей национальной мысли, не хотят больше в Европу, хотят обратно в пустыню». А в пустыне, понятно, другие приоритеты. Все это, однако, было потом.

Детонатор

А в октябре 2011-го ничто, повторяю, слез Путина не предвещало. Готовились к парламентским выборам. В оппозиции спорили, как обмануть чуровскую команду и не дать путинской «Единой России» конституционного большинства в Думе (на прошлых выборах ей приписали 66%). Немцов предлагал писать на бюллетенях «нах-нах», Каспаров призывал бойкотировать выборы, Навальный – голосовать за кого попало, лишь бы не за «Едро» (в просторечии «партию воров и жуликов»). Более практичный

Дмитрий Орешкин создавал движение «Гражданин наблюдатель». Оно и оказалось самым популярным.

Даже тех, кто мало интересовался политикой, идея Орешкина вдохновила: можно и впрямь что-то разумное сделать, объяснял он, чтобы предотвратить бесшабашный государственный обман, и каждый в силах сделать это, если не жалко времени. И делали. Пройдя курс наблюдателей, инструктировали избирателей: приходите на участок к концу дня, проверить, не использовали ли уже ваше имя, и обязательно сфотографировать бюллетень перед тем, как опустить в урну. Наблюдателей будут гнать из участков. И все равно в 170 из них дело свое они сделали. Сработало.

В. Е. Чуров

4 декабря, в воскресенье, выяснилось: из 170 участков нарушений не было только в 36. В них «Единая Россия» набрала 23% голосов. В сети решили сделать это контрольной цифрой. И когда чуровский ЦИК объявил, что «Едро» получила 49%, взорвалось. Всего-то, казалось бы, удвоили приписки – скромно по чуровским масштабам, но дернула же нелегкая Медведева поздравить Чурова: «Да вы же просто волшебник!» Москва ахнула. И началось.

Понедельник, 5 декабря

Было холодно, температура нулевая, колючий ветер, лил дождь. «Кто в такую погоду выйдет на митинг протеста?» – спрашивала себя Маша Гессен. Оказалось, вышли все. Во всяком случае, все, кого она знала. Полиция впустила в огороженное турникетами пространство для митинга 500 человек (как было заранее согласовано). Никто больше и не ожидал, не 90-е все-таки. Но улицы

вокруг были запружены народом. Пришли тысячи. «Блокируем уличное движение, – говорили в толпе, – нас сейчас разгонят». И на глазах у полиции перелезали через турникеты. Полицейские делали вид, что не замечают. Видимо, инструкций не было, власти тоже ничего подобного не ожидали. А дождь все лил. Митинг вошел в историю как «восстание грязных ботинок». Собралось, по разным оценкам, от пяти до десяти тысяч человек. И испарился страх. Вошли во вкус. Решили идти маршем к зданию ЦИК.

Тут полиция очнулась, марш был явно незаконный, несогласованный. Начали арестовывать. Несколько сот человек запихали в автозаки. Полицейские участки были переполнены. В 2:43 ночи некто по имени Арсен Ревазов запостил в ФБ: «Мы должны так продолжать до марта. Если миллион выйдет на улицу с белыми лентами, Москва станет неузнаваемой – без всякого насилия». Среди ночи в течение часа пост Ревазова оброс тысячью лайков.

Вторник, 6 декабря

Соседние с полицейскими участками кафе дарили арестантам кофе, завтраки. Неизвестные бизнесмены привезли для них

Митинг на Чистопрудном бульваре 5 декабря 2011 г.

спальные мешки, одеяла. Откуда столько сочувствия, великодушия? Отвыкли от этого. И все с белыми лентами. Кто-то из дежуривших всю ночь у участков вспомнил, что в преддверии Великой французской революции ее будущие участники носили белые жилеты. Господи, сообразили, да ведь и у нас революция. Вот так они всегда и происходят: неожиданно. Отсюда и великодушие. Все за одного, один за всех. Спасибо Ревазову, наша революция обрела символ: войдет в историю как «белоленточная».

Следующий митинг назначили на субботу 10 декабря. Не прошло и часа, как на объявившей его странице ФБ число обещающих прийти приблизилось к трем тысячам. Сенсація: почти восьмидесятилетний Горбачев призвал переголосовать. Только и слышно вокруг: НАЧАЛОСЬ! Есть, впрочем, плохие новости: Навальный получил 15 суток за вчерашний марш и на субботнем митинге его не будет. Но есть и хорошая новость: мировые судьи, которым предстояло рассматривать дела арестованных в понедельник, заболели. Все, кроме одного, – 80 одновременно загрипповавших судей! Революционная солидарность? Арестантов выпустили.

В преддверии Болотной

К четвергу число обещающих прийти на субботний митинг переросло за 20 тысяч. Власти явно растеряны. По слухам, глава Администрации Президента Сергей Нарышкин поссорился, не разговаривает с руководителем администрации, пока еще премьера, Сергеем Собяниным. Медведев приказал отключить от сети «Дождь» (за трансляцию понедельничного митинга). Провайдеры отказались, ссылаясь на контрактные обязательства. Срочно начат ремонт на площади Революции, где согласован митинг. Испугались символики?

В пятницу «Эхо Москвы» сообщило, что в субботу обещало прийти 25 тысяч, в том числе большие имена: Юрий Шевчук, Леонид Парфенов, Борис Акунин. Власти, впрочем, тоже делают что могут, чтобы остановить волну. Министерство обороны предупредило, что все уклоняющиеся от военной службы будут задержаны, если придут на митинг, значит, у молодежи будут проверять документы, будут очереди у металлоискателей.

Министерство здравоохранения в свою очередь разъяснило, как велика опасность смертельных инфекций в большой толпе. И последняя заковыка: митинг был согласован давно, в дореволюционные времена, – на 300 человек. Объявлено, что, если число участников превысит эту цифру, он будет считаться незаконным и разогнан. А то, что превысит, известно заведомо. По меньшей мере, в сто раз!

«Оргкомитет» во главе с Сергеем Пархоменко отправился в мэрию пересогласовывать – на тридцать тысяч. В этом случае о площади Революции не может быть и речи. Тем более там ремонт. Согласились на Болотную. Мудрец Лев Рубинштейн, заменивший в этом качестве первого моего наставника Гришу Померанца (мир праху его!), съязвил: «Лингвистический вызов».

Маша Гессен рассказывает о диалоге с маленькой дочкой, которая попросила взять ее завтра с собой на митинг. Объяснила, что идти с детьми пока не рекомендуется:

– Но ведь митинг согласованный, – забеспокоилась девочка.

– Конечно, согласованный, не волнуйся, но без детей. Мне в этом месяце придется ходить на много митингов. Но тебя я смогу взять с собой только на последний, заключительный.

– Это когда больше уже не будет Путина?

Не знаю, кто в этом диалоге был более наивен, – мама или десятилетняя дочка...

Суббота, 10 декабря

У металлоискателей столпотворение (потом выяснилось, что пришло больше 60 тысяч человек). И все с белыми лентами, с белыми шарфами, в белых шляпах, даже в белых штанах и, конечно, в белых жилетах. Словно переключались две великие революции. В очередях незнакомые люди улыбались друг другу. Удивительно, сколько хороших интеллигентных лиц вокруг. Что привело их сюда? Похоже, забытое слово «порядочность». Братство порядочных людей. Есть еще, выходит, в России порох в пороховницах.

И вот новость: если верить новейшему летописцу современной власти в России (Михаил Зыгарь. «Вся кремлевская рать», 2016), явилась на митинг и половина Администрации

Президента. Летописец ручается, что видел Михаила Абызова, министра в будущем кабинете премьера Медведева. Странно. Еще на митинге 6 декабря Навальный ораторствовал: «Не нужны нам в Кремле ни жалкий, ни надутый». Под «надутым», понятное дело, имелся в виду Путин. Якобы американцы нарочно сделали ему некачественную пластическую операцию, ботокс потек, лицо стало одутловатым. Неожиданно обнаружилось, что он очень пожилой уже человек. Вот же пройдохи эти пиндосы – давно ли он с гордостью демонстрировал миру свой молодой торс? И вот, пожалуйста, старик.

Важнее, впрочем, что под «жалким» имелся в виду Медведев. А эти, из его администрации, были уверены, что толпа на Болотной ИХ, «медведевская» толпа. Отсюда и слух про странную реплику Тимаковой: «Знали бы мы, что столько народу выйдет ЗА НАС»... Неужели еще надеются? Медведев пока и впрямь Президент. И уволить Путина он мог одним росчерком пера. Или кажется ему, что время все равно работает на него, он ведь моложе? Не сейчас, так в 2018-м? Рискованная игра, если так.

Звездой митинга стал, однако, Парфенов. Хоть и впервые пришлось ему выступать перед необозримой толпой, в грязь

Митинг «За честные выборы!» 10 декабря 2011 г.

лицом не ударил. Сказал примерно так: «Полжизни провел я в Вологде, вторую половину – в Москве. Я хорошо представляю себе настроения в обоих городах. В Вологде “Единая Россия” набрала 33 процента голосов, несмотря на то, что область считалась консервативной, надежной – “Вологда шутить не любит”. Третью избирателей голосует за советскую власть. Это нормально. Губернатор Позгалев с гордостью сказал прессе: “У нас прошли честные выборы”. Но 49 процентов за “Единую Россию” в Москве! В такое я не могу поверить. Вологда либеральнее Москвы? Это не просто неправдоподобно, это смехотворно» (обратный перевод с английского. – А. Я.).

Речь потонула в овации, в массовых речевках «Новые выборы!», «Долой обманщиков!», «Россия без Путина!» Москва чувствовала себя оскорбленной, обманутой, не хотела прощать ни «воров и жуликов», ни их главаря. И слышали бы вы, как митинг приветствовал представителя ОМОНа! Он оказался единственным, кто мог оспорить успех Парфенова. Сказал: «Поздравьте нас, сегодня мы действовали, как положено действовать полиции в демократической стране». Что это значит? ОМОН на стороне народа? Впрочем, может ли быть иначе, когда на дворе революция? С этими вопросами и разошлись.

Л. Парфенов, 10 декабря 2011 г.

По другую сторону баррикады

Там настроение было другое, совсем не праздничное. Скорее обиженное, озлобленное, агрессивное. Вот привет с Урала. Валерий Трапезников: «Я сорок лет простоял у станка, и я считаю, что мы – это власть народа». Понятно, не заметил человек у станка, что кончилась диктатура пролетариата. Но вот что, оказывается, из этого, по его мнению, следовало: «Настало время сказать “нет!” этим клоунам с Болота. Этих козлов к нам на Урал, на перевоспитание в рабочие коллективы». Иван Мохначев: «Шахтеры, металлурги, они работают, им некогда разгуливать по площадям и писать всякие гадости в Твиттере».

Отклики без сомнения искренние, просто люди живут в другой реальности, в той, где в избирательных бюллетенях один кандидат и где никому не приходит в голову подсчитывать число поданных за него голосов. И потом «разгуливать по площадям», протестуя против обмана. Они честно не понимают бездельников, восставших против нерушимого единства партии и народа. Единственное объяснение такому безобразию видят в том, что никогда не работали эти бездельники у станка, не спускались в шахты. Говоря ученым языком, у них ДРУГИЕ ЦЕННОСТИ, архаические в XXI веке ценности. А разница в ценностях, как знает любой специалист в этой области, НЕПРИМИРИМА.

Нельзя сказать, что Путин не понимал этой разницы. Еще 15 декабря во время «Прямой линии» со специально подобранным народом сенсацию произвело предложение «рабочего» с Уралвагонзавода: «Если московская полиция не может справиться с митингами, то мы с мужиками готовы сами приехать, помочь». «Рабочий», конечно, был подставной (на самом деле, начальник цеха Игорь Холманских, через несколько месяцев Путин назначит его своим полномочным представителем в Уральском федеральном округе). И вагонзавод подставной, не вагоны он делает, а танки. И предложение его было никчемушное: без уральских «мужиков» справится Путин с интеллигентами, по его словам, «нацепившими на себя какие-то бледные сморщенные презервативы».

Не о Великой французской революции напомнили ему белые ленты, о чем-то, как видим, совсем другом. Не в фейковости «Прямой линии», короче, было дело. А в том, что противопоставление уральских «мужиков» московским интеллигентам означало, по сути, гражданскую войну. Пусть на первых порах холодную, но все-таки войну. И править ему отныне придется необратимо РАСКОЛОТОЙ страной.

Девятый вал

Если и были у него сомнения в том, что страна расколота СВЕРХУ ДОНИЗУ, то следующий митинг, 24 декабря, на проспекте Сахарова, митинг, на который вышли сто тысяч (!) человек, должен был эти сомнения рассеять. Хотя бы потому, что белоленточники обрели неожиданных союзников. Владислав Сурков, тот самый архитектор «управляемой демократии», главный идеолог режима, опубликовал 22 декабря в «Известиях» статью, в которой в противовес уральским станочникам назвал протестующих не бездельниками и козлами, а, представьте себе, «лучшей частью общества или, вернее, самой продуктивной его

«Прямая линия» 15 декабря 2011 г.

частью». И настаивал, что «нельзя высокомерно отмахиваться от их требований». Ибо пусть «они меньшинство, но зато какое это меньшинство!». И ближайший друг Путина, не так давно международно признанный лучшим министром финансов Алексей Кудрин согласился выступить на митинге протеста – наравне с «козлами», «нацепившими презервативы».

И пришли на проспект Сахарова не только гламурные Ксения Собчак, Божена Рынска, Светлана Бондарчук и Полина Дерипаска, но и, по свидетельству Михаила Зыгаря, «крупные бизнесмены и банкиры – самые осторожные люди в России». Очень не любящий «московскую буржуазию» (и похоже, вообще буржуазию) Бен Джуда поторопился окрестить этот митинг «революцией шуб». Но и он должен был признать, что пришли туда «интеллигентные, ясно мыслящие люди, для которых их голоса на выборах не менее дороги, чем их автомобили». Хотя и не мог не видеть, что подавляющее большинство протестующих приехали на метро или пришли пешком. И цитирует одного из самых яростных лоялистов «Единой России», Владимира Бурматова, вынужденного признать после этого митинга, что «интеллигенцию, средний класс, молодежь мы потеряли. Навсегда».

Проспект Сахарова 24 декабря 2011 г.

Так или иначе, власть услышала голос протеста. И начала отступать. 22 декабря в своем последнем отчете Федеральному собранию Медведев обещал вернуть выборы губернаторов (отмененные Путиным), заменить мажоритарную систему выборов (введенную Путиным) смешанной, что открывало дорогу в Думу независимым кандидатам, и облегчить их регистрацию. Что говорить, это было разочаровывающе мало. Но можно ли было одной митинговой активностью достичь большего на этом этапе антипутинской революции?

Как и всеобщая октябрьская забастовка в 1905 году, митинг 24 декабря был девятым валом НАЧАЛЬНОГО этапа революции. До Февраля 17-го было еще далеко. Свалить самодержца забастовка не могла. И добиться большего, чем «парламентское самодержавие», говоря словами Макса Вебера, было при таком перевесе сил немислимо. Короче говоря, своим девятым валом митинговая активность СЕБЯ ИСЧЕРПАЛА. Для свержения цезаризма нужно было что-то еще. Что именно?

Вот как отвечает на этот вопрос сегодня Андрей Пионтковский, один из самых радикальных идеологов антипутинской революции: «Только внешнеполитическое поражение означает для диктатора потерю личной власти». Мысль, собственно, в наши дни тривиальная. Сегодня, задним числом, согласны с ней практически все идеологи и лидеры оппозиции.

Но если так, то не разумнее ли было бы остановиться именно на митинге 24 декабря, на этом славном пике революции, недвусмысленно продемонстрировавшем миру, что просвещенная Россия ЕДИНОДУШНО отвергает стагнацию, воплощенную в фигуре Путина? Остановиться, признав уступки власти – как бы мизерны они ни были, чем-то вроде царского Манифеста 30 октября Пятого года, – и ограничиться тем, что я назвал бы романтическим эхом революции – народными гуляниями по бульварам, прогулками с писателями? Остановиться хотя бы для того, чтобы предотвратить неминуемые провокации власти, аресты и мини-террор, оголтелую свирепость реакции и великое множество разочарований в будущем России.

Едва ли тот, кто знает историю хотя бы в пределах школьного учебника, сомневался в том, что после начального этапа революции наступит реакция. Так же, как наступила она после

восстания декабристов или после царского Манифеста в Пятом году. А уж зная о настроениях уральских станочников и о зловещих угрозах «рабочего» с Уралвагонзавода, нужно было быть слепым, чтоб этого не увидеть.

Но эйфория протеста была велика. «Я и перед этим митингом говорил, – вспоминал Навальный, – что у нас одна стратегия, стратегия эскалации. Все кругом говорили: не хотим больше на мирные митинги, хотим по хардкору, пойдем с ментами драться».

Какая, однако, эскалация, если уже на следующую демонстрацию пришло куда меньше народа, чем 24 декабря? Если протесты в регионах на глазах угасали? Если радикализировались не только «низы», но и «верхи»? Если драться готовились и они? Если ясно было, что после 24 декабря революция пошла на убыль и ничего, кроме провокаций, новые демонстрации принести не могли? Зачем было повторять ошибку Ленина, призвавшего после царского Манифеста к той самой эскалации, о которой говорил Навальный?

В конце концов, общество добилось главного уже 24 декабря. Оно заставило Путина открыто отречься от запроса на модернизацию и свободу. Заставило *расколоть* страну, оперевшись на ее архаические слои с их архаическим же запросом, сформулированным, как мы помним, Прохановым: «Пропади она пропадом, эта свобода, если речь о величии державы». С этого момента Путин просто не сможет не идти – во имя «величия державы», конечно, – на постоянный риск внешнеполитического поражения.

Против течения

Но стоило мне высказать эту мысль – вполне очевидную в свете того, что произошло в 2012-м, – своим обычным собеседникам (звонят некоторые регулярно по телефону), как я понял, что мне придется идти против течения. Такой ересью люди были возмущены до глубины души. Что вы предлагаете, спрашивали меня, в кусты уйти, в прогулки с писателями – вместо того, чтобы протестовать до последнего? Лечь под Путина без сопротивления? Пассивно ожидать неизвестно какого внешнеполитического

поражения? Терпеть до конца его дней? Хорошо вам в Америке так рассуждать, а каково в России вашим единомышленникам, вы подумали? Ссылались даже на знаменитую максиму Ленина, что «в политической борьбе остановиться означает смерть». Пришлось спорить.

Ленин, конечно, большой учитель, отвечал я. Порою ему с этой максимой улыбалась удача, но, бывало, и садился в лужу. Как раз в аналогичном нашей ситуации случае и сел. Не пожелал остановиться после успеха всеобщей забастовки и царского Манифеста 30 октября и призвал к вооруженному восстанию. Кончилось большой кровью. И главное, впустую. И сильно облегчило работу реакции в последующие годы. Плеханов, между прочим, сказал тогда примерно то же, что я сейчас говорю: «Не надо было браться за оружие в момент, когда революция шла на убыль». И кто был прав? Но это все история. Перейдем к нашему спору.

Тревожные признаки появились уже на самом митинге 24 декабря. Либералов среди протестующих было, утверждает Бен Джуда, лишь 60%. В первых рядах толпился «Левый фронт» со своей угрожающей растяжкой «1917–2017». И черно-бело-желтые знамена националистов перемежались с черными транспарантами анархистов. И предвещало это, что будущие

В. Ю. Сурков

В. В. Володин

демонстрации едва ли будут мирными. Эти ребята точно будут драться с ментами. Силы реакции тоже перегруппировались. Свезли в столицу ОМОН из провинции.

Уже 27 декабря Путин произвел своего рода кадровый переворот. Суркова заменил Вячеслав Володин. Главой будущей президентской Администрации назначен главный соперник Медведева Сергей Иванов. Володин быстренько свез из окрестных городов бюджетников и устроил на Поклонной стотысячный контрмитинг, «путинг». Над гигантской толпой реяли транспаранты: «Нет оранжевой революции!», «Нам есть что терять!», «Кто, если не Путин?» – это их он просил «умереть под Москвой».

4 марта Путин победил с большинством в 64% голосов. «Зомбоящик» постарался. Чуровская команда тоже. Москва, правда, так и не дала ему даже половины своих голосов. Вот тогда и смахнул слезу Путин.

* * *

А теперь fast forward к демонстрации 6 мая 2012-го. Спецслужбы внедрили в руководство «Левого фронта» предателя – Константина Лебедева, если память мне не изменяет, и провокация была устроена грамотно. Полиция внезапно перекрыла мост на Болотную, отрезав голову колонны от ее хвоста. Началась давка. И та самая драка с ментами, разгон демонстрации. Короче, то, что нужно было власти: мирная революция граждан была изображена как попытка насильственного переворота, мятеж. Потом пошли аресты. В полную силу разгорелась реакция. Станным образом напоминало ситуацию после Пятого года. Так кто же тогда был прав: условный Ленин или условный Плеханов?

МОСКВА И РОССИЯ

Едва ли кто-нибудь всерьез усомнится, что одно дело – вбросить, так сказать, в общественное сознание дерзкую гипотезу о том, что всего несколько лет назад в Москве произошла РЕВОЛЮЦИЯ, и совсем другое – эту гипотезу обосновать. Будущие историки, я уверен, еще напишут об этой революции тома, а мы пока можем судить о ней лишь по масштабам РЕАКЦИИ, которую она вызвала. По глубине раскола страны на «крымнашистов» и скептиков, на тех, кто поддался шквалу оголтелой пропаганды и кто не поддался. В этом смысле, то есть по силе реакции, события 2011 года сопоставимы разве что с последствиями столь же неудавшейся европейской революции 1848-го. Тогда реакция тоже расколола старые дружбы, надежные, казалось бы, союзы, даже семьи.

Особая трудность здесь в том, что большинству участников революции 2011-го, свидетелей, если хотите, времени, сейчас даже в голову не приходит, что недавно они были революционерами. Несомненно, мирными, радостными, уверенными, что кошмар кончился и они – в свободной стране. И вокруг, куда не кинь взгляд, море хороших интеллигентных лиц. Было это или не было?

Но нет, не убеждает их даже глубина отчаяния, в которую многих из них погрузила неудача. И действительно трудно, почти невозможно поверить в невероятную метаморфозу, пережитую этими людьми на протяжении каких-нибудь нескольких месяцев. Только перечитывая «Былое и думы» Герцена, пережившего другую неудавшуюся революцию, можно это понять. Но кто сейчас читает такие книги?

Я готов признать, что в девятой и десятой главах не упомянул многих деталей, предшествовавших революции-2011 и за ней последовавших. Читатели, упрекнувшие меня в этом, безусловно, правы. Правы, в частности, по поводу моего молчания о таком явлении, как Стратегия 31 в 2009 году, парадоксальным образом объединившем, задолго до обсуждаемой здесь

ситуации, в митингах и пикетах на Триумфальной практически всех представителей российской оппозиции. Это так. Замечу только, что единство это продержалось недолго. И понятно почему. В конце концов, Лимонов заявил о «предательском рейдерском захвате Стратегии 31 правозащитниками» и публично советовал Алексеевой «принять цианистый калий». И Прилепин, конечно, там же, среди организаторов. Согласитесь, организовать Соппротивление в компании Лимонова и Прилепина было безнадежно.

Не упомянул я также растянувшееся на километры «стояние к поясу Богородицы», хотя людей там действительно собралось не меньше, чем на Болотной и на Сахарова. Только сомневаюсь я в том, что именно на «древнее языческое мракобесие» опирается сейчас Путин. В сегодняшней России, увы, достаточно более современных и более мощных резервов архаизации страны, на которые он мог бы опереться. Во всяком случае, язычество не помешало ни революции Пятого года, ни Февралю 1917-го, ни горбачевской перестройке, ни ельцинской революции 1991-го.

Вообще-то много чего я, и правда, не упомянул. Большей частью того, что и без меня было сказано-пересказано. Например, что после пика политической революции 24 декабря она стала «движением больше художественным, чем политическим» (вспомнить хоть 26 февраля 2012-го, когда, прямо по Булату Окуджаве, «взялись за руки друзья», окружив Москву по Садовому кольцу). Но об этом Лев Рубинштейн уже написал. И после него кто только не употреблял по этому поводу слова «карнавал»!

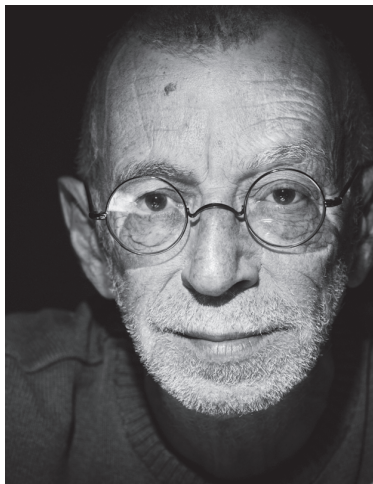
Не упомянул, что, как во всякой революции, тогда «держал слово товарищ лозунг» (вспомните популярный парафраз «стратегии эскалации» Навального «мы будем приходить, пока они не уйдут» или «Путин еще 12 лет? Спасибо, нет»). Но разве эти детали добавили бы что-нибудь существенное к логике моей аргументации?

Понимание того, что начался откат революции, пришло уже в марте 2012-го. Первым, кажется, его заметил Илья Яшин: «Мы думали, что будет спринт, оказалось – марафон». И еще тогда этот марафон толковали, как бы покорректнее выразиться, преувеличенно оптимистически, чтоб не сказать двусмысленно. Не поняли, что он всерьез и надолго. Борис Акунин писал:

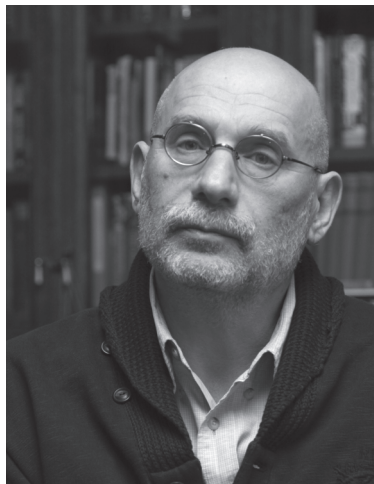
«Меня не пугают грядущие тягости, без которых редко обходится изгнание авторитарного правителя, исчерпавшего свою актуальность. Даже хорошо, что он будет упираться и цепляться за кресло. В процессе борьбы с несостоявшимся пожизненным диктатором сформируется, окрепнет, самоорганизуется гражданское общество. Пускай посопrotивляется, это на пользу делу». Возможна ли более жестокая ошибка?

Даже отдаленно не предвидели, что в процессе этого сопротивления гражданское общество будет раздавлено. Не представляли, как легко поведется страна на переход Путина к внешнеполитическим эскападам (во имя «величия России», конечно), к классовой и культурной войне. Не думали, что его Kulturkampf так быстро приведет к архаизации страны. Не думали, хотя исторических примеров было достаточно, начиная с царствований Николая I (после восстания декабристов) и Александра III (после Великой реформы). Еще и потому не думали, что ОТОЖДЕСТВИЛИ Москву и Россию. Одним словом, серьезно не готовились к сопротивлению реакции.

Вот пример, обобщающий все эти «не». Я об оценке Навального, когда «марафон» уже начался: «Сейчас говорят, что протесты ничего не достигли, но они победили путинскую

Л. С. Рубинштейн

Борис Акунин

Россию, путинско-медведевскую Россию». Правда, он тут же спохватывается: «Увы, но в том числе и протесты привели к войне на Украине». В двух коротеньких фразах – три грубых ошибки.

1. Если протесты и впрямь «победили путинскую Россию», то как объяснить, что арестованных уже в мае 2012-го протестантов приговаривали к длительным срокам за «организацию массовых беспорядков» и против самого Навального в том же году были возбуждены сразу три уголовных дела, а на дворе гуляла жесточайшая реакция? Короче, как объяснить, что «побежденная» путинская Россия вела себя как победительница? А впереди были еще 85-процентные рейтинги Путина...

2. Не бессмыслицей ли звучит определение «путинско-медведевской» России? Слов нет, правление Медведева было фальшстартом. Но без него разве поняло бы общество, что путинская «стабильность» на самом деле – не более чем стагнация? Или что «рокировка» была непристойной сделкой, оскорбительный цинизм которой, собственно, и развязал революцию 2011-го? Другими словами, без расколовшего элиту медведевского правления разве была бы возможна сама эта революция (если, конечно, не свести ее к «протестам»)?

А. А. Навальный

Бен Джуда

3. Не понял Навальный и того, что война на Украине была вовсе не нечаянным следствием «протестов», а единственным на тот момент способом, посредством которого Путин мог консолидировать свою новую (архаическую) социальную базу после того, как в декабре 2011-го «передовая часть общества» наглядно продемонстрировала свою ненадежность. После того, как он убедился, что только расколов страну и архаизируя ее, только возродив Русскую идею, он может удержать власть.

Но главное, чего не приняли в расчет ни Навальный, ни Акунин, ни Рубинштейн, ни другие мыслители и лидеры оппозиции, не в этом. Главное в том, что изгнать авторитарного правителя, исчерпавшего свою актуальность, без поддержки России столица НЕ МОГЛА. Оппозиция Пятого года ясно это понимала, потому и организовала октябрьскую ВСЕРОССИЙСКУЮ забастовку. И добилась, таким образом, какого-никакого народного представительства. Оппозиция 2011-го исходила из того, что Москва тождественна России, – и закончила свою революцию «взбесившимся принтером». Так в самом ли деле они тождественны? Отчего, в таком случае, Россия, если можно так выразиться, оказалась «на ты» с Русской идеей, а Москва все-таки «на вы»?

Москва – не Россия?

Вопрос не так прост, как может показаться. И поскольку от ответа на него зависит стратегия оппозиции на период, условно говоря, от октября Пятого года до Февраля 1917-го, думаю, он заслуживает подробного обсуждения (на которое попросту не хватило места в девятой и десятой главах). Закавыка здесь в том, что на него есть два ответа – простой и сложный. В провинции (в регионах, как принято теперь говорить) большинство сегодня предпочтет простой: нет, конечно, Москва – не Россия, между ними пропасть. Такая же, как между сословиями.

Собственно, в России так было всегда. Первыми, кто поставил вопрос о ВОССОЕДИНЕНИИ страны, были, если помнит читатель, еще декабристы (см. главу 2 в первой книге, кстати, 14 декабря 2015 года исполнилось 190 лет со дня их восстания – не праздновали, удивительно ли?). Они, естественно, имели

в виду освобождение крестьян и их форсированное просвещение, примерно как в первые годы после большевистской революции: мы-не-рабы, рабы-не-мы (впрочем, и овладевших букварем в НОВОЕ крепостное рабство загнали).

Осуществима ли была мечта декабристов – в том состоянии, в каком общество и власть находились после их поражения? Сомневалась в этом даже Анна Федоровна Тютчева, Жанна д'Арк, если хотите, тогдашней Русской идеи. «Я не могла, – писала она в дневнике, – неоднократно не задавать себе вопрос: какое будущее ожидает этот народ, высшие классы которого проникнуты глубоким растлением, низшие же классы погрязают в рабстве, в угнетении и систематически поддерживаемом невежестве?»

Во времена Александра II самодержавие освободило крестьян, оставив их (в этом и была, как мы помним, двойственность Великой реформы) в рабстве общинам и в том же легендарном невежестве. Тютчева была права: у империи царей не было будущего. Советская власть зверски раскрестьянила Россию и ликвидировала неграмотность. Но военно-имперская, по сути, самодержавная государственность осталась – вместе с «глубоким растлением высших классов».

У постсоветских режимов до малых городов и вымирающих деревень руки не дошли. В результате и в XXI веке 38% населения страны живет без газового отопления, без канализации («удобства на дворе») и без современного образования. Это я к тому, что вот вам первый – исторический – резерв архаизации страны, доставшийся «авторитарному правителю, исчерпавшему свою актуальность», еще от Николая I. Пропасть между условиями по-прежнему зияет, а столица как была островом благополучия посреди материка нищающей России, так им и осталась.

Как понимает читатель, пока что я излагаю аргументацию тех, кто настаивает, что Москва – не Россия. И аргументов у них полна коробочка. Благосостояние острова сопоставимо с южнокорейским, зарплаты выше, чем в Польше, миллиардеров не меньше, чем в Нью-Йорке, а значительная часть материка живет, как в Гаити. Остров богаче Шанхая или Стамбула, а пара часов езды от него – и ты в Порт-о-Пренсе. Отрезанный от материка экономически, остров отрезан от него и культурно.

Картина, однако, сложнее

Во всем этом много правды. И как тут не поверить, если, даже согласно официальной статистике, 23% населения России живет ниже минимального прожиточного уровня, составлявшего тогда где-то девять тысяч долларов на год (я отвечаю только за порядок цифр), а какой-нибудь Алексей Миллер зарабатывает в Газпроме 250 миллионов (!) долларов в год и еще несколько миллионов в советах директоров других корпораций (куда только он все эти миллионы деваает)? Все так, не возразишь. Однако нарисованная выше картина устарела уже во времена Милюкова и Струве. Просто потому, что иначе было бы невозможно организовать всероссийскую забастовку в октябре Пятого года. И свелось бы все, как в 2011-м, к митинговой революции в столице, и никакого бы царского Манифеста 30 октября не было.

Значит, уже тогда столица не была культурным островом, безнадежно отрезанным от невежественного материка. Тем более столетие спустя, когда на материке есть большие и гордые университетские города, как Самара, Казань, Екатеринбург и Иркутск, Новосибирск или Томск, не говоря уже о «порфиноносной вдове» Петербурге, – со своей культурной средой, со своим средним классом и интеллигенцией. Или «торговые города», как Владивосток и Калининград, где предприимчивое население научилось жить независимо от государства. Все это – ресурсы модернизации и, стало быть, оппозиции 2011-го, ресурсы, которые ей, в отличие от ее единомышленников в Пятом году, и в голову не пришло пустить в дело.

Мне могут возразить: свыше 40% населения сегодняшней России – это бюджетники, они напрямую зависят от государства, что минимизирует ресурсы оппозиции. И речь не только о чиновниках и пенсионерах, но и о тех, кто в других условиях мог бы принадлежать к среднему классу, о медиках, например, или учителях (не случайно же чуровская гвардия состоит главным образом из учительниц). Речь также о цитадели военно-промышленного комплекса на Урале, куда безотказно, как в советские времена, текут нефтегазовые триллионы. Вот и второй, куда более грозный, резерв архаизации страны, включая

мужиков, готовых ехать усмирять «клоунов с Болота» во имя стабильности оборонного заказа...

Все верно, в путинской России ресурсы оппозиции и впрямь ограничены. Тем более ей следовало дорожить тем, что есть. Была ли, в принципе, у оппозиции возможность, спросит читатель, превратить московскую революцию в общероссийскую? Не знаю. Но не застань она оппозицию врасплох, начни оппозиция к ней готовиться хотя бы с 2008-го, когда впервые после Ельцина услышала из Кремля, что «свобода лучше, чем несвобода», может, и была. При минимальной организации, с лозунгом, способным заинтересовать ВСЕ разнообразные регионы России, независимо от их частных проблем, и главное, при ЖЕЛАНИИ их заинтересовать. Таком желании, по крайней мере, какое было в Пятом году. Тем более что в нулевые XXI века на вооружении оппозиции был интернет – могущественное средство мобилизации, о каком тогда и мечтать не могли.

Ошибка

Но если в принципе такая возможность была, а оппозиция ею не воспользовалась, то нет ли у нас оснований считать, что тогда и впрямь была совершена ошибка? Нет, не роковая, к счастью, но жестокая, за которую многие заплатили тюрьмой в России и жизнью на Украине, в Сирии, в Египте, и не счесть тех, кто заплатил тяжелейшим разочарованием в будущем страны. Такая ошибка, какую следует обязательно принять во внимание и не повторять впредь – после Путина. Для того и пишу.

Я давно не езжу в Россию и вообще никуда не езжу (возраст уже, знаете, не тот), и не мог бы говорить об этом с такой уверенностью, если бы не книга молодого британского журналиста, объехавшего буквально всю страну: от Калининграда до Петропавловска-Камчатского и Биробиджана, и пообщавшегося, кажется, со всеми: от Навального до мэра Калуги и якутских предпринимателей. Я уже знакомил с ним читателя, это Бен Джуда, автор книги **«Fragile Empire. 2012»**. Большею частью я с ним спорил из-за мнений его и прогнозов. Но сейчас речь о фактах и людях. А в этом смысле он бесценный источник. И надежный.

Вот его диалог с Навальным, которого он именует не иначе как героем нашего времени, резко противопоставляя его старым, отжившим, по его мнению, вождям оппозиции. Но это мнение, диалог с «героем» важнее:

- Говорят, вы базируетесь исключительно в Москве?
- Я базируюсь в Москве.

И сразу следует жалоба иркутских студентов (Бен и с ними беседовал): «Столько раз оставляли сообщения на сайте Навального, просили приехать, выступить в университете. Не ответил ни разу». Визовый режим с бывшими мусульманскими республиками его, видите ли, заботит, а настроения иркутских студентов ему до лампочки. В ту же копилку – разговор с протестным активистом Максимом Кацем, энтузиастом велосипедных дорожек в Москве. «Регионы? Что я знаю о регионах? Я – москвич. У них свои проблемы». И вернулся к велосипедным дорожкам. Это о желании столичных оппозиционеров превратить свое движение во всероссийское.

Можно было бы сказать «ноль желания», но выделяется Филипп Дзядко – единственный из собеседников Бена в Москве, кто и впрямь озабочен Россией: «Советская власть разрушила связи между нами. Не будет Россия здоровым обществом, пока

Митинг во Владивостоке 14 декабря 2008 г.

не станет ОДНОЙ страной». Не знаю, читал ли Дзядко декабристов, но, кроме него, идейных преемников общероссийского протестного дела в Москве сейчас, похоже, нет.

Между тем регионы начали протестовать задолго до Москвы. Еще в 2008-м поднялся Владивосток. Нет, не против режима, против произвола. Дума проголосовала за запрет импорта подержанных «японок» (автомобилей с правым рулем). А на этом импорте держалась вся экономика города. Десять тысяч человек вышли на площадь (пропорционально населению – столько же, сколько в Москве на Болотную). Лозунг: «Единая Россия, вали в Россию!» Местный ОМОН отказался разгонять митинг, не пошли против своих. Прислали ОМОН из Москвы, который тут же почему-то прозвали «викингами». Разгоняли митинг жестоко, дубинками по головам, как не позволили бы себе в столице на глазах у иностранных журналистов. Несколько сот арестовали, посадили.

Три года спустя, на выборах-2011, во Владивостоке славно прокатали «Единую Россию». Все усилия чуровской команды не принесли «Едру» больше 29%. Но московскую оппозицию, когда настал ее черед выйти на площадь, там не поддерживали. С какой стати? В их трудный час они в своих рядах протестную Москву не видели. Совсем другую Москву они тогда видели. В образе «Единой России» предстала она перед ними. И в образе «викингов». Обернулась, прямо по блоковским «Скифам», «своею азиатской рожей». Короче, ОДНОЙ протестной России, говоря словами Дзядко, в 2011 году не существовало. И практически та же история случилась в 2010-м в Калининграде. Там население живет челночной торговлей с пограничными Литвой и Польшей, и когда присланный из Москвы губернатор произвольно повысил цены на подержанные машины из ЕС, люди вышли на площадь. И опять Москва предстала перед ними в образе ОМОНа, не оппозиции.

И впечатление от этой истории осталось там то же, что во Владивостоке: не режим третировал их, как туземцев в колониях, а Москва. И возненавидели люди Москву! Даже в Якутске местные предприниматели жаловались Бену, скрипя зубами, что все инвестиционные проекты достались понаехавшим из Москвы. Так поддержат они после этого Москву, когда выйдет

она на площадь? Или подумают: у них там свои, московские, разборки, «свои проблемы» (вспомним Максима Каца), нам-то что за дело? Боюсь, именно так воспринималась декабрьская революция 2011 года в регионах.

О лозунге

Посмотрим на эту ситуацию в огромной фрагментированной стране, не связанной ничем, кроме обиды на Москву, хотя бы глазами Дзядко. Под каким знаменем поднимутся люди, отделенные друг от друга целым континентом, ВМЕСТЕ, как одна страна? Что общего во всех их разных, в принципе, чисто экономических проблемах? Я думаю, то же самое, что подняло людей на всероссийскую забастовку в октябре Пятого года: ПРОИЗВОЛ. Похоже, это единственный общий знаменатель всех обид и унижений. Если так, то от оппозиции требовалось лишь показать, что это не произвол каких-то продажных чиновников или «Единой России», и тем более не Москвы, а произвол СИСТЕМЫ ВЛАСТИ. Так она устроена, эта власть, что иначе функционировать не сможет, даже если захотела бы. В Пятом году XX века эта система называлась в просторечии «самодержавием», в XXI веке называется «режимом Путина». Произвол – синоним режима.

Все остальное, включая вездесущую коррупцию, нищету, олигархов и насилие ОМОНа, – следствие **режима произвола**. Важно помнить, что столетие назад, когда столичная оппозиция объяснила это людям во всех концах страны, лозунг «Нет произволу самодержавия!» сработал – и Россия, пусть на исторический миг, действительно почувствовала себя ОДНОЙ страной. И победила. В исторических аналах эта победа осталась под именем революции 1905 года.

Да, победа тогда была неполной. Политическая элита страны по-прежнему была очарована Русской идеей, Босфор и военное «величие России» по-прежнему не давали ей спать, и царь как Верховный главнокомандующий позволил втянуть страну в роковую для нее войну. Но этот урок сегодняшняя оппозиция, думаю, хорошо выучила. И когда в следующий раз настанет для нее решающий час, условно говоря, час Февраля 1917-го, она

не даст обмануть себя снова. Тем более что Путин уже сейчас вынужден делать все что может, чтобы скомпрометировать Русскую идею. Именно неудавшаяся революция 2011-го вынудила его так усердно работать на то, чтобы предотвратить возможные будущие ошибки оппозиции. И все равно без декабристского лозунга «Нет произволу!», единственно способного воссоединить страну, в следующий раз не обойтись.

* * *

Бен Джуда заканчивает главу «Декабристы» цитатой из разговора со своим героем Навальным: «Каждый раз, когда меня арестовывают, я спрашиваю у полицейских, почему вы это делаете? Разве вы не знаете, что Путин – вор? И каждый раз получаю один и тот же ответ: “Никогда лучше не будет, брат. Никогда лучше не будет...” Он пожимает плечами: “Так люди думают”».

Навальный прав, конечно, так люди в России думают, особенно в эпоху реакции. Но прав он лишь отчасти. Люди думают так еще и потому, что оппозиционная Москва в свое время мало что сделала, чтобы хоть часть из них думала иначе.

Глава 12

В ГОСТЯХ У ИЗБОРЦЕВ

• Часть первая •

Ненависть к чужому – не любовь к своему – составляет главный пафос современного национализма.

Георгий Федотов

Воплю и ненавижу.

Захар Прилепин

Россия стоит сегодня перед выбором: либо идти на Запад, к антихристу, либо быть верной Евразии.

Александр Дугин

Неуклонно надвигается угроза глобальной войны уже в ближайшие 5–7 лет.

«Мобилизационный проект» Изборского клуба. 2013

Изборский клуб, созданный в октябре 2012 года, был ответом глашатаев Русской идеи (особого пути России, *Zonderweg* по-немецки) на несостоявшуюся либеральную революцию 2011-го. Как и после Пятого года столетие назад, реакционные интеллектуалы, включая, конечно, Прилепина и Дугина, объединились, не скрывая, что целью их объединения является выработка идеологии контрреволюции. Знаменем их стал «мобилизационный проект», в котором они видят единственную возможность спасти Россию от новой революции в преддверии грядущей войны... с антихристом.

Проект предусматривает тотальную «чистку» сегодняшней полулиберальной, «предательской», по выражению Михаила Леонтьева, элиты, всего «антигосударственного и антинародного правящего класса», говоря словами Александра Дугина.

Предлагаемая ими «чистка» правящего класса может ненароком напомнить читателю Большой террор, развязанный Сталиным тоже накануне глобальной войны, которую, как мы уже знаем, ожидают изборцы в ближайшие 5–7 лет. Аналогия тем более соблазнительная, что сам председатель клуба Александр Проханов не устает провозглашать со всех амвонов: «Мы – сталинисты!»

Но нет-нет-нет, успокаивают нас избороцы, на этот раз «чистка элит» обойдется малой кровью, во всяком случае меньшей, чем при любом другом предвоенном сценарии. Насчитывают они, как и м-р Ло, тоже четыре сценария будущего, но, в отличие от него, все более или менее кровавые. Смотрите, мол, сами, вот куда, говорят нам, может завести – и заведет, если ее не «почистить», – предательская элита.

«Во-первых, развал страны. Самый яркий пример – развал Советского Союза».

«Во-вторых, прямая или косвенная оккупация. Наглядные примеры – судьба послевоенных Германии и Японии».

«В-третьих, революция. Примеры: внутренняя динамика революции в России, в Китае, в Иране (в переводе с избороцкого на русский, все революции заканчиваются только Сталиным, Мао или аятоллой Хомейни)».

«В конечном счете все ограничивается тремя плохими и очень плохими сценариями (крови будет много) и только одним позитивным вариантом (крови будет меньше)». Позитивный – это, конечно, их, избороцкий...

С. Ю. Глазев

А. А. Проханов

Вот они и предлагают нам: выбирайте из этого фантазматического кровавого меню. Что, мол, поделаешь, не спасешь Россию без крови...

Зачем нам к ним в гости?

Мало ли, в самом деле, сегодня в России чудовищных сект, клубов и проповедников? Один «Спутник и погром» чего стоит! Так зачем нам именно к этим? Да, у них есть свой портал (Dunason.ru), свой роскошно изданный на финской бумаге журнал («Изборский клуб»), свое радио («Служба русских новостей»), свой институт (Динамического консерватизма), свое издательство (ИДК) и даже, кажется, свое телевидение. Важнее, однако, что есть у них и своя, если можно так выразиться, социальная база – директора ВПК, готовые, судя по всему упомянутому выше, поделиться с изборцами толикой от многотриллионного золотого дождя, пролившегося на них в последние годы.

Но нам-то зачем к ним в гости?

Главным образом, по двум причинам. Во-первых, затем, что, помимо всего прочего, у них есть то, чего нет ни у кого, – прямой выход на единственного сегодня в России человека, принимающего политические решения. Под «выходом» я имею в виду советника Президента по вопросам Евразийской интеграции С. Ю. Глазьева (он же основной автор «Мобилизационного

проекта» и главный экономический гуру избороцев). Одно уже это – близость, так сказать, к уху вождя – не дает нам права игнорировать их аргументы. Такую ошибку мы однажды уже сделали: не оспорили аргументы Зюганова в 1996 году, когда он был, казалось, в двух шагах от президентства, а два десятилетия спустя удивились, услышав их от Путина.

Во-вторых, навестить избороцев нам нужно затем, что в стране кризис. Зарплаты упали на 10%, инфляция поднялась до 12%, число бедняков, живущих ниже прожиточного минимума, выросло вдвое. Размывается социальная база режима. Вы слышите это даже по избороцкому радио. Вот вопрос слушателя: «Что мне делать? Зарплата маленькая, стала еще меньше. Как на нее прокормить детей?» А другой и того пуще: «Проханов ёрничает, юморит, сыплет красотостями, а начнем жить впроголодь, и начнем ведь, пошлют этот Крым подальше и те, кто плясал при его возвращении в родную гавань».

Проханов, конечно, ответил в своем духе: «Спасение людей от надвигающегося голода не в том, чтобы искать на помойке корки хлеба, а в том, чтобы воскресить в себе параллельное и истинное сознание. В нашем сознании есть огромный резерв – выявление в себе русского стойка, мечтателя, русского мистика... Есть люди длинной воли, подобные Чингисхану, а есть люди короткой воли, которые загораются на миг, потом гаснут и проклинают». Но Путин, согласитесь, не может сослаться на Чингисхана. А отвечать ему тоже придется. И кто поручится, что в какой-нибудь отчаянный момент он не прислушается к Глазьеву? Вот еще почему нужно нам знать, чем дышат избороцы.

Тем более что однажды, именно в «революционной ситуации» в конце 2011 года, он к нему вроде бы как на миг уже прислушался. Сказал: «Убежден, создание Евразийского союза, эффективная его интеграция – единственный путь, который позволит нам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и прогресса». И даже Л. Н. Гумилева, кажется, процитировал: «Если России суждено возродиться, то только через евразийство». Это, конечно, конек Глазьева, здесь он верный паладин Дугина.

Но потом все как-то стерлось, забылось, отошло на второй план – «Русский мир», Крым, Донбасс, Новороссия, теперь Сирия – не до Евразии, не до Глазьева стало.

Но вот в конце 2015-го замелькали в ультралиберальном «Ежедневном журнале» (ej.ru) тревожные заголовки: «Запахло Глазьевым», «Кудрин или Глазьев?», «Борьба за Путина». С 2011-го они Глазьева игнорировали, и вдруг опять. Разбирайся я толком в экономике, я бы понял, в чем дело. Пока не поможет Владислав Иноземцев (см.14 главу), подробности для меня – темный лес. Понимаю лишь, что предложения Глазьева включить печатный станок и запретить свободное обращение иностранной валюты составляют часть изборского «Мобилизационного проекта». Короче, снова запахло в воздухе жареным, то бишь «динамическим консерватизмом».

Вообще знаю по опыту, что эти ребята, изборцы, – перевертыши, словечка в простоте не скажут. Свирепые националисты, величают они себя не иначе как патриотами и даже претендуют на монополию патриотизма. Ненависть к Западу выдают за любовь к России, а разжигание архаических в XXI веке племенных страстей – за воссоединение страны (Крым). «Новую опричнину» (как неосторожно назвал ИДК свою программную книгу об идеальной, с точки зрения изборцев, системе управления) перелицовывают в древнеримский «принципат Августа». Даже завоевание Византии турками (см. Приложение 3 «Византийские уроки») ухитряются изобразить как преступление Запада. В этом смысле «динамический консерватизм», может быть, – единственный случай, когда они говорят правду (хотя и тут норовят выдать глубокую архаизацию страны за модернизацию). Но об этом мы поговорим подробно. А пока причины, по которым пришло нам время их навестить, я, кажется, объяснил.

Охранители и консерваторы

На первый взгляд может показаться, что у Путина, собственно, нет нужды в изборцах с их тотальной «чисткой правящего класса» и «новой опричниной». Сугубый прагматик, он чувствует себя вполне комфортно, лавируя между гебешной

элитой и экономическими либералами. Гебешники в экономике ни бум-бум, а лояльные экономисты безвредны. Да, массовые митинги в Москве неблагодарного среднего класса и беспутной интеллигенции, которых лукавый лис Сурков назвал «лучшей частью общества» («Известия» от 22 октября 2011 г.) и перед соблазном которых не устоял даже Кудрин, Путина потрясли. Призыв к свезенным на Поклонную бюджетникам «умереть под Москвой» и слезы на Манежке – бесспорное тому свидетельство.

Но он быстро с этим справился. Точечные репрессии, раскаленный добела «зомбоящик» и «крымнаш» сделали свое дело. Русскую идею он оседлал и без избороцев. Статус-кво был восстановлен. А с западными санкциями и временным, как уверяют его придворные экономисты, ухудшением экономической ситуации справится и «патриотическая истерия». Вот, пожалуй-ста, опрос того же изборского радио: «Готовы ли вы голодать за Крым, за Новороссию?» Понимаю, аудитория специфическая, какой-нибудь либерал, пожалуй, сравнит это с опросом в сумасшедшем доме, однако ответы слушателей вполне сопоставимы с результатами общенациональных опросов: 83% готовы голодать за Крым. Так зачем тогда прагматику Путину этот изборский «динамический консерватизм»?

Резонный вопрос. Только, боюсь, не углубившись в историю, на него не ответишь. Так вот, в № 8, дай бог памяти, за 1969 год случилось мне опубликовать в «Вопросах философии» прогремевшую тогда статью «Славянофилы и Константин Леонтьев». Главная ее мысль (которая и легла в основу моей диссертации) была в том, что силы реакции в самодержавной России, если хотите, двукрылы. Правящее «охранительное» крыло стоит, естественно, за статус-кво. Но другое крыло, которое я окрестил «консервативным», исходит из того, что поскольку этот статус-кво уже породил попытки как либеральной, так и социалистической революции (речь шла о 1870-х), то он обречен. Пусть эти революции не состоялись, все равно поздно. Можно снова захлопнуть, даже законопатить клетку, но птичка уже вылетела. И раньше или позже самодержавный статус-кво будет опрокинут. Революция победит.

Чтобы уцелеть, самодержавию нужна своя, КОНСЕРВАТИВНАЯ революция. Иначе говоря, с одной стороны, нужно повернуть историю вспять, так далеко в прошлое, где сама идея либеральной (и тем более социалистической) революции даже возникнуть не сможет, а с другой – **присвоить** идеи этих революций, превратив их в собственную противоположность.

В 1880-е консервативное крыло реакции представлял лишь одинокий мыслитель Константин Леонтьев. Но это был блистательный мыслитель, «самый острый ум, рожденный русской культурой в XIX веке», как сказал о нем Петр Струве. Современный итальянский философ Эвель Гаспарини соглашался. «Не существует предсказаний, – писал он, – от Нострадамуса до Мадзини, от Маркса до Ницше, которые предвидели бы будущее с точностью хотя бы приближающейся к леонтьевской».

Судьба Леонтьева была трагична, правящие охранители не услышали его предсказаний (слишком сложным оказался для них его «динамический консерватизм»), и он умер в 1891 году одиноким и разочарованным. А самодержавие... что ж, оно, как он и предсказывал, погибло. От тех самых революций.

Чтобы не быть голословным, вот одно из его предсказаний: «Предчувствую, что какой-нибудь русский царь, быть может, и недалекого будущего, станет во главе социалистического движения... И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством – общинам, Церкви и Царю... Социализм есть феодализм будущего... То, что теперь крайняя революция, станет охранением, орудием строгого принуждения, дисциплины... и рабства».

Нет, я вовсе не хочу сказать, что изборцы, мечтающие о «новой опричнине» как о государстве в государстве, заимствовали свои идеи у Леонтьева, я даже не уверен, что они его читали. Общее с ним у них одно: в отличие от охранителей-запутинцев, они видят опасность статус-кво, предупреждают, что он чреват катастрофой, и пытаются убедить Цезаря, что сохранить власть он может, лишь «возглавив социалистическое движение», то есть превратив его «в орудие строгого принуждения, дисциплины и рабства». Это и подразумевается под «мобилизационным проектом» – консервативная революция.

Будущее России – в прошлом

Вот как это представляет себе военный специалист избороцв генерал-полковник Леонид Ивашов, с которым нам еще предстоит встретиться: «У нас обязательно внутреннее очищение должно произойти, скорее всего, в 2017-м. Я не говорю, что это будет именно новая социалистическая революция, но нечто похожее будет, потому что мы задаемся высокими внешнеполитическими целями, а внутри только ухудшение». И какими идеями должна будет, по мнению генерала, руководиться эта «похожая на социалистическую» консервативная революция 2017 года: «Перед истинно национальной элитой и перед В. Путиным стоит та же задача, что стояла и перед И. В. Сталиным в 20–30-х годах прошлого столетия: любой ценой отстоять суверенность и независимость страны».

Тут, согласитесь, возникает целый ряд вопросов. Во-первых, может обидеться В. Путин: он ли не отстаивает доблестно «суверенность и независимость страны»? Во-вторых, обидно для И. В. Сталина: уж он-то эту «суверенность» отстаивал даже ценой Большого террора, а тут, едва прошло полвека, как прикрыли ГУЛАГ, – и генерал требует новой революции? И снова ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, как Сталин «в 20–30-х годах прошлого столетия»? Не давая себе труда хоть как-нибудь объяснить, кто, собственно, на независимость страны покушается? И главное, какое все это имеет отношение к тому, что «ВНУТРИ только ухудшается»? Выходит что-то вроде «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Несколько иной аспект избороцкого будущего/прошлого России объясняет нам Виталий Аверьянов, исполнительный

Л. Г. Ивашов

секретарь клуба: «Важно, чтобы новые державники (рекрутированные, как понимает читатель, взамен «вычищенной» предательской элиты) служили не императору из личной преданности (личная преданность, как мы с вами ощущаем на себе, – примета кланово-олигархического строя), но самой идее империи».

Оппозиция справа?

Как это категорическое требование изборцев сопрягается с путинской охранительной системой рекрутирования кадров, основанной, как и сталинская, исключительно на принципе личной преданности вождю? Короткий ответ: никак. Та же история, что с ожиданием революции 2017-го, которая совершенно не нужна Путину и которой он как глава российской контрреволюции боится смертельно. С одной стороны, ему льстят, сравнивая с императором Августом, основателем Римской империи (прямым потомком которого считал себя, между прочим, еще Иван Грозный), но с другой – КРИТИКУЮТ. И не менее беспощадно, чем либеральная оппозиция. Достаточно вспомнить «кланово-олигархический строй» Аверьянова. Или дугинское «те, кто нами правит, ненавидят нас и боятся».

Таков мой последний аргумент, почему нам следует забыть традиционное снобистское предубеждение, будто в России лишь одна оппозиция режиму, либеральная, и знать, хорошо знать аргументы оппозиции справа. И оспорить их, когда нужно. Ведь обожглись в 1996-м с Зюгановым – и ничему не научились. Не оспорили тогда его аргументы, да что там, попросту их не знали, а теперь каются, как Андрей Васильев: «Я поступил неправильно, работая против коммунистов. Надо было дать России сделать демократический выбор». Это с Зюгановым-то демократический выбор! Понятия ведь не имеет, о чем говорит.

А то, что Путин воспринимает правых, олицетворяемых сегодня Изборским клубом (есть и менее значительные – Зиновьевский, Столыпинский), именно как оппозицию, объясняет, почему он так долго не прислушивался к Глазьеву и его «проекту». Держал на коротком поводке (все-таки «социально близкий», не за свободу ратует, за ужесточение режима), но не

прислушивался – какая-никакая, но ОППОЗИЦИЯ. В отчаянную минуту, однако, может и прислушаться.

Когда и если эта минута наступит, представления не имею. Но генерал Ивашов, если помните, говорит о 2017-м. Внутри ведь и впрямь «все только ухудшается», говоря его словами, и Путин известен своей фирменной непредсказуемостью. Поэтому и отношусь я к «Мобилизационному проекту» как к одному из возможных вариантов того, что день грядущий нам готовит. И настаиваю, что знать об выборах нам нужно куда больше, чем я успел рассказать в первой части этой главы.

В ГОСТЯХ У ИЗБОРЦЕВ

• Часть вторая •

Было это так. Когда ведущий «Радио Свобода» Миша Соколов спросил меня в эфире: «Вы действительно думаете, что ситуация в России может быть еще хуже, чем сейчас?» – я ответил, не задумываясь: «Несопоставимо. В случае если Путин прислушается к Глазьеву». А потом, «на лестнице», задумался. Нет, не о том, правильно ли я ответил. О том, как, в самом деле, выглядела бы Россия, если бы Путин уступил изборцам? Пусть не во всем, пусть лишь в том, что без консервативной евразийской революции и «чистки элит» крушение его режима неминуемо. И спасти его может лишь их «Мобилизационный проект»... Что тогда?

Понимаю, что прислушается Путин к Глазьеву или не прислушается, вопрос дискуссионный. И доводов «против» можно привести, пожалуй, больше, чем «за». Например, сильный аргумент «против» тотчас привел в дискуссии на «Снобе» Сергей Мурашов: «Сомневаюсь, что Путин пойдет на “чистку элит”, личную преданность он ценит выше идейности... Так что вряд ли он захочет чистить тех, кто уже доказал свою преданность, и менять их неизвестно на кого (возможно, вообще на людей, преданных не ему, а какой-то Евразийской идее)». В десятку. Возразить трудно.

При всем том, однако, можно ли **ИСКЛЮЧИТЬ** такую возможность? Тем более что, если права Ангела Меркель, Путин вообще живет в другой реальности? Что если все сбереженные на черный день запасные Фонды будут скоро истрачены? И если Иран, уподобившись Турции, нанесет Путину очередной удар в спину, перехватив, как обещает, у России поставки в Европу газа и нефти? Масса «если», но все они более чем вероятны. Потому и невозможно предсказать, как в таких обстоятельствах поступит Путин.

Другими словами, возможно все. Включая и то, что он-таки прислушается к «Мобилизационному проекту» Глазьева. Так что произошло бы в этом случае с Россией? Согласитесь, лучше знать, чем не знать.

Я решительно некомпетентен судить, что сделал бы этот проект с российской экономикой. И поэтому в высшей степени признателен Владиславу Иноземцеву, предложившему поддержать меня, взяв на себя задачу объяснить читателю подробности экономического Апокалипсиса, которым, подозреваю, чреват проект для страны в случае роковой ошибки Путина. Михаил Аркадьев, как, я надеюсь, помнит читатель, так же поддержал меня в первой книге «Русской идеи», согласившись стать ее гостем-соавтором. В обоих случаях это большая честь для меня.

На мою долю остается то, что в программе Изборского клуба зовется «Идеология мобилизационного проекта». Тут тоже немало проблем, серьезно затрудняющих как объяснение мотивации изборцев, так и спор с ними. Касаются они главным образом их уверенности в неминувости для России большой войны с Западом (не далее чем через 5–7 лет), того, почему для Запада такая война императивна, а также того, при каких условиях Россия могла бы такую войну выиграть. Честно говоря, тут так все запутано, что практически невозможно избавиться от впечатления, что изборцы тоже обитают не в той реальности, что мы с вами. Приходится выстраивать их аргументацию, чтобы придать ей хоть какое-то подобие общепринятой логики. Впрочем, я лучше изложу читателю свои проблемы, и пусть судит сам.

Проблема первая: Русская идея

Придется временами много цитировать. Читаешь их программу – что ни абзац, то риторический перл. Так всю программу и переписал бы. Разумеется, я буду изо всех сил бороться с этим соблазном. И если в иных случаях не смогу его перебороть, значит, перебороть его было невозможно. Во всяком случае, для меня.

Добавьте к этому, что я толком так до конца и не понял, из-за чего сыр-бор разгорелся, т.е. почему, собственно, изборцы так уверены, что Россию непременно ожидает «горячая» война с Западом. Но пойдем по порядку.

Если для либералов точка отсчета в советской истории – НЭП, то для изборцев, понятно, Сталин: «В 1931 году Сталин сказал, что если за 10 лет СССР не пробежит путь, который

другие прошли за сотню лет, нас сомнут... Сегодня у нас едва ли есть 10 лет, лет 5–7 в лучшем случае». Почему? Извольте: «Пятая колонна сейчас сильнее, чем в 1930-е, глобализирующий Запад сильнее, чем тогда. А потому мобилизационный рывок должен быть намного более мощным и продуктивным». Ну, чем не перл? Помилуйте, Сталин во имя своего «мобилизационного рывка» сломал хребет русскому крестьянству, превратил в лагерную пыль миллионы иванов денисовичей, зверски «почистил» большевистскую и армейскую элиту, а изборцы замышляют рывок еще «намного более мощный»? Что же после такого «рывка» останется от России?

Но главное, спрашивал я не о том, почему в распоряжении сегодняшней России нет для «мобилизационного рывка» даже десяти лет. Спрашивал, во имя чего этот «рывок»? В случае Сталина понятно: он строил «социализм в одной отдельно взятой стране» в кольце капиталистического окружения (хотя спросите сегодня на улице любого, на кой, извините, ляд понадобился России такой социализм, да еще столь страшной ценой, едва ли кто-нибудь внятно ответит). Но допустим, логика, хоть и извращенная, у Сталина была. Но изборцам-то зачем понадобился аналогичный «рывок», если сегодня мы живем в такой же (во всяком случае, номинально) капиталистической стране, что и другие, строить «социализм в одной стране» не намерены, поэтому некому нас «сминать», будь то через 10 или через 5–7 лет? Нам бы «слезть с нефтяной иглы», как обещал Путин в начале своего правления, и спокойно «глобализироваться» вместе со всеми. И преуспевать. У Запада получается, чем мы хуже?

Но не слезли с этой проклятой иглы за 16 путинских лет. Напротив, взгромоздились на нее по самое никуда (если в 1999 году доля нефти и газа составляла 39,7% российского экспорта, то в 2014-м – 69,5%). Кто в этом виноват? По мнению изборцев, вы не поверите, – «мировая капиталистическая система». Не покупала бы у нас нефть и газ, мы бы и слезли. Но мало того, что она, коварная, покупала, не давая нам «встать с колен», так еще и сама в результате угодила в острейший кризис. Я не преувеличиваю, вот текст: «Мировая капиталистическая система переживает острейший кризис. Кризис... охватывает всю планету. По сути дела, это тупик, в который завела мир кучка алчных ростовщиков». Как

видим, – буквально то, что на протяжении долгих брежневских лет говорилось на всех партийных съездах КПСС. Правда, на тех съездах предлагалась и альтернатива тупиковой капиталистической системе: вот, мол, строили бы, как мы, «реальный социализм», и никакого тупика бы не было. Но путинская-то Россия вообще ничего миру не предлагает, кроме «Русской идеи»...

Лишь на первый взгляд, однако, это поразительное сходство избороцев с брежневскими идеологами должно удивить читателя. Просто он мог подзабыть, что и те и другие – одинаково «архаисты», как еще в начале позапрошлого века окрестил их прародителей Николай Михайлович Карамзин. Исповедуют, другими словами, одну и ту же Русскую идею, особый путь России в мире, *Zonderweg*. Вот и полагают избороцы, что, хотя Россия тоже часть мировой капиталистической системы, не-зачем ей быть втянутой в острейший кризис, «охватывающий всю планету». Не указ нам планета, «Мобилизационный рывок» позволит нам идти своим путем. Пусть мировая капиталистическая система в кризисе, а мы будем преуспевать. Само собою, «система» нам этого не простит. И пойдет на нас войной. И «сомнет». Если, конечно, мы не пробежим за 5–7 лет путь, который она прошла за столетие.

Вот такая удивительная архаическая логика, позволяющая увязать «Евразийскую рапсодию», как величают избороцы преуспевающую Россию будущего, с грозным сталинским постулатом. Увы, логика очевидно абсурдная. Потому что в реальном мире все ровно наоборот: преуспевает капиталистическая система, оставив позади рецессию, а «рапсодия» по-прежнему корчится на своей нефтяной игле. Так с какой стати, спрашивается, «системе» идти на нее войной? Нет, не катит Русская идея, не объясняет ни неизбежности войны, ни необходимости «рывка», не сходятся у нее концы с концами. Так из-за чего же колготятся избороцы?

Проблема вторая: «ненависть Запада»

А вот из-за чего. У них, оказывается, наготове запасной вариант. Тот самый, с которым еще в далеком 1996-м чуть не выиграл президентские выборы Зюганов. Я писал о нем подробно в третьей книге (см. главу «Перед выбором»). Повторю основное.

Вот как по-рабочекрестьянски просто выглядел этот вариант в его программной предвыборной книге «За горизонтом»: «Запад не может жить на одной планете с Россией как с великой и единой страной, являющейся стержнем евразийского геополитического пространства». Поэтому «Запад поставил перед собой цель уничтожить российскую государственность и навязать стране несвойственный ей образ жизни».

Было у Зюганова и историческое обоснование: «Заговор Запада против России начался не вчера. Еще в XIX веке во время Крымской войны Запад всем скопом навалился на Россию за то, что она своей независимой политикой разоблачила его лицемерие и самоотверженно вступилась за традиционные христианские ценности, давно утраченные Западом. Но в XX веке заговор этот уже перешел все мыслимые границы: Запад внедрил в высшее руководство страны своего резидента Горбачева и его руками разрушил Великую Россию».

Что имелось в виду под Великой Россией, объясняется с той же простодушной ясностью: «На обломках Российской империи возник СССР, государство вождя, которое по своему духовно-нравственному типу соответствовало Российской народной монархии». И венчало все это утверждение, что «капитализм

Г. А. Зюганов

не приживается и никогда не приживется в России». С такой программой в 1996 году Зюганов собрал под свои знамена 30 миллионов голов. Серьезная, согласитесь, рекомендация.

Понятно, что пассаж про Крымскую войну и «народную монархию» изборцы опустили ввиду явной абсурдности. Все-таки интеллектуалы, не чета спичрайтерам Зюганова. Гипотезу, что капитализм в России не приживется, тоже опустили. Но в том, что Запад спит и видит, как бы навязать

стране «несвойственный ей образ жизни», они уверены ничуть не меньше Зюганова. В этом, собственно, и есть гвоздь их собственной программы. Более того, они убеждены, что ненавидящий Россию Запад почти добился своей цели. «Потому что вульгарная либеральная идеология, – объясняет «лубянский духовник», епископ Тихон (Шевкунов), который, конечно, тоже постоянный член клуба, – совершенно очевидно главенствует в обществе». А также потому, что «формула либеральной социально-экономической политики успешно осуществляется в нашей стране на протяжении всей последней четверти века национального предательства», – добавляет Михаил Делягин. Впрочем, Александр Дугин вносит оптимистическую ноту в этот хор отчаяния: «Мы должны не забывать, что Карфаген должен быть разрушен, а на его месте будет стоять опять – да, Третий Рим».

Суммируем (на этот раз из изборского «Мобилизационного проекта»): «Сам факт существования РФ как формально (!) суверенного государства препятствует реализации западных планов установления всеохватывающего контроля над русскими ресурсами и пространством... Новый курс необходим для сохранения Русской цивилизации, для того, чтобы мы могли остаться самими собой, со своей субъектностью, ценностями, культурой, с правом решать, каким будет будущее наших детей».

Согласитесь, это все-таки шизофрения или мистика. Разве Зюганов попытался хоть как-то обосновать (кроме дурацкой ссылки на Крымскую войну, где агрессором был русский царь), почему именно с Россией не может Запад жить на одной планете? Попытались изборцы объяснить, почему, даже оккупировав после жестокой войны Японию, Америка ни на минуту не покусилась на то, чтобы «установить всеохватывающий контроль над ее ресурсами и пространством»? И тем более над ее правом «решать, каким будет будущее ее детей»? Как были ее ценности и культура японскими, так и остались. То же произошло совсем недавно в Ираке. Вляпались туда, конечно, по глупости, как Путин в Сирию, не разобравшись, где шииты и где сунниты, но как вляпались, так и убрались.

Так откуда же панический страх за будущее российских детей, которому якобы угрожает Запад, откуда эта пугающая

уверенность в неминувости мировой войны? Вот недавнее от Максима Шевченко, еще одного постоянного члена клуба: «Мировая война на пороге? Как ни страшно об этом говорить, но, похоже, что да».

Проблема третья: павловские рефлексy

Вопросы эти, конечно, риторические. Я знаю, откуда все взялось у наследников почти двухсотлетней традиции имперского национализма, оказавшихся свидетелями агонии их имперской мечты. Я написал об этой традиции много книг, опубликованных на многих языках, включая, кстати, японский. Но все-таки имперские националисты бывают разные. Не все оперируют доморощенными аксиомами, которые никто, кроме них, аксиомами не считает. Не у всех сочетания определенных звуков вызывают, как у подопытных академика Ивана Павлова, рефлекторные реакции (например, капитализм – «кризис», США – «враг», революция – «оранжевая», правящая элита – «чистка», либералы – «национал-предатели», Европа – «оккупирована Америкой», доллар – «рушится»). Иные, пусть немногие, пытаются доказывать свои утверждения. С такими спорить не только можно, но и необходимо.

Как это делалось в свое время, есть классический пример – мой наставник Владимир Сергеевич Соловьев. Работать ему пришлось в нелегкое время: 1880-е были, как сейчас, эпохой контрреформ Александра III, когда для большинства имперцев национальная идея, как он писал, «стала предметом площадной торговли, оглашающей своими полуживотными криками все грязные площади и переулки русской жизни». Этих он язвительно разоблачал, не очень, как видим, политкорректно. Но с Константином Леонтьевым спорил очень серьезно, и с Николаем Данилевским спорил. И так это оправдывал: «Обдуманная и научнообразная система русского национализма заслуживает серьезного критического разбора».

Среди изборцев я вижу двух, с кем стоит серьезно, по-соловьевски, спорить. Это лауреат Нобелевской премии по физике Жорес Алферов, играющий там, впрочем, скорее роль свадебного генерала, и академик Сергей Глазьев. Остальные, насколько я могу судить, мыслят на уровне павловских рефлексов. Но

в физике я не мастак, а Глазьев у нас по ведомству Владислава Иноземцева. Мне придется иметь дело, увы, именно с «остальными». Да, среди них тоже есть Леонтьев, но общая с Константином Николаевичем у него лишь фамилия.

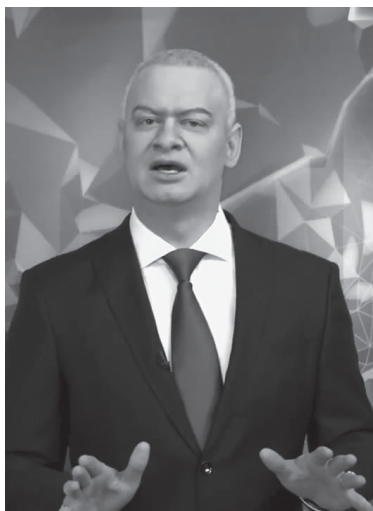
Так или иначе, читатель теперь знает, с какими проблемами я столкнулся, и, стало быть, понял, что мне придется ограничиться описанием того, что нас ожидает в случае успеха избороцев, в частности, в одной, всех нас касающейся области.

«Духовная мобилизация в сфере медиа»

Так в программе избороцев именуется раздел, ей посвященный. Как ни странно это может показаться, но избороцев решительно не устраивает даже сегодняшний раскаленный добела «зомбо-ящик». Ибо «в практике государственного публицистического вещания важны не столько охранительные действия, не столько ответы на внешние посягательства, сколько смыслообразующая деятельность, наличие собственной стратегии и способности к опережающей инициативе».

Захар Прилепин

Д. К. Киселев

Понимаю, для звезд «зомбоящика» звучит обидно. Ведь они, по словам одного из них, «остервенело исполняют все пожелания власти», а от них требуют какой-то «опережающей инициативы». Кого опережать? Власть? Она потребовала «Новороссию» от Харькова до Одессы и беззаветной борьбы с «укрофашизмом». И все орудия развернули против «киевской хунты». Воодушевили народ. Головы не снес бы тогда смельчак, который посмел бы заикнуться, что про «Новороссию» власть завтра забудет. И что вместо нее придется прославлять никому не известного Асада, а родиной православия вдруг окажется Сирия. А послезавтра надлежало переключиться на Эрдогана, которого еще вчера расхваливали... Ну, нельзя же так, в самом деле, над людьми издеваться! Отдадим должное переживаниям звезд «зомбоящика», но...

Но изборцы сурово настаивают, что «с учетом сложившихся и глубоко укоренившихся в нашем медиасообществе нравов начинать трансформацию этой сферы придется с создания особо выделенного и по-новому выстроенного государственного медиахолдинга, который станет **информационным рупором и вдохновителем мобилизационного проекта**» (выделено изборцами. – А. Я.). И почему, вы думаете? Потому что «рассчитывать на то, что существующие сейчас госмедиа будут качественным проводником идеологии мобилизационного проекта наивно». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Выходит, все эти Киселевы, Соловьевы, Шевченко, самоотверженно поднимавшие народ и на «крымнаш», и на «Новороссию», и на Сирию, так ничего, кроме фиктивного рейтинга, и не добились?

Да, свидетельствует Захар Прилепин, не добились. А он, между прочим, самый, быть может, проницательный член клуба (признанный писатель все-таки, увенчанный всеми литературными премиями): «В 2015 году я объездил городов 50–70 по всей стране, выступал в вузах, встречался со студенчеством, с интеллигенцией. Поэтому более-менее понимаю ситуацию. Она заключается в следующем. Мощнейшая либеральная пропаганда работает в России так же хорошо, как отработала на Украине. Поэтому стону о том, что вся Россия подчинилась абстрактному Киселеву, я не верю ни одной секунды. Низовая либеральная работа многократно превосходит патриотическую работу... При этом есть полулиберальные города: Екатеринбург,

Иркутск, Томск, где для Майдана все готово. Создать его там очень легко. Поэтому «Антимайдан» надо поддерживать. Иначе мы проиграем эту войну. И пока мы ее, по сути, проигрываем». (Я предупреждал читателя, что не всегда буду в силах сопротивляться цитатному напору избороцев.)

«Антимайдан» не поможет: поздно захлопывать клетку, птичка уже вылетела, «только специально выделенный и осуществленный концентрацией передовых кадров и творческих решений медиахолдинг, – отвечает Прилепину «Мобилизационный проект», – может стать той необходимой экспериментальной площадкой, на которой будет внедрена новая национальная идеология и предъявлена современная адекватная картина мира».

Но «абстрактному Киселеву» паниковать рано, на улице его сходу не выставят, просто пока что оттеснят на второстепенные позиции. «Какое-то время новый медиахолдинг как ключевое звено концентрации мобилизационных сил может развиваться и в кардинально отличном от него окружении, вызывая ощущение ментального дискомфорта или диссонанса с остальными СМИ. Но такое «двоевластие» не может быть продолжительным». Со временем, и очень скоро, значит, выгонят все-таки Киселева.

Что бы все это значило?

Если бы Глазьев проиграл дворцовую битву за Путина, то – ничего. Но если бы выиграл, это означало бы то же самое, что произошло (со всеми поправками на два столетия), когда Сергей Семенович Уваров выиграл дворцовую битву за Николая I. Сначала было бы то, что Чаадаев назвал «революцией в национальной мысли», а затем и то, что неминуемо вытекает из столь полного и демонстративного торжества Русской идеи, – война.

Как сказал еще один постоянный член клуба, историк из РГГУ Андрей Фирсов: «Изборский клуб – примета военного времени. По сути, это ответ русских интеллектуалов на вызов военного времени». И продолжил: «Нужна новая конфигурация власти, принципиально новая ее организация, новое оружие, которое будет крушить оппонентов так, как испанские конкистадоры крушили ацтеков, то есть преимущество на порядок». В дополнительных объяснениях нет нужды: ИДК (издательство

изборцев) уже выпустило книгу, которая так и называется – «Новая опричнина». Для тех, кто не в курсе: речь об организации власти, позволяющей **тотальную** мобилизацию общества для войны не на жизнь, а на смерть.

Предполагается, что изнеженный потребительством и комфортом, а также странным, с точки зрения изборцев, представлением о ценности человеческой жизни Запад ни на какое превращение власти в «оргоружие» неспособен. А Россия способна. В Великой Отечественной войне она это доказала, сокрушив самую могущественную в истории военную машину и добившись великой Победы.

* * *

Два неизвестных портят эту по-своему стройную картину. Во-первых, поскольку для новой опричнины нужен новый Иван Грозный или современное его воплощение, Сталин, то сможет ли Путин **стать Сталиным**? Во-вторых, захочет ли Россия снова пережить кошмар Отечественной войны в ситуации, когда Отечеству никто не угрожает? Вы бы захотели, читатель?

А теперь слово Иноземцеву.

**Владислав Иноземцев
В ГОСТЯХ У ИЗБОРЦЕВ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА**

Итак, может ли Глазьев (и изборцы) выиграть «битву за Путина» – так был поставлен вопрос в предшествующей главе.

Несмотря на пышные слова про необходимость «сосредоточиться», «совершить рывок», провести «новую индустриализацию», «стать мостом между Азией и Европой», поверить в это сегодня невозможно. Причин тому масса, и они порождены как очевидными особенностями российской экономики, так и спецификой российской власти.

Если говорить о больших вековых трендах, то два самых важных из них указывают на то, что время «рывков» для России закончилось. Экономика XXI века отличается от экономики первой половины XX (и тем более XIX) столетия угасанием индустриализма и изменением пространственной структуры.

Хэлфорд Макиндер

С. Ю. Глазьев

О чем мечтают наши консерваторы? О «новой индустриализации» – о том, чтобы Россия стала мощной страной, опирающейся на собственные силы. Перед ними примеры XIX – начала XX века: Германии, в 1870–1880-х годах опередившей Англию и ставшей крупнейшей экономикой Европы, Америки, предложившей принцип массового конвейерного производства и вышедшей в мировые лидеры в 1910-е годы, да и Советского Союза 1930-х годов, также ставшего мощной индустриальной державой (о социальной цене сталинского «скачка» не говорю). Но что объединяло эти страны?

Две черты: во-первых, в каждой из них за годы «прорыва» число промышленных рабочих выросло более чем вдвое (а иногда и втрое), во-вторых, они опирались на внутренние потребности (экспорт из США в 1900-е годы составлял всего лишь 5% ВВП). У нас сегодня есть миллионы людей, жаждущих пойти работать у станка? И куда пойдет эта промышленная продукция? Мир нашел ответ на оба вопроса: на первый он ответил технологическим прогрессом, инновационной экономикой и переносом промышленности в «третий мир», на второй – ростом экспорта и интернационализации каждой крупной хозяйственной системы.

Все успешные индустриализации второй половины XX века основывались на заимствованиях технологических новаций и росте промышленного экспорта. Но Россия хочет быть «особой», она окружена врагами, стремится к «импортозамещению». Эти рецепты обанкротились еще в Африке и Латинской Америке в 1970-е годы, и их повторение ничего не даст. Даже Китай строит свой успех на продажах своему «геополитическому сопернику», Америке, промышленных товаров на \$480 млрд в год. А Россия, за исключением нефти и газа, экспортировала в 2015 году меньше товаров, чем Дания. И где тут «новая индустриализация»?

Второй момент не менее важен. В XIX веке территория считалась важнейшей ценностью, а промышленные районы концентрировались «в глубине» великих держав. Рур и Ломбардия, Силезия и регион Великих озер, Поволжье и Урал – самые очевидные примеры. Хэлфорд Макиндер, любимый автор избороцев, называл Центральную Азию и внутреннюю Африку

«срединными землями», Heartland и подчеркивал: «Кто ими владеет, командует Мировым Островом, а кто контролирует Мировой Остров, тот командует миром». Однако прошло сто лет, и что мы видим? Центральная Азия и внутренняя Африка – регионы самой отчаянной бедности на Земле. Почему? Потому что за сто лет резко изменились технологии транспорта. Сегодня моря не разъединяют страны, а сближают их лучше любых автомобильных и железных дорог. В 2010 году 68% глобального валового продукта создавалось на территориях, отстоящих от морского побережья менее чем на 100 миль.

Но ведь Россия – это не просто континентальная держава, она стремится (если судить по бредовым дугинским идеям) стать «еще более континентальной». В планах российской власти – создание Евразийского союза, все об этом знают. Но задумываемся ли мы о том, кого собирает Россия вокруг себя и кто бежит от нее? Казахстан, Армения, Белоруссия и Киргизия – ни одна из этих стран не имеет выхода к океанам. В то же время государства Балтии, Украина, Грузия стремятся любыми мерами вырваться из нашей зоны влияния. В очередной раз «собирая земли» вокруг Москвы, мы «закапываемся» в Heartland, сегодня уже не имеющий ценности, – а изборцы все зовут нас «на Юг», требуют развития «нового Шелкового пути», возрождения Транссиба, порождая и утверждая все новые бессмысленные иллюзии, которые еще дорого обойдутся стране.

Эти два тренда означают, что «битва за Путина» не имеет ничего общего со «сражением за будущее». Последнее разворачивается сегодня не в цехах заводов и не на континентальных пространствах, а выглядит совсем иначе.

Экономика XXI века – это экономика «неисчерпаемого богатства» (of the unlimited wealth). Этот термин предложил в начале 1990-х в одноименной книге Пол Пилцер. В мире уже произошла технологическая революция, суть которой заключается не столько в важности инноваций, сколько в том, что ценностью является не массовый продукт, а его оригинал. Пример: можно продать во всем мире сотни миллионов копий программ от Microsoft, но это лишь копии – как оригинал, так и способность его совершенствовать остаются у компании-производителя. То же самое относится к лекарствам (которые

легко массово производить, но сложно создавать), к средствам мобильной связи, сложному промышленному оборудованию и т.д. Продавая копии, в отличие от продажи нефти, например, вы не теряете своей собственности, но получаете все больше денег. Именно на этом Запад «ушел в отрыв» от остального мира на рубеже столетий.

Сейчас включиться в цепочку создания стоимости можно двумя путями: либо стать «индустриальным придатком» развитого мира (как стали Корея и Китай по отношению к Японии и США или страны Центральной Европы по отношению к ЕС), либо поставлять на этот «праздник жизни» сырье. Мы пока рады последнему варианту, даже не пытаюсь подобраться к первому, и идея «опоры на собственные силы» в итоге и приведет к тому, что сырьевой экономикой мы и ограничимся.

Однако все это – некие общие рассуждения о том, какими являются шансы развивающейся (и деиндустриализированной) страны в мире XXI века. Но наши оппоненты прославились в последнее время не столько глобальными теоретическими построениями, сколько рецептами быстрого восстановления и развития российской экономики. Именно с ними они (в разных ипостасях: и как Изборский клуб, и как Столыпинский

Н. Д. Кондратьев

клуб, и как Московский экономический форум, а в последнее время и как претендующая на новое слово «Партия роста») постоянно лоббируют власти, обещая стране бурный рост, народу – благосостояние, а Кремлю – новые источники бюджетных поступлений.

Что, собственно, предлагают изборцы и их сторонники в «чистой» экономике (то есть такой, которая непосредственно не касается геополитических тем)?

Во-первых, они постоянно говорят о том, что России

нужно «оседлать новую технологическую волну». «Волны» эти они рассматривают, «развивая и совершенствуя» теорию русского экономиста Николая Кондратьева (как ни странно, расстрелянного при Сталине, другом кумире избороцев). Замечу: на Западе сейчас эта теория не пользуется большой популярностью, а если и вспоминается, то, как иллюстрирующая некоторые экономические процессы, а не объясняющая их. Глазьев, говоря о «новой волне» как об определяемой «биотехнологиями, основанными на достижениях геной инженерии; нанотехнологиями; системами искусственного интеллекта; глобальными информационными сетями и интегрированными высокоскоростными транспортными системами», требует «оседлать новую длинную волну экономического развития и вырваться из “сырьевой ловушки”». Однако эта рекомендация – не более чем благое пожелание, причем по трем причинам.

Хочется спросить: понимает ли путинский советник, что ни одна страна ранее не «перескакивала» с гребня на гребень, пропуская некоторые из волн? Или этот заслуженный серфингист искренне считает, что мы успешно освоили предшествующую волну, основными отраслями в которой он называет компьютерные и коммуникационные технологии (может быть, у него на столе стоит российский ноутбук, начиненный отечественным софтом)? Да, ряд стран прорывались из доиндустриального мира в постиндустриальный (примером могут служить Объединенные Арабские Эмираты), но ценой такого прорыва были колоссальные технологические заимствования и масштабный приток капитала извне (я не говорю об иностранной рабочей силе: в ОАЭ граждане страны составляют лишь 11% населения, остальные – гастарбайтеры). Да и, строго говоря, никакие новейшие технологии в таких странах не производят – их там используют. В России сегодня нет никаких признаков даже этого. Кроме того, как можно надеяться, например, на развитие геной инженерии в стране невиданной духовности, в которой действует одно из самых строгих в мире законодательств на этот счет? В мире давно уже клонируют человека, а мы все будем изучать в школе православные догматы, и наши «традиционные ценности» по-прежнему останутся важнейшим препятствием на пути новых технологий. Наконец, возникает вопрос: как

собираются изборцы «оседлать» высокоскоростные транспортные коридоры в стране, где нет ни одной современной междугородней автостреды (а новые дороги стоят в 3–4 раза дороже, чем в Европе), а скоростные поезда от Siemens пока «оседлали» разве что построенные в 1970-х годах рельсы, на которых они разгоняются максимум до половины скорости, на которую рассчитаны их двигатели? На все эти вопросы наши гуру упорно предпочитают не отвечать.

Во-вторых, Глазьев и изборцы постоянно повторяют мантру про государство и его роль в регулировании экономики. Им видится необходимость определения приоритетов, выделения ассигнований и дотаций, борьбы со «спекуляцией», упора на «реальное производство». Между тем нельзя не заметить, что все государственные проекты в России реализуются, скажем так, не лучшим образом. В свое время президент Дмитрий Медведев говорил о том, что на государственных закупках банально воруются до 1 трлн рублей в год, а ведь все организаторы и исполнители этих тендеров выглядят последовательными «государственниками», – и каков результат? Мы часто слышим о масштабных хищениях, например, в «Билайне» и МТС, «Полюс-Золоте» или X5 Retail Group? Или про обесценение половины принятых под обеспечение кредитов залогов в «Альфа-Банке»? А вот сообщения о непрекращающемся потоке уголовных дел, возбуждаемых по итогам проверок главного на сегодняшний день «государственного» проекта – строительства космодрома «Восточный», – приходят регулярно. Как и о неэффективности вложений «Газпрома» и РЖД. Да и ВЭБ – знаменитый кремлевский «институт развития» – оказался почему-то банкротом, и его сейчас спасают деньгами, которые государство взяло в долг (или, как выражаются власти, «заморозило») у будущих пенсионеров.

Да, государство может быть эффективным двигателем экономического роста, но в том случае, если власть стремится сделать экономику конкурентоспособной и получать затем налоги с этой эффективно функционирующей системы. В России же власти вообще не задумываются о последующем эффекте от своих «инвестиций», за исключением того, какая их часть и как быстро окажется в кармане чиновника. И пока власть в России

является не служением обществу, а видом прибыльного бизнеса, все разговоры о государстве как инструменте экономического роста останутся пустой болтовней.

В-третьих – и это своего рода *idée fixe* Глазьева и его сторонников, – нашей экономике нужно больше кредитов. В программе Столыпинского клуба прямо сказано о том, что нужно выделить «производственному сектору» около 20 трлн рублей кредитных средств, чтобы в нем «был запущен устойчивый рост» (само по себе это немного забавно, если вспомнить, каким сторонником жизни по средствам был Петр Аркадьевич, в чьи годы в силу существования золотого стандарта государство вообще не имело возможности «рисовать» деньги). Конечно, кредит – дело хорошее: он позволяет быстро расширить мощности и производить больше товаров. Однако остаются два вопроса. Первый – куда эти товары пойдут? Вот уже почти десять лет, как долларовые доходы наших граждан практически не растут, покупательная способность населения падает. Что и для кого будут производить предприятия на глазьевские кредиты? В Японии, например, в 1970-е годы Банк Японии и Министерство внешней торговли и промышленности выдавали подобные целевые ссуды с условием расширения присутствия японских компаний на мировых рынках. Можно ли представить себе, чтобы помощь АвтоВАЗу оказывалась по этому принципу? Если нет, то это значит, что государство должно не только дать компаниям денег на то, чтобы произвести товары, но и потом само их купить. Но купить оно может только на налоги, а собирать их, по сути, предлагается из средств, которые само оно сначала выделит. Не бред ли?

Второй вопрос: кто будет решать, кому из предприятий оказать помощь? И проблема тут, прежде всего, в неэкономической логике чиновников. Несколько лет назад тогдашний министр по развитию Дальнего Востока Виктор Ишаев сказал, отвечая на вопрос о выгоды строительства моста на Сахалин: «Нужна политическая воля... например, твердо сказать: мост на Сахалин будет. Неважно когда». И зачем, добавлю я. Деньги будут вкладываться в проекты и предприятия не на основе оценки их выгоды в будущем, а по прихоти чиновников. Пока в стране существует столь коррумпированная элита, как сегодня, «государственный» подход останется оправданием банального «распила».

И наконец, есть еще один важный момент. Вливать в экономику деньги можно тогда, когда в ней произошел временный сбой, но при этом сама экономика внутренне здорова: в ней есть конкуренция, борьба за потребителя, нормальный подбор кадров. В России всего этого нет, вместо этого мы имеем монополизированную, в чем-то похожую на советскую экономику. Вспомним самый масштабный проект экономического оздоровления страны с опорой на государственные деньги – «Новый курс» Франклина Рузвельта. За шесть лет в США правительство профинансировало более... 30 тысяч отдельных проектов: строительство мостов, школ, дамб, дорог, отдельных зданий. В каждом из случаев проекты порождали спрос на местные материалы и технику, а реализовывавшие их компании, стремясь получить подряд, экономили на всем. В России же за несколько последних лет из фондов национального благосостояния власть профинансировала... 11 проектов (не тысяч), а основными подрядчиками на бюджетных стройках выступают 3–4 компании. И даже если в экономику «вливать» огромные кредитные средства, они просто «перельются» через валютный рынок на офшорные счета, и этим и ограничится весь эффект от глазьевской политики (что, собственно, давно происходит,

В. И. Ишаев

если у простого музыканта, иногда общающегося с Путиным, в Панаме находят сотни миллионов долларов).

Однако наша задача – не столько усомниться в разумности экономических рецептов избороцев и их коллег, сколько попытаться понять, откуда «растут ноги» у столь примитивных концепций. На мой взгляд, причина тому состоит в стремлении наших «экономистов», «философов» и «гео-стратегов» (а также, разумеется, и большинства политиков) мыслить Россию в категориях

мировой державы, соперничающей с Соединенными Штатами и если и являющейся кому-то ровней, то только Америке. Но если Путин и может посоревноваться с Обамой в том, сколько авиаударов каждая из стран способна нанести по Сирии (Афганистану, Ираку, Ливии – нужное подчеркнуть), то уж в экономике ситуация выглядит совершенно иначе.

Фундаментальное отличие России от США (и во многом от Европы) состоит в том, что она не является страной, экономическая мощь которой и доверие к которой столь велики, что ее валюта является глобальным платежным средством. Почему так случилось? Есть много причин. Во-первых, наша экономика сейчас составляет около 1,3% от мировой, тогда как на США и ЕС приходится почти по 20% на каждую. Во-вторых, дефолтов в Америке не было более ста лет (про гениальные схемы обмена денег я вообще не говорю); в Европе ситуация похуже, но тоже не чета нашей. В-третьих, за доллары и евро во всем мире можно что-то купить (а в России, хотя Путин говорит об этом с 2003 года, нефть так и не продается за рубли, а для конвертируемости национальной валюты власти так ничего и не сделали). Поэтому основная российская проблема (по крайней мере та, из-за которой Глазьеву не на что рассчитывать с его измышлениями) состоит в том, что в нашей стране торговля и кредиты разделены на внутренние и внешние. Мы продаем за границу за доллары и берем там кредиты в долларах, тогда как в стране оперируем рублями (и налоги собираем в рублях). Поэтому, если напечатать много рублей, мы не станем богаче – курс рубля скорректируется, и все останется прежним. В Америке правительство, банки и компании рассчитываются в долларах, в том числе и с иностранцами,

Франклин Рузвельт

и кредитуются в долларах, то есть в той валюте, которую эмитируют сами. Поэтому если что-то пойдет не так, у правительства есть возможность расширить предложение денег, не наращивая инфляцию (избыток «поглотит» остальной мир, хотя бы через рост американского импорта). В России же на дополнительные рубли можно купить только один ликвидный товар – доллар, поэтому эмиссия как в прошлом, так и в будущем будет лишь дезорганизовывать нашу экономику.

Более того, Глазьев, Делягин, Леонтьев и другие изборцы и столыпинцы постоянно повторяют свою мантру о том, что Америка обанкротится, так как она набрала много долгов, а доллар «рухнет». Но с одной стороны, Америка может позволить иностранным инвесторам купить огромные активы на своей территории (в то время как мы «трясемся» над долями в госкомпаниях и над «стратегическими» месторождениями сырья), с другой стороны, даже если доллар пойдет вниз, это будет для Соединенных Штатов большим благом, так как американские товары будут лучше продаваться за границей и начнется рост «реального производства», устраняющий экономические дисбалансы.

Россия – не Америка, наша финансовая система глубоко «провинциальна» и вторична, как провинциальна и вторична наша экономика. Именно поэтому нельзя реализовывать в России «стратегию Глазьева», именно поэтому наше правительство не имеет простых путей для выхода из экономического кризиса.

Лев Толстой писал, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Нечто похожее можно сказать и о большинстве государств, по крайней мере в экономическом отношении.

Холодная война закончилась более четверти века тому назад. Те 70 лет, на протяжении которых Советский Союз «противостоял остальному миру» (как тщится сейчас изобразить путинская Россия), он выстраивал собственную хозяйственную модель – и не только выстраивал, но и распространял, и пропагандировал ее в разных частях планеты. Хорошо это или плохо, но факт остается фактом: эти десятилетия были, по сути, единственным периодом «экономической вариативности» в мировой истории (я не вспоминаю те времена, когда люди на разных континентах даже не знали о существовании друг друга).

Социалистическая плановая экономика, очевидно, представляла альтернативную реальность по отношению к капиталистической; более того, в «экономическом соревновании двух систем» она порой демонстрировала высокую эффективность. Однако происходило все это «на излете» эпохи индустриального общества, которое было идеально приспособлено для экспериментов с планированием в частности и «государственным управлением» экономикой в целом. В конце 1980-х, с развитием новых технологий, новых мотиваций и новых ценностей, ситуация изменилась. И результатом таких перемен стал одновременный крах двух величайших индустриальных экономик второй половины XX века – советской и японской.

Возможно, политическая история в начале XXI столетия и возобновилась, как считает, например, Роберт Кейган (да и российская политическая «элита» думает так же), но экономическая уж точно кончилась, и тут Фрэнсис Фукуяма, безусловно, прав. Она кончилась с историей Советского Союза и с плановыми экспериментами в Восточной Европе, Африке и Латинской Америке. Куба и Северная Корея еще продолжают по инерции жить в далеком прошлом, но они, пожалуй, не в счет.

«Конец истории» в экономике предполагает закрепление интеллектуального и технологического лидерства за странами-победителями в холодной войне. Они создали экономики, которые максимально используют творческие идеи и возможности свободных людей, а не опираются на МВД и СК как важнейшие элементы «приведения предпринимателей в чувство». Именно ориентируясь на сотрудничество с ними, развивающиеся страны могут превратиться в относительно развитые. Механизм развития

Фрэнсис Фукуяма

прост как никогда: заимствовать технологии, привлекать иностранный капитал, выходить на внешние рынки со своими товарами. При этом воспитывать собственных инженеров и рабочих, осваивать и дорабатывать заимствованные технологии, совершенствовать инфраструктуру, укреплять власть закона и уважать права собственности. И шаг за шагом брать один новый рубеж за другим. Сбоку взбираться на очередные технологические волны, а не стоять гордо с серпом и молотом на пути очередной, которая способна просто снести тебя прочь и помчаться дальше. И такое следование пусть и «скромной», «неамбициозной» в представлении изборцев стратегии позволяет многим странам и позволит еще большему их числу сделать своих граждан благополучными и успешными. Это и есть та «одинаковость», которая делает самые разные страны сопоставимо «счастливыми». Неоригинально, зато надежно.

Напротив, экономическая «особость» становится сейчас синонимом неудач. Нигде не проводилось больше экспериментов с «огосударствлением» экономики, чем в Африке и Латинской Америке. Однако история показывает, что ни один из них не кончился успешно. В 1955 году в Кении, тогда еще британской колонии, подушечные доходы жителей были почти вдвое выше, чем в только что вышедшей из жестокой войны Южной Кореи. Но потом Кения стала строить «африканский демократический социализм», а Южная Корея – либеральную экономику (хотя и при авторитарной власти), и сейчас рыночные показатели подушечного ВВП отличаются... всего-то в 20 раз. В середине 1970-х Венесуэла была одним из самых успешных латиноамериканских государств, но затем неоправдавшиеся надежды на нефтяные цены, а потом еще военная хунта и, наконец, чавизм как «высшая форма путинизма» – все это привело к тому, что с 1977 г. подушечной ВВП в стране с самыми большими в мире запасами нефти... снижается в реальном выражении. Такова высокая цена особенности в мире, где кончилась экономическая история. Оригинальность щекочет нервы, создает иллюзию величия, но успешности не приносит.

Понимает ли все это Путин? Я практически уверен, что не вполне. Скорее он постоянно видит примеры, подтверждающие все сказанное выше, но уверен, что они не отражают некие

системные процессы, а представляют скорее череду случайностей. В то же время в экономике Путин ведет себя намного рациональнее, чем в политике: по его действиям видно, что ему хочется и тут «поиграть без правил», но он постоянно спохватывается и не предпринимает резких шагов. Конечно, примеров экономического волюнтаризма в стране достаточно – можно вспомнить случаи разгрома успешных компаний (от ЮКОСа до «Домодедово»), огосударствления естественных монополий (в итоге Россия добывает сейчас столько же нефти и газа, как в 1990 г., тогда как Казахстан, где 60% добычи природных ресурсов контролируют иностранные компании, – в 3 раза больше), создания «институтов развития», которые сами не способны развиваться; и циклопические проекты, чья экономическая эффективность очевидно равна нулю. Однако в то же время российские власти стремятся не нарушать глобальных экономических правил – и даже не слишком хотят реализовывать, казалось бы, свои самые «патриотические» идеи типа продажи нефти и газа за рубли. Они готовы «расплеваться» с Турцией, но ищут согласия с нефтедобывающими странами. Они строят из себя предельно независимых от Запада, но боятся отключения от платежных систем (что, например, пережил, пусть сталкиваясь с серьезными проблемами, долгое время находившийся под санкциями Иран). Они «национализируют» элиты, но Россия пока как была, так и остается страной, большая часть «иностранных» инвестиций в которую приходит от «портфельных» компаний, созданных в офшорных юрисдикциях.

В чем причина? Я думаю, она двояка.

С одной стороны, Путин может и не понимать в полной мере, как устроен глобальный экономический порядок, но он осознает, что изменить его он не в состоянии. Это в ООН Россия обладает правом вето, а если кто позарится на ее богатства или суверенитет, тех можно припугнуть ядерным оружием. В экономике такого «ядерного оружия» у нас нет. Все наши валютные резервы – это приблизительно 10% среднесуточного оборота мировых валютных рынков: если продать их все «назлом дяде Сэму», рынки полихорадит, быть может, с неделей, но вряд ли дольше. Нефтяной и газовый кран мы не перекроем (не перекрыли ни Европе, ни, заметьте, даже ненавистой Турции),

потому что в таком случае первыми задохнемся сами. Поэтому менять «правила игры» в экономическом мире мы не можем: как ни ненавидят изборцы МВФ или ВТО, мы в них вступили и выходить вряд ли соберемся. Чтобы иметь иную позицию, надо сначала экономически вырасти, а в борьбе расти не получается. Так что тут очевидный замкнутый круг.

С другой стороны, Путин и его друзья живут если и не в «другой реальности», то в ином измерении. Формально президент имеет в собственности две старые «Волги», гараж, гаражное место и прицеп «Скиф»; но при этом десятки друзей этого бедного и честного человека стали долларовыми миллиардерами, не обладая никакими иными достоинствами, кроме истории общения с ним. Нет сомнения, это означает только одно: если «команда Путина» ориентирована на накопление состояний, сам он также не может быть к этому равнодушен. А если так, то ни экономическое разрушение страны «по мотивам творчества» изборцев, ни полный разрыв отношений с остальным миром, где, как раз за разом выясняется, и накапливаются (пусть даже записанные на подставных лиц) богатства наших «профессиональных патриотов», не являются пока его целью. И это означает, что изборцы все же обречены проиграть «битву за Путина».

Между тем Путин, в отличие от России, не вечен. Все власти-тели страны рано или поздно уходили, и нынешний ее лидер не станет исключением. Россия, напротив, имела долгую историю, которая не прекратится с уходом любого из ее правителей. Именно поэтому нет сегодня ничего важнее, чем пытаться понять, откуда у страны такое устойчивое желание не признавать правил, не видеть современных экономических реалий, не считаться с фактами, а жить в придуманном ее идеологами мире иллюзий (последнее не пришло с Путиным, а унаследовано от советской и имперской России).

На мой взгляд, это желание является оборотной стороной неуверенности в собственных силах. Не помню, кто именно из политиков сказал, что самыми успешными нациями являются те, что обладают самой короткой исторической памятью, но он был, на мой взгляд, прав. Если задачей стоит изменение настоящего, нельзя ориентироваться на прошлое, нельзя оправдываться цитатами из классиков или вспоминать о подвигах предков.

Надо думать о будущем и быть готовым жить и бороться в этих новых условиях. Проблема же изборцев заключается в том, что они вечно находят ориентиры в истории – которая, замечу, в России часто бывала такой, в которую никак не хотелось бы вернуться. Тем же, кто реально заботится о судьбах страны, а не своих умозрительных идей, нужно вглядываться в будущее, а не в прошлое; не изучать советский опыт и не оценивать мимику и жесты Путина в ходе его очередного выступления, а формировать реалистическую повестку дня для новой России – для страны, которая продолжит жить, даже когда Путин уйдет. И нужно быть уверенным, что у них все получится лучше, чем получается у нынешней политической верхушки.

ПОСЛЕ ПУТИНА
• Часть первая •
ИСТОРИЯ КАК СОЮЗНИК

Думаю, после всего сказанного едва ли нам с читателем есть смысл возвращаться к izborцам. И к Путину, честно говоря, тоже. Как выяснилось, мы с ними живем в разных измерениях реальности. В их реальности Россия – это каким-то образом «неправильно» расчлененная в 1991 году постимперская держава, которую любой ценой следует восстановить в ее прежнем статусе. Ошиблась, видите ли, история, и они хотят ее приговор оспорить. Реванша хотят, одним словом. А наша реальность – это деградирующая, мракобесная страна, и мы пытаемся ее спасти от окончательной деградации, которую обещает их спор с историей или, если хотите, с экономической постисторией (по Иноземцеву и Фукуяме).

ОНИ исходят из постулата одного из своих грандов Павла Святенкова, что «наша страна является лишь окровавленным обрубок СССР», МЫ – из постулата Георгия Федотова, что «потеря империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик». МЫ знаем, что точно так же, как Россия, расчленены были в XX веке и все западные империи – и ни одну из них не мучают фантомные боли, ни одна не добивается РЕВАНША. ОНИ отвечают устами Александра Проханова, что Запад нам не указ, ибо «когда мы говорим Россия, мы говорим империя». Нет у нас общего языка. Как у двух разных народов в одной стране.

Отличаются izborцы от Путина лишь тем, что они готовы воевать с Западом за утраченный имперский статус, а он не готов. И то лишь потому, что при нынешнем соотношении сил слишком это опасно для главного его приоритета, для цезаризма. Как бы то ни было, НАША цель прямо противоположна как войне с Западом, так и единоличной власти, каждая из которых, повторяю, чревата окончательной деградацией страны.

Вкратце состоит эта цель в том, чтобы ВОЗРОДИТЬ Россию после очередной диктатуры как великую культурную державу. А это будет очень, очень непросто.

Прежде всего потому, что нет единства в наших собственных рядах в главном. В том, что следует делать после Путина, чтобы революция 3.0, если хотите, оказалась, в отличие от Февраля 1917 и Августа 1991, НЕОБРАТИМОЙ. Как свидетельствует история, стандартного либерального набора, что у всех на устах (верховенство закона, разделение властей, честные выборы), для этого недостаточно. Все это оказалось обратимо, хуже – МИСТИФИЦИРУЕМО. Нужно, следовательно, что-то еще, чтобы прорвать этот словно бы заколдованный круг («реформы – контрреформы, революции – диктатуры»), затянувшийся в России на четыре столетия. Но что?

Вот как описывает этот круг Борис Акунин: «Догниет и рухнет авторитарный режим... К власти придут НАШИ. Что будет дальше? Наверное, НАШИ загонят под плинтус спецслужбистов и пересаживают неправедных судей с прокурорами... отберут нефть у “плохих” олигархов и передадут «хорошим». Введут люстрацию для слуг прежнего режима... Пристреляют клерикалов, Ет сетера. Извечные наши оппоненты на время попричихнут, будут копить обиды, как это сейчас делаем МЫ, и ждать своего часа. Обязательно дождутся... И все пойдет по-новой».

Это, конечно, пародия. Хотя бы потому, что, если судить по историческому опыту (Великой реформы 1860-х или революции 2.0 1990-х), вовсе не «попричихнут» ОНИ после крушения диктатуры. Напротив, тогда-то как раз и разгорится идейная война. И кончится она ИХ торжеством не потому, что ОНИ «копят обиды и ждут

П. В. Святенков

своего часа», а потому, что МЫ ее, эту идейную войну, ПРОИГ-РАЕМ. Фатализмом здесь и не пахнет. Но в принципе описывает исторический «заколдованный круг» акунинская пародия правильно: маятник. То МЫ наверху, то ОНИ.

Чего не хватает?

Годами ломал я себе голову, пытаюсь отыскать теоретическую конструкцию, которая минимизировала бы ИХ шансы обратить историю вспять, как удалось это Путину после Ельцина, чтобы «не пошло все по-новой». Постсоветский опыт восточноевропейских стран здесь явно не подходит. Ни одна из них не была в Новое время ни империей, ни тем более сверхдержавой. И следовательно, антиимперский, даже националистический пафос работал в них на либеральную революцию. В России все было наоборот. Либеральная революция означала в ней крушение традиционных представлений о величии страны, веками компенсировавших скудость повседневной жизни. Да и сама величина страны, не знающей себе равных по территориальному размаху, география то есть, работала на идею величия и, стало быть, на пропаганду РЕВАНША.

А. А. Проханов

Г. П. Федотов

Добавьте к этому историю, нещадно эксплуатировавшуюся той же пропагандой реванша. Россия ВСЕГДА была сверхцентрализованной авторитарной империей, противостоявшей либеральной Европе, – внушала она большинству. И словно затем, чтоб совсем уж дезориентировать это большинство, НАШИ, как ни странно, подыгрывали этой пропаганде (с обратным, конечно, знаком). Да, признавали они, Россия действительно всегда была «страной рабов, страной господ», и позади у нас, следовательно, одно беспросветное «тысячелетнее рабство». И не приходило почему-то в голову НАШИМ, что работают они, по сути, в тандеме с пропагандой реванша, лишая себя в России вековых исторических корней.

На такой вот теоретической площадке и приходилось мне обдумывать проблему необратимости послепутинской революции 3.0. И вот что из этого получилось. Для того чтобы не проиграть очередную идейную войну после очередной диктатуры, потребуются, помимо упомянутого стандартного либерального набора, конечно, еще три основных условия.

Во-первых, революция 3.0 не может ограничиться столицей. Стенной за нее должны стать регионы страны и в первую очередь Сибирь (см. главы 11 «Москва и Россия» и, что важнее, 16 «Сибирское благодеяние» и 17 «Поворот на Восток»).

Во-вторых, революция 3.0 должна вернуться к сорванной жестокой ошибке Ельцина в 1999 году «реконцептуализации традиционных представлений о величии и власти» (см. главы 1 «А счастье было так возможно...» и 8 «Четвертый сценарий»). Это условие включает, разумеется, и могущественный в годы горбачевской гласности союз либеральной власти и либерального телевидения – СВТ, – совершивший на протяжении одной пятилетки чудо, превратив советский народ в антисоветский (см. гл. 2 «Спор со скептиком»).

В-третьих, наконец, революция 3.0 должна сделать отечественную историю НАШИМ союзником, нейтрализовав, таким образом, антизападную пропаганду реваншистов и фундаменталистское мракобесие. Повторив, по сути, чудо СВТ в 1980-е и многократно его расширив.

На первый взгляд, это условие может показаться абстрактным. ОНИ, однако, на наших глазах сделали искажение истории

России вполне реальным – и эффективным – оружием в своей войне за деградацию страны. МЫ, с другой стороны, ничего, кроме иронии и негодования, ИМ не противопоставили.

Даже в светлой памяти годы гласности, когда все было возможно, глубоко не копали. Да, разоблачили большевистские мифы о «Великой Октябрьской», о гражданской войне, о коллективизации и ГУЛАГе, о сталинизме и терроре, обо всем, что, собственно, и историей еще не стало, были живые свидетели времени. Но глубже не пошли. Там, глубже, на страже стояла большевистская же мифология о «тысячелетнем рабстве», странным образом усвоенная, как я уже говорил, НАШИМИ.

И не догадались спросить, каким же образом явилось из этой непроглядной тьмы прошлого НАШЕ стремление к свободе? МЫ-то сами откуда? И о том не догадались – и по сию пор не догадываемся, – что сдаем козырного туза ИМ. Немедленно ведь объявили НАС «безродными», «примазавшимися» к истории великого народа, «агентами влияния» ИЗВЕЧНО враждебного России Запада, разрушителями Державы. И главное, не догадались МЫ, что «тысячелетнее рабство» – неправда.

Так вот, третье условие необратимости революции 3.0, я думаю, в том, чтобы НЕ ПОВТОРИТЬ ЭТУ РОКОВУЮ ОШИБКУ.

Прологомены

Нет слов, это легче сказать, чем сделать. Но потратив на изучение этой проблемы практически всю сознательную жизнь (см. мою итоговую трилогию **«Россия и Европа. 1462–1921»**), я не нахожу ее неразрешимой. Первоначальную версию ее решения предложил я еще в начале 1970-х в трехтомной самиздатской работе «История русской политической оппозиции» (из-за которой, собственно, и был выдворен из СССР). Потом, после многих непростых, как понимает читатель, перипетий, она была опубликована в академическом издательстве Калифорнийского университета под названием **«The Origins of Autocracy»**.

Четверть века назад вызвала она небольшую бурю в западной славистике, отклики на нее простирались от «эпохальной работы» (Рихард Лоуэнтал) до «памфлета» (Марк Раефф). Но для меня самыми важными были отзывы тогдашнего

патриарха славистики Сэмюэла Бэрона в **Slavic Review** «Янов по существу предложил новую повестку дня для исследователей эпохи Ивана III» и Айрин Келли в «**New York Review of Books**», поставившей мою работу в один ряд с философией истории Герцена.

Буря, конечно, утихла, но последователей моей «новой повестки дня» не нашлось, несмотря даже на рекомендацию Бэрона. Насколько я знаю, не нашлось их и четверть века спустя и в России. Очень уж шокирующей, чтоб не сказать еретической, выглядит эта повестка дня для сегодняшних «цеховых» историков. Удивительно ли, если речь, по сути, идет о новой парадигме русской истории? И главная ересь этой парадигмы в том, что, согласно ей, НАЧИНАЛАСЬ русская государственность как европейская, т.е. некрепостническая, несамодержавная, неимперская – и со свободой слова вдобавок. Мало того, что не «отатарилась» Русь после двух с лишним столетий (!) варварского ига, она и на Византийскую империю с ее деспотизмом и «премничеством» (см. Приложение 3) тоже никак не походила.

Головоломка

Никак, согласитесь, не укладывается этот вполне солидно документированный факт в большевистскую парадигму «тысячелетнего рабства», доминирующую как в западных, так и в постсоветских либеральных умах. И никак не превратить русскую историю в союзника НАШИХ, не разрушив эту старую парадигму. Вот перед какой головоломкой я оказался: как доказать, что парадигма эта действительно доминирует в либеральных умах, и в то же время ее **разрушить**? И все это в одной короткой главе? Вот что я придумал: попробую продемонстрировать ошибки в недавнем споре двух выдающихся умов, цвета, можно сказать, современной либеральной мысли, перебивая их аргументами в пользу СВОЕЙ новой парадигмы. А судьей пусть будет читатель.

Текст, который выбрал я для этого эксперимента («Разговор между беллетристом и писателем», опубликован был в журнале «Афиша» в 2013 году (т.е. еще до «Крымнаша»). Участники: замечательные русские умы Михаил Шишкин (впредь М.Ш.)

и Григорий Чхартишвили (Борис Акунин, впредь Г.Ч.). Я – курсив. Слово им.

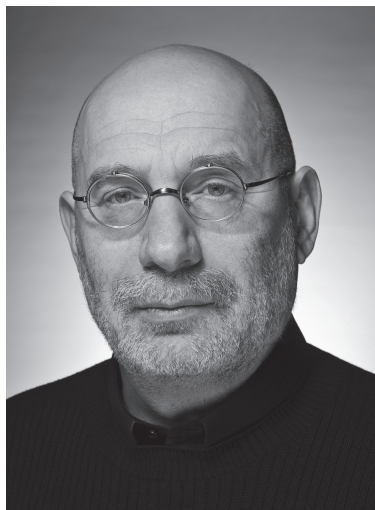
М.Ш.: Дано: Россия – прекрасная страна для подлецов или для героических борцов с подлостью. Для «нормальной» достойной жизни эта империя не предусмотрена. Вопрос вопросов: что делать сегодня, если с одной стороны, не хочешь становиться частью криминальной структуры... а с другой, не хочешь идти в революцию?

Г.Ч.: Отличный вопрос: «что делать?» Ответить на него гораздо труднее, чем на второй сакраментальный русский вопрос: «кто виноват?» Тут-то всем все ясно. НАМ – что виноват Путин. ИМ – что виноваты МЫ. На самом-то деле виновата, как мне кажется, раздвоенность отечества... В России живут бок о бок два отдельных, нисколько не похожих друг на друга народа, и народы эти с давних пор ненавидят друг друга... Есть МЫ и есть ОНИ. У нас свои герои: Чехов там, Мандельштам, Пастернак, Сахаров. У НИХ – свои: Иван Грозный, Сталин, Дзержинский, теперь вот Путин.

[Но] помимо НАС и ИХ есть просто люди, которые составляют большинство населения – и МЫ с НИМИ постоянно

М. П. Шишкин

Борис Акунин

пытаемся перетянуть это «ни рыба, ни мясо» на свою сторону, приобщить к своим ценностям. Вот что, по-твоему, делать с этой реальностью? Поубивать друг друга?

М.Ш.: Мне кажется, ты не совсем там проводишь границу. Большинство населения вовсе не между нами. Оно, увы, с НИМИ... Мину под русский ковчег заложил Петр. [Он] позвал с собой с Запада *Gastarbeiters*, а приехали люди. Они привезли с собой слова...

За несколько поколений слова эти сделали главную русскую революцию: превратили нацию в сиамских близнецов, тело одно, а головы больше не понимают друг друга... [Одна] голова не хочет жить при патриархальной диктатуре, требует себе свобод, прав и уважения собственного достоинства. У другой головы свой, все еще средневековый, образ мира: Святая Русь – это остров, окруженный океаном врагов, и только Отец в Кремле может спасти страну. Вот это МЫ и ОНИ.

Г.Ч.: У меня несколько иное впечатление от российского исторического процесса, и переломом я считаю не эпоху Петра, а эпоху Александра I, который отменил телесные наказания для дворянства и тем самым открыл ворота для развития ЧСД, чувства собственного достоинства.

Метафора про тело и две головы мне нравится, но только я не думаю, что тело ИМ внимает охотнее. Просто ОНИ исторически старше НАС. ОНИ были здесь всегда, сколько существует Россия. НАШИ на протяжении первого тысячелетия России светились редко, и голос их был слаб.

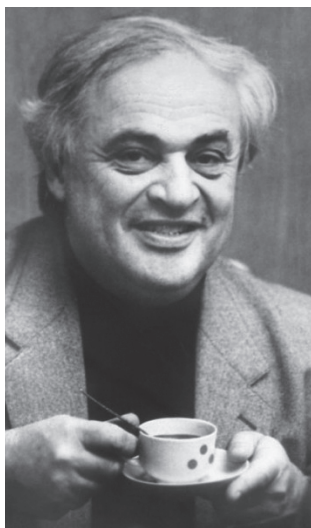
Три вопроса

Читатель уже заметил, я думаю, элементарную историческую ошибку. Указ о вольности дворянской издан был в 1762 году при Петре III, т.е. за четыре почти десятилетия до воцарения Александра I. Случайно ли читаем у Н. Я. Эйдельмана, что «для декабристов и Пушкина требовалось два-три «непоротых» дворянских поколения»? Но это школьная ошибка, поправить легко.

Сложнее с тем, кто старше на Руси, МЫ или ОНИ? Начнем с того, что треть своего исторического времени, с X по XIII век Россия была органической частью Европы, была в ней

СВОЕЙ. Этого и Акунин в первом томе «Истории государства Российского» не оспаривает. Следовательно, ни НАС, ни ИХ тогда еще не было. Хотя зачатки либерального акунинского ЧСД и в ту пору **протогосударственного** существования Руси были. Я имею в виду право «свободного отъезда» дружинников от князя в случае, если князь позволил себе деспотические замашки. «Отъехать» тогда от князя означало лишить его военной и, следовательно, политической силы. Во времена почти непрерывной междукняжеской войны это право служило дружинникам важнейшим, надежнее золотого, обеспечением их чувства собственного достоинства.

Так или иначе, теперь, когда мы выяснили, что ни первая треть существования России, ни Александр I отношения к нашей проблеме, т.е. к происхождению ее роковой двойственности, не имеют (если не считать «права отъезда» дружинников), fast forward к Петру с его Gastarbeiters. В свое время я задал читателям три фундаментальных вопроса, на которые не получил удовлетворительного ответа (впрочем, ответа на них не услышим мы ни от ГЧ, ни от МШ). Во-первых, что было с «русским ковчегом» ДО Петра?

Н. Я. Эйдельман

Заглянув в Приложение 1 «Так начиналась Россия», обнаруживаем, что была там изолированная от мира, деградирующая фундаменталистская Московия (она же Святая Русь) со «своим собственным русским богом, никому больше не принадлежавшим и неведомым», по словам В. О. Ключевского, и с подавляющим большинством населения, крестьянством – в крепостном ярме (см. подробнее в гл. 2 «Московия, век XVII» во втором томе трилогии). Бессмертная заслуга Петра, несмотря на «мину», в том, что он УНИЧТОЖИЛ эту черную дыру в русской истории, лишавшую страну будущего. Согласны?

Во-вторых, точно так же деградировала и соседняя с Россией Османская империя. И с самого начала XVIII века упорно пытались ее султаны, приглашая с Запада тучи гаспарбайтеров, повторить то, что одним, расколовшим страну ударом сделал с Россией Петр, т.е. заставил ее открыться миру, насильно повернув лицом к Европе. Но не получалось. Раз за разом соскальзывала Турция (а была она тогда евразийской империей) обратно, в ту самую нишу «больного человека Европы», которую занимала в XVII веке Московия (см. подробнее в гл. 5 «Турецкая Московия» во втором томе). И в XVIII веке не получилось, и в XIX. Почему?

Религия? Но судя по тому, с какой свирепостью расправлялось фундаменталистское духовенство Московии с раскольниками, а до них с нестяжателями, стояло оно за свои догматы ничуть не менее яростно, чем мусульманские муллы. Я не говорю уже, что султан был главой церкви, халифом, и власть его над муллами была абсолютной. И все-таки повторить подвиг Петра ни один из султанов не смог. Не помогли им гаспарбайтеры, хоть и привезли в Стамбул точно те же «слова», что сделали, по мнению МШ, «главную русскую революцию». В России сделали, а Турции почему-то – нет. Опять-таки почему?

Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года.
Акварель К. И. Кольмана.

Отсюда третий, и главный, вопрос: что же такое особенное было на Руси ДО Московии, т.е. между 1480-м, когда освободилась она от иноземного ига, и самодержавной революцией Ивана Грозного в 1560-е, той, которую Н. М. Карамзин уподобил второму татарскому нашествию? А было то самое некрепостническое, неимперское и несамодержавное Московское государство, о котором говорили мы в «Прологоменах». Государство, вполне открытое Европе и миру. И были в нем вполне видимые (кроме скрытых, латентных) гарантии от произвола власти. Был Юрьев день Ивана III для крестьян – закон, гарантировавший им свободу, и была аристократическая коллегия (Боярская дума), гарантировавшая, пусть с переменным успехом, свободу от тирании стране в целом.

Вот оно объяснение, почему Петру удался европейский поворот России, который не удался турецким султанам. Потому что у него было то, чего у них не было. Традиция ограничений произвола власти была. Не гастарбайтеров с их «словами» имею я в виду (этого добра и у султанов хватало), а европейскую традицию, истребленную почти под ноль опричниной, полузадушенную в Московии, но оказавшуюся, тем не менее, живой

Юрьев день. Художник С. В. Иванов

и неуничтожимой в России. Примерно так же, как столетия спустя, выжила либеральная интеллигенция. Выжила после большевистской «культурной революции», после мясорубки сталинского Большого террора и андроповского истребления диссидентов. Все равно не верите?

Отступление в прошлое

И еще была в том Московском государстве практически неограниченная свобода слова. Нестяжатели открыто отстаивали Юрьев день и беспощадно разоблачали наследницу Орды Церковь (см. Приложение 1 «Так начиналась Россия»). Предшественники московитских фундаменталистов «иосифляне» (по имени их лидера Иосифа Волоцкого, игумена Волоколамского монастыря) в свою очередь не менее открыто поносили власть, потворствовавшую нестяжателям.

Еще в 1889 году М. А. Дьяконов обратил внимание на то, что именно Иосифу принадлежал «революционный тезис о правомерности восстания против государственной власти», отступившей от своей главной задачи – защиты церкви. И выдвинул свой

Иосифо-Волоколамский монастырь

тезис Иосиф вовсе не в каком-то самиздатском манускрипте, а в публичном и широко распространявшемся сочинении. Как видим, была эта полемика очень даже всерьез. Тем более что «противоположность между заволжскими нестяжателями и иосифлянами, как заметил Г. П. Федотов, была поистине огромна, как в самом направлении духовной жизни, так и в социальных выводах».

Иосиф само собой объяснял эту противоположность без затей: еретики эти нестяжатели, жидовствующие, чародеи – и все, набрались западного духа, вот и подрывают святое святых православия (в которое в первых строках, разумеется, входило монастырское землевладение). Больше всего беспокоило Иосифа то, что давно уже вышла эта ересь за пределы церковного спора, на улицу вынесли его нестяжатели. И вот результат. «С того времени, как солнце православия воссияло в земле нашей, – писал он, – у нас никогда не бывало такой ереси. В домах, на дорогах, на рынке все – иноки и миряне – с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников христианства, с ними дружатся, учатся у них жидовству».

А. В. Карташев

А власть что же? На ее глазах подрывают основы, а она молчит? То, что Иосиф не мог объяснить это иначе, чем чародейством, понятно. Все-таки XV век, Средневековье. Но то, что никакого другого объяснения не находят поведению власти и в XX веке обескураженные историки церкви (все как один, конечно, на стороне Иосифа), уже, согласитесь, странно.

Сошлюсь лишь на крупнейшего из них Антона Владимировича Карташева. Казалось бы, член партии Народной свободы, министр Временного

правительства после Февраля, уж для него-то слово «либерал» не должно было служить синонимом слова «чародей». Но и он туда же. Чародея усмотрел в великом дьяке, министре иностранных дел Ивана III Федоре Курицине, которого, впрочем, как и все его коллеги, презрительно окрестил либералом. Но вот Карташев: «Станный либерализм Москвы проистекал от временной “диктатуры сердца” Ф. Курицина. Чарами его секретного салона увлекался сам великий князь и его невестка, вдова старшего сына Елена Стефановна. Лукавым прикрытием их свободомыслия служила идеалистическая проповедь свободной религиозной совести целой школы заволжских старцев [нестяжателей]». Гласность, стало быть, ничем, кроме «прикрытия», «чар» и «лукавства» объяснить не могут и современные апологеты фундаменталистского иосифлянства.

Для того я, собственно, это и пишу, чтобы убедить сегодняшних своих единомышленников, что никакого «тысячелетнего рабства» в прошлом России не было, что не я придумал «Европейское столетие России». Не верите мне, поверьте им, тем, кто никак уж не заинтересован в признании, что в XV–XVI веках, на самой заре российской государственности, перед нами была живая европейская страна – не только без крепостного рабства, но и с открытостью миру, и с гласностью. Более того, сейчас мы увидим, что была эта страна еще и способна к политическому развитию.

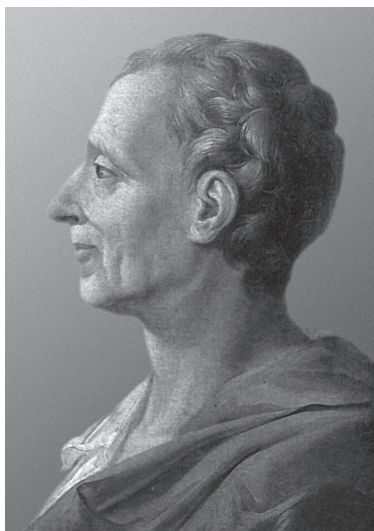
Свидетель – Монтескье

Если верен его классический афоризм, что «там, где нет аристократии, там нет и монархии. Там деспот», то в России, о которой я сейчас пишу, аристократия была. И не та, рабовладельческая, и, следовательно, полностью зависимая от власти, что возродилась после опричного погрома, но подлинная, т.е. способная реально ограничивать произвол власти.

«Да, не было политического законодательства, которое определяло бы границы верховной власти, – писал в **«Боярской думе»** В. О. Ключевский, – но был правительственный класс с аристократической организацией, которую признавала сама власть». «И она, эта Дума, – подтверждал С. Ф. Платонов, – была и правоохранительным, и правообразовательным

учреждением». «Конституционным, – добавлял Ключевский, – учреждением, но без конституционной Хартии». Так и нигде в тогдашней Европе, кроме Англии и Венгрии, не было у аристократии такой Хартии. Да и не могло ее быть: повсюду была абсолютная монархия, что, впрочем, никак не мешало аристократии реально ограничивать произвол власти. Я назвал в трилогии такие ограничения власти «латентными», т.е. точно такими же, как в Московском государстве. Но самое интересное начиналось дальше.

В 1550 году «правительство Примирия» во главе с Алексеем Адашевым добилось внесения в Судебник статьи 98, **юридически** запрещавшей царю издавать законы «без всех бояр приговору» (в трилогии назвал я эту статью с излишним, быть может, драматизмом московской Magna Carta). Это, впрочем, и впрямь был гигантский политический прорыв: конституционное учреждение – на Руси! – обрело *конституционную* Хартию. Больше всего впечатлило меня то, что и самый упертый из оппонентов Ключевского знаменитый правовед В. И. Сергеевич вынужден был сдаться: «Здесь перед нами действительно новость – царь неожиданно превращается в председателя

Шарль Луи де Монтескье

В. И. Сергеевич

боярской коллегии!» Созван был Земский собор. Кто знает, к чему могло бы привести это превращение Московского государства в конституционную монархию, не будь оно утоплено в крови внезапным государственным переворотом Ивана IV в 1560-м?

Мы не знаем – и никогда уже не узнаем – что произошло при дворе в это роковое десятилетие. Ясно лишь, что борьба между нестяжателями и иосифлянами, на равных входившими в «правительство Примирия», была жестокой.

Оно ведь и возникло-то на волне массового народного волнения в конце 1540-х, сильно испугавшего молодого царя. И мандат его был – примирить всех со всеми. Но не получилось. Борьба продолжалась и внутри правительства, и на Соборе. Сначала верх взяли нестяжатели. Свидетельство тому – Великая земская реформа 1550-х. Монастырское землевладение оказалось под смертельной угрозой. И иосифляне пошли ва-банк: подготовили переворот. Рассчитывали, видимо, что контрреформа спасет их земное богатство.

Отчасти они просчитались – вырастили монстра: церкви суждено было невиданное унижение. В этом смысле победа их оказалась пирровой: не пощадила их опричнина. Но в принципе расчет был верен, монастырские земли были спасены.

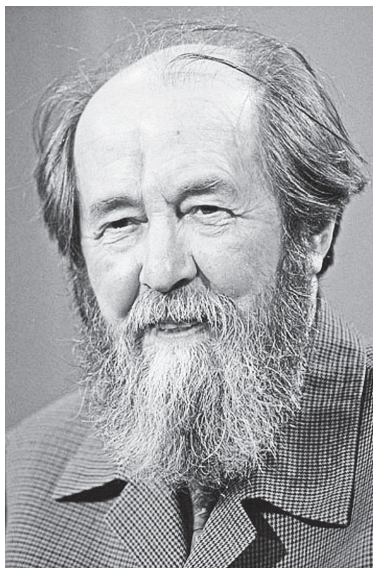

А. Ф. Адашев на памятнике
«1000-летие России»

Возвращаясь в сегодня

Что дают нам сегодня, однако, все эти средневековые перипетии? На первый взгляд, ничего. И это тотчас станет понятно, едва мы вернемся к диалогу наших современников.

М.Ш.: Терпеть? Опять терпеть?.. А если ты не хочешь терпеть и вымирать? Надеяться на чудо? Но ведь, с другой стороны,

А. И. Солженицын

чудеса случаются. Рецепт для русского чуда только один: доступ к свободной информации для всех.

Г.Ч.: Твой рецепт... просвещение и свобода информации. Я-то «за». Только сомневаюсь, что этого достаточно... А что, если не стремиться к окончательной победе над ними... Не попробовать ли НАМ... найти общий язык с НИМИ..?

Увы, на наших глазах Алексей Адашев, лидер «правительства Примирения», попробовал. Что получилось, мы видели. И ведь многократно все это усугубится, если в грядущей идейной войне после Путина начнут либералы

с признания Г.Ч. «МЫ стали только с пушкинских времен сколько-нибудь заметны в русской истории». То есть «ОНИ были здесь всегда, сколько существует Россия», а НАС, как евреев после разделов Польши, и два столетия назад еще не было. Что, спрашивается, помешает ИМ в таком случае представить НАС в глазах большинства «принесенной заморским ветром девиацией», по словам того же Г.Ч.? Объявить нас, как Солженицын евреев, пришельцами в ЧУЖОЙ стране, чье место в России на приставном стульчике? И какие шансы будут у НАС, если большинство ИМ (и Г.Ч.) поверит?

Я согласился бы с М.Ш., что рецепт русского чуда в просвещении, но лишь в случае, если б он согласился, что просвещение это включает не только то, что МЫ существуем на этой земле не меньше ИХ, но и то, что ОНИ – наследники иосифлян-закрепостителей Народа, а НАШИ предки-нестяжатели на протяжении четырех поколений, покуда хватило сил, сопротивлялись его закабалению. А также, что включает это просвещение и другие условия русского чуда, о которых в следующих главах.

ПОСЛЕ ПУТИНА
• Часть вторая •
СИБИРСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Другим условием НЕОБРАТИМОСТИ революции 3.0 после Путина назвал я в предыдущей главе безоговорочную ее поддержку регионами страны и в первую очередь гарантом экономической состоятельности России – Сибирью. Но, как и в случае с исторической ошибкой НАШИХ, это легче сказать, чем сделать. С какой, собственно, стати должны регионы быть в непримиримой идейной войне после Путина на стороне НАШИХ? И если историческую ошибку сравнительно просто исправить с помощью СВТ, то как быть с регионами, неясно. Все усугублялось тем, что знаком я с регионами только шапочно, в особенности с Сибирью (проработал там год в незапамятные времена после университета), а с экономической географией и вовсе не знаком.

В. М. Зубов

В. Л. Иноземцев

Можете теперь представить себе, как рад я был, когда Владислав Иноземцев прислал мне свою с покойным Валерием Зубовым (мир праху его!) книгу «Сибирское благословение», которая сразу поставила все на свои места. Я, правда, не во всем, как увидит читатель, с авторами согласен. И название книги звучит несколько романтично для академического труда, но в контексте, противопоставленное распространенному в западной литературе «сибирскому проклятию России», уместно даже это.

Первый спор

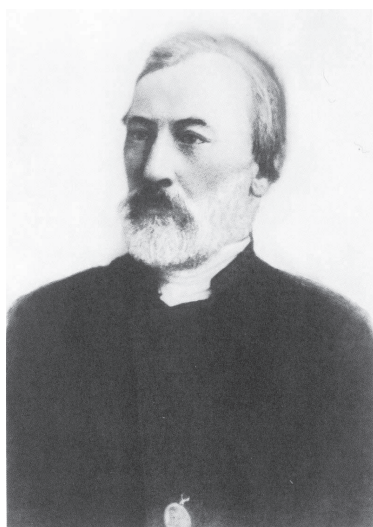
Нет, авторы ее, конечно, не первые, кому пришло в голову, что спасение России – Сибирь. Но, насколько я знаю, первые, кто разработал эту идею так тщательно, что сделал возможным свести ее к предельно простой формуле: «Так же, как в XVIII веке Сибирь создала Россию, может она и возродить ее после Путина в XXI». Уточню во избежание недоразумений, что ответственность за эту формулу несу я. Авторы предлагают все свои нововведения для «здесь и сейчас» и никак не связывают их с депутинизацией России. Несмотря даже на то, что не скрывают: «Следование нынешним курсом – это путь в тупик...» Страна практически исчезла с индустриальной и технологической карты мира.

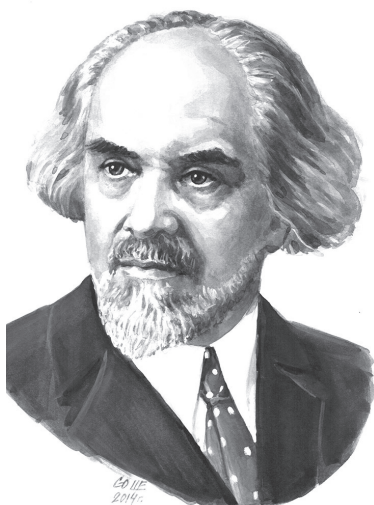
Покорение Сибири Ермаком. Художник В. И. Суриков

Да простят мне уважаемые авторы, но их вера в коренное изменение «пути в тупик» под руководством (в буквальном смысле «ручным управлением») Цезаря, загнавшего страну в этот тупик, представляется мне чем-то вроде веры в чудо. Я, во всяком случае, не знаю в прошлом России случая, чтобы, «исчезнув» с индустриальной и технологической карты мира, она вернулась на карту БЕЗ ПЕРЕМЕНЫ первого лица.

Разумеется, у авторов есть веские аргументы. Вот пример: «В новых условиях Сибирь, обеспечивающая большую часть экспорта и играющая ведущую роль в наполнении федерального бюджета, обретает естественное право... иметь голос при решении важнейших вопросов развития России». И еще: «На наш взгляд, именно “сибирская революция” может вывести Россию из тех экономических и политических “ловушек”, в которые попала страна». Ну, что тут возразить? Что не родился еще диктатор, который признал бы «естественное право» подведомственного ему народа на что бы то ни было и не рассматривал любую революцию как крамолу? Что ж, история нас рассудит. Тем более что ждать, похоже, осталось не очень долго.

К. Н. Леонтьев

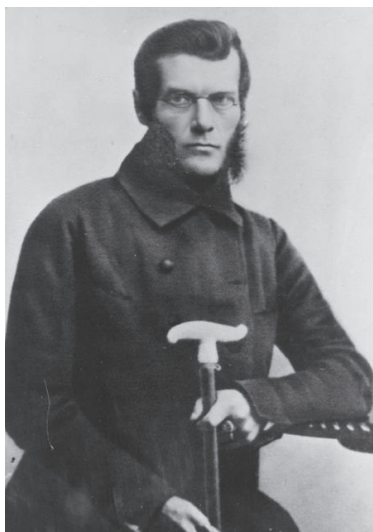

Н. А. Бердяев

Вопросы

Моя апелляция к истории, боюсь, породит массу вопросов. Начнем с самого элементарного. Скептик непременно спросит с затаенной насмешкой: «Позвольте, вы утверждаете, что в XVIII веке Сибирь создала Россию, но если так, где в таком случае была Россия ДО XVIII века?» Ответу: нигде. Территория от Смоленска до Урала называлась в XVII столетии Московией и была изгоем в европейской семье, в некотором смысле напоминающая страну, в которую превратил Россию цезаризм Путина.

В том конкретно смысле, что, будучи безнадежно отсталой (достаточно напомнить, что оракулом Московии в космографии в эпоху Ньютона, после Коперника, Кеплера и Галилея был Козьма Индикоплов, египетский монах VI века, полагавший землю четырехугольной), она в то же время считала себя, как заметил Василий Ключевский, «единственно правоверной в мире, свое понимание божества исключительно правильным, творца вселенной представляла своим русским богом, никому более не принадлежавшим и неведомым».

И. В. Киреевский

В. Г. Белинский

Впрочем, практически все серьезные русские мыслители XIX века, независимо от убеждений, Московию презирали. Константин Леонтьев находил в ней, КАК МЫ ПОМНИМ, лишь «бесцветность и пустоту», и самая светлая голова славянофильства, Иван Киреевский, вздыхая, признавал в пику своим единомышленникам, что пребывала Московия «в оцепенении духовной деятельности». Что и говорить о русских европейцах! Виссарион Белинский называл ее порядки «китаизмом», в удушливой атмосфере которого, как добавлял Николай Бердяев, «угасла даже святость».

Другой вопрос, каким образом полугерманское, живое и преуспевающее Московское государство Ивана III – докрепостническое, доимперское и досамодержавное – превратилось в снулую, самодовольную и тупиковую Московию? Это требует некоторой дискуссии. В первом томе трилогии, который я назвал **«Европейское столетие России. 1480–1560»**, предложена гипотеза, никем пока всерьез не оспоренная ни на Западе (американское его издание **The Origins of Autocracy** было, НАПОМНЮ, опубликовано ЕЩЕ в 1981-м), ни в России. Согласно моей гипотезе, причиной этой головокружительной метаморфозы была самодержавная революция и диктатура Ивана IV (1560–1583), сломавшая основы московской государственности, заложенные его дедом Иваном III, и дотла опустошившая страну.

Я понимаю, как трудно, почти невыносимо было бы поверить в возможность столь монументальной трансформации, когда б аналогичная метаморфоза не случалась с Россией ТРИЖДЫ! Я говорю, во-первых, о том, что в начале XVIII века посредством такого же катаклизма произошла в России **обратная трансформация** – из тупиковой Московии она снова превратилась в полугерманскую, то есть способную к развитию петровскую державу; во-вторых, о том, что еще два столетия спустя революция Октября 1917-го **опять превратила** ее в тупиковый и, подобно Московии, обреченный на деградацию СССР. Третью, не менее фундаментальную трансформацию пережила страна уже на наших глазах, когда рухнувшая Советская Империя снова превратилась в Россию.

Могут ли после этого быть сомнения в *цивилизационной неустойчивости* России, в ее способности к поистине

исполиским метаморфозам? В том, иначе говоря, что, и впрямь, способна она превращаться в совсем другую, совершенно непохожую на себя прежнюю страну: из развивающейся – в деградирующую, из тупиковой – в развивающуюся (это к тому, что предложенная Зубовым и Иноземцевым «сибирская революция» содержит в себе возможность и четвертой метаморфозы – после Путина).

Эта цивилизационная неустойчивость России есть, по-видимому, плата за изначальную ДВОЙСТВЕННОСТЬ ее политической культуры, подробно обоснованную в трилогии. На протяжении столетий североевропейское начало боролось в ней с византийско-евразийским. Побеждало то одно, то другое. Мыслящим современникам ее тупиковых эпох, русским европейцам, казалась она страной, проклятой Богом, безнадежной, обреченной на вырождение; мыслящим иностранцам – страной-хамелеоном. Историк XX века, имевший возможность обзреть эту причудливую историю во всей ее целостности, назвал ее **«испорченной Европой»** (см. Приложение 2 к первой книге «Зачем России Европа?»).

Просто потому, что столетия, пусть мучительно медленно, постепенно, но снимали византийско-евразийскую «порчу», и уже в XIX веке Россия была вполне европейской культурной

Иван III, Иван IV, Петр I

сверхдержавой. Не вмещайся Первая мировая война, куда по неизреченной своей глупости втянули ее правители, она, возможно, уже в XX веке «слилась бы с Европейским сообществом», как пророчил ей за столетие до этого Чаадаев (см. Приложение «Уроки Первой мировой» ко второй книге).

Но судьба рассудила иначе. Слишком много, как видно, еще оставалось «порчи» (и до сего дня хватило). Но в том, что «порча» эта агонизирует, сомнений у историка быть не может: она больше не в силах превратить Россию ни в новый СССР, ни тем более в новую Московию. Она способна лишь имитировать их. Путин, возможно, – предпоследнее, если не последнее, ее воплощение. Окажется ли он последним, зависит от нас. Именно для этого предназначено, по-моему «Сибирское благословение»...

Почему сибирское?

Мы знаем, что погубило полуевропейскую Россию начала XX века: ее гибель, как и торжество нацизма в Германии, была побочным продуктом величайшей в Новой истории геополитической катастрофы – Первой мировой войны. Но почему петровская трансформация тупиковой Московии в полуевропейскую Россию произошла именно в XVIII веке, мы пока не знаем. Это тем более интересно, что соседней Оттоманской империи, находившейся в XVII веке в аналогичной «москвитской» ситуации, то есть в состоянии безнадежной деградации, метаморфоза, подобная петровской в России, как мы уже знаем, не удалась – ни в XVIII веке, ни даже в XIX. И не потому, что она не пыталась. Отчаянно пыталась. Не меньше полудюжины султанов мечтали именно о такой метаморфозе, одного из них западные дипломаты успели даже окрестить турецким Петром. Но не получилось.

Впрочем, все это я подробно описал во втором томе трилогии. И там же задал себе, а потом и сегодняшним читателям, вопрос: почему у Петра получилось, а у «европейских» султанов – нет? Объяснение, конечно, само напрашивалось: то самое североевропейское начало, о котором мы говорили. То, благодаря чему она не «отатарилась» после двух столетий ига, более

того, оказалась способна создать полувосточное Московское государство, продержавшееся до самодержавной революции Грозного царя. Но почему все-таки Россия была создана именно в XVIII веке? Причина, почему это получилось тогда, очевидна. Называлась она – Сибирь.

Обратная трансформация

Ничего удивительного, что на протяжении всего XVII века люди бежали из Московии в Зауралье. По разным причинам. Но если в том же столетии из Англии в Америку бежали, главным образом, по причинам конфессиональным, то, хотя раскольников, убегавших из Московии от никонианства, тоже хватало, в Сибирь в основном бежали крестьяне от московитского крепостного ярма. Московия справиться с этим массо-

вым бегством не могла, предпочла двигаться по пятам беглецов, **присваивая** себе освоенные ими территории. Но вернуть их в крепостное ярмо не посмела. И отнять у них землю не посмела тоже. Так и осталась единственная часть страны, Сибирь, свободным от крепостного рабства крестьянским царством.

Как писал в 1882 году известный географ Николай Ядринцев, «Сибирь по происхождению продукт самостоятельного народного движения и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремления создать новую жизнь на новой земле... поэтому мы вправе считать Сибирь продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало».

США 1776 г. (13 штатов)

К 1700 году выяснилось, что Московия составляет не больше одной четвертой части **новой**, гигантской, самой большой в мире страны. И управлять ТАКОЙ страной снулая и деградировавшая метрополия не в силах. Вот тогда и явился Петр и, железной рукой разрушив отрезанную от мира Московию, круто развернул страну лицом к Европе с ее технологиями не только кораблестроения, но и управления государством. Он назвал эту новую страну государством Российским. Так Сибирь создала Россию.

Отсюда вывод авторов книги: «Подход, основанный на трактовке России как сложносоставной страны, позволяет нам рассматривать Сибирь не только как географическую, но как социальную и экономическую целостность, обладающую исторической идентичностью». А следствий из этого подхода – бездна.

«Бюджетный маневр»

Что, прежде всего, следует из факта (который, собственно, никто не оспаривает), что Сибирь создала Россию? Разве не то, что без Сибири не может быть России (не без Путина, как опрометчиво объявил на всю страну некий царедворец, ибо Путины приходят и уходят, а Россия остается), но именно без Сибири? И поэтому «любые элементы сепаратизма... в этой части страны могут стать для России смертельными». По этой причине, полагают авторы, «важнейший вопрос, который стоит перед Сибирью, заключается, на наш взгляд, в том, *следует ли ей продолжать нести тяжелые жертвы ради сохранения ее же эксплуатирующей системы?*» (курсив авторов «Сибирского благословения»). Вообще все цитаты, если это специально не оговорено, взяты из этой книги).

Вот тут и настигает авторов первый парадокс обсуждаемой ими темы. Он прост, как кирпич. Задать-то свой «важнейший вопрос» Сибирь может, но как на него ответить? При ближайшем рассмотрении оказывается, что набор ответов на него ничтожен. Фактически их всего два, причем один из них при существующем режиме неподъемен, другой неприемлем.

Да, Сибирь может отвергнуть «диктат Москвы», обрекающий ее на роль «амбара», пригодного лишь для хранения

необходимых для экспорта товаров, может объявить себя автономной от Москвы или даже отделиться, мгновенно «обесточив» Центральную Россию и превратив ее в третьестепенное государство. Но на практике это означало бы для Сибири не более чем смену диктатора. Ибо «масштабы ведущейся на Тихом океане политической и экономической игры способны охладить самые горячие головы, мечтающие о “сибирской автономии”». Освобождение от диктата Москвы означало бы автоматическое попадание под влияние, если не под власть Пекина».

Но если такой ответ на «важнейший вопрос» неприемлем, то что остается? Попытаться «перестроить всю внутреннюю структуру России»? На практике это, прежде всего, означало бы *«изменение характера бюджетных потоков в России»* (и здесь курсив авторов.) или, попросту говоря, перераспределение налогов. На протяжении веков это не получалось. Главным образом, по причинам опять-таки историческим. В отличие от США, такой же поселенческой колонии, в крестьянской Сибири с самого начала не сложилась собственная элита, способная постоять за себя. Московия «регламентировала» ее как отдаленную провинцию империи. Достаточно сказать, что первый университет в Сибири был основан (в 1878 году в Томске) на 242 года позже, чем в Бостоне. Так дальше и пошло. США отделились от метрополии, а Сибирь по-прежнему оставалась отдаленной провинцией империи, не мечтая о перераспределении налогов даже в брежневские годы, когда оказалась единственным гарантом экономической состоятельности России. Каковым, собственно, остается и по сей день.

Сейчас, однако, когда международная обстановка накалена до предела, глобальная экономическая конъюнктура существенно ухудшилась (скорее всего, надолго) и региональные бюджеты не вылезают из дефицита, настает, полагают авторы, «практически идеальный момент для перестройки всей внутренней структуры России». Имеется в виду, что формальный, имперский «федерализм», при котором Москва забирает себе львиную долю всех налогов, а потом посредством всякого рода бюджетных трансфертов, субсидий и дотаций распределяет их по субъектам «федерации», перестает работать.

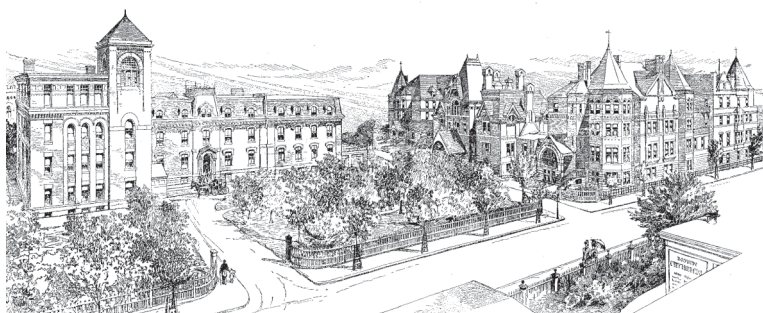
Хотя бы потому, что суммарные долги регионов достигли 2,3 трлн руб. (более 40% их ежегодных доходов) и из

21 территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов уже 20 (!) были по итогам 2015 года дотационными. А по мере того, как Москва все глубже увязает в воронке финансового кризиса, надежды на субсидии на глазах тускнеют. Получается второй парадокс: Сибирь как единый мегарегион выступает главным донором российской финансовой системы, а бюджеты субъектов, на которые он разделен, в хроническом дефиците.

Как выйти из этой, по сути, нелепой ситуации? В 2013 году, когда писалось «Сибирское благословение», авторы были настроены радикально. Вплоть до того, чтобы дать деньги Сибири даже за счет дефицита в Москве: «Мы убеждены, что масштабное перераспределение средств в пользу Сибири – это

Томский университет. 1878 г.

Гарвардский университет. 1636 г.

единственное средство обеспечить модернизацию всей России». Более того, «для придания импульса развития зауральской части России нужны дополнительные деньги, а европейской части – их дефицит». В 2016-м, однако, когда падение цен на нефть и санкции позаботились о дефиците в Москве, авторы несколько модифицировали свои предложения. Вкратце: так, чтобы и Москва была сыта, и регионы целы.

Достигается это, по их мнению, разделом основных для Сибири налогов НДС и НДС (в сумме 7,55 трлн рублей) на федеральную и региональную компоненты. Ст. 72 Конституции РФ не только позволяет, но и требует этого: «Вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами находятся в **совместном** ведении Российской Федерации и ее субъектов». В просторечии – «правило двух ключей». Это понятно: Конституция – то федеративная, и унитарная постимперская государственность, естественно, находится с ней в непримиримом противоречии.

Так или иначе, даже четверть НДС равнялась бы половине всех безвозмездных перечислений, которые Центр «даровал» в 2014 году субъектам региона Сибирь. Вторую половину *вместе с бюджетным дефицитом этих субъектов* покрывала бы региональная часть разделенного НДС. При этом нет никакой нужды тратить на Сибирь больше денег, чем сейчас. Меняется только источник наполнения региональных бюджетов: вместо непрозрачных субсидий и трансфертов Сибирь получает средства напрямую от разделенных НДС и НДС. Смысл этого разделения налогов не только в том, что оно заставило бы региональные власти искать любую возможность самостоятельно зарабатывать деньги, но и в том, что оно стало бы стимулом для привлечения новых инвестиций и, следовательно, для радикального улучшения инвестиционного климата. Короче, развязало бы местную предприимчивость и инициативу, которыми всегда славна была Сибирь. «Если не в Сибири, – спрашивают авторы, – то где должна зародиться частная инициатива и новый тип предпринимательства?»

А закрыть «дыру» в федеральном бюджете мог бы отказ от возврата НДС на экспортируемые товары, что «существенно

уменьшило бы коррупционные схемы, наиболее часто возникающие именно при администрировании возврата этого налога». (Замечу в скобках, что, как понимает читатель, я практически буквально следую здесь предложенному авторами «бюджетному маневру», но не разделяю их оптимизма, возвращаясь тем самым к нашему «первому спору».) Боюсь, что момент, когда даже Ленин подвергся уничтожающей критике за то, что настоял в свое время на самоуправлении регионов-республик, не очень подходит для требования отменить имперскую «федерацию», к чему, по сути, и сводится перераспределение налогов. Зато для России ПОСЛЕ Путина предложенный авторами маневр – не только замечательная находка, но, возможно, и решение ключевого вопроса о судьбе федеративной системы (вопроса, которым на свою беду до сих пор пренебрегает оппозиция).

Перестройка внутренней структуры России

Авторы, конечно, понимают, что она не может ограничиться лишь перераспределением налогов. Многое еще для этого нужно, начиная с отмены федеральных округов и восстановления выборов губернаторов. Институт «генерал-губернаторов», напрямую подчиняющихся Москве, имел бы смысл в хронически дотационных регионах, доставляющих ей серьезное беспокойство, допустим, на Северном Кавказе, неспособном пока опереться на собственные ресурсы. Казалось бы, именно голос всероссийского донора, не доставляющего Центру никакого беспокойства, должен быть слышен на федеральном уровне. Но его не слышно. Слышен – таков третий парадокс! – лишь голос главы самого дотационного из дотационных регионов, имеющего меньше всех права представлять Россию, Рамзана Кадырова.

Неудивительно, что за этим следует предложение реформировать и Совет Федерации, превратив его в полноценную верхнюю палату парламента. Так, чтобы его члены избирались на прямых выборах в регионе (с цензом не менее 10 лет непрерывного там проживания). В этом случае у людей была бы уверенность, что Сибирь представляют именно сибиряки, знающие проблемы своей земли и защищающие ее интересы. То же самое можно сказать, конечно, и о любом другом регионе страны. Но

Р. А. Кадыров

для регионального движения за «обновленную федерацию» нужен лидер, локомотив, если хотите. И кто больше подходит для этой роли, если не самый мощный из них – мегарегион Сибирь, не разделенный искусственно на Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа?

Деталей «сибирской идеи», предложенных авторами, – масса, в книге 200 страниц, в две коротенькие главы все не уместить. Но в целом у авторов нет сомнений, что во внутренней политике именно Сибирь, а не Рамзан Кадыров, неспособный предложить стра-

не ничего, кроме раскола на «наших» и «не наших», может и должна сыграть роль инициатора новой, современной России. Тем более что «не на Кавказе решается ее судьба, а в Сибири».

Для «оттепельного» правительства РФ ПОСЛЕ Путина это имеет первостепенное значение. Просто потому, что с самого начала оно будет иметь на своей стороне сильное региональное и в первую очередь сибирское лобби. Не менее, а, может, и более важен, однако, внешнеполитический аспект «сибирской революции».

«Поворот на Восток!»

Как закопошилась с этим кличем вся «патриотическая» рать! Прощай, Запад, с его надоевшими придирками по поводу прав человека или аннексии Крыма, – вот, что ей в нем послышалось. Китаю права человека до лампочки. И пусть аннексии Крыма он не признал (репутация дороже), пусть китайский МИД официально заявил, что ни о каком союзе с Россией, а тем более об антизападном блоке с ней не может быть и речи, но ведь и санкций

против России Китай не ввел. И отзвуки старого гимна «Сталин и Мао слушают нас» все еще звучат в «патриотических» сердцах. И пресса их вновь запестрела цитатами из знаменитого британского географа Хэлфорда Маккиндера, прозванного отцом геополитики, трактующими о том, что «сердце мира» (heartland) расположено именно в России. Оттого, мол, и придет к нам раньше или позже Китай, а вместе мы сила.

На самом деле все это просто вырвано из контекста. В 1904 году Маккиндер и впрямь говорил о том, что есть территории, неуязвимые для морской мощи тогдашней владычицы морей Британии, которые он и называл heartland. Одной такой территорией он считал Южную Сибирь и Среднюю Азию, другой – Центральную Африку. «Несмотря на разницу широт, у этих двух heartland, – писал Маккиндер, – есть поразительное сходство».

Сходство, повторяю, заключалось в невозможности атаковать их с моря. Это свидетельствует о ключевой роли России в мире, как толкуют ее «патриоты»? Тем более что в июле 1943 года тот же Маккиндер полностью ревизовал свое предсказание. Вот что он писал тогда в *Foreign Affairs*: «Земли Монсун в Индии и в Китае, населенные тысячами миллионов людей древней восточной цивилизации, достигнут процветания и сбалансируют другие географические регионы. И будет земной шар счастливым, поскольку сбалансирован и потому свободен». Так при чем здесь, спрашивается, Россия?

Важнее, однако, другое. Восток для России – это страны Тихоокеанского бассейна. И, как остроумно заметили авторы книги, «если посмотреть на глобус и не сбиваться с направления, то станет ясно, что “восточный вектор” ведет

Хэлфорд Маккиндер

использовать близость Запада, включая вестернизированные Японию, Южную Корею и Гонконг, для превращения региона Сибирь, который, повторяю, являет лицо России на Тихом океане, в **зону индустриального роста** (в чем, кстати, индустриальный Китай никак не заинтересован). Короче, совершенно неожиданные и многообещающие перспективы открывает «поворот на Восток» перед Сибирью. И следовательно, что для нас еще важнее, перед Россией. Но об этом в следующей главе.

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Мало сказать, что «поворот на Восток» сулит России большой сюрприз. Он сулит слом всего ее традиционного государственного мироощущения. На Западе на протяжении столетий Россия привыкла видеть себя гигантом, самой большой в Европе страной и вести себя по отношению к окружающим ее малым государствам соответственно – как генерал с нижними чинами. На Востоке, в Тихоокеанском бассейне, к которому она поворачивается, картина – как в перевернутом бинокле.

Здесь как раз Россия выглядит нижним, так сказать, чином, «политическим пигмеем», по выражению авторов книги. Какое уж там генеральство рядом не только с миллиардным Китаем, но и с 200-миллионной Индонезией! Да и с 128-миллионной Японией, согласитесь, не особенно погенеральствуешь. Тем более что «валовый продукт российских зауральских территорий... в 13,7 раз меньше японского и... ВВП всех субъектов Дальневосточного федерального округа, вместе взятых, не дотягивает до уровня Мьянмы, беднейшей страны Юго-Восточной Азии».

Словом, поворачивая на Восток, Россия оказывается совсем в другом мире. Все усугубляется тем, что за столетия ее правители глубоко внедрили в национальное сознание «генеральский» подход к соседям. Даже последний Кирюха (из чеховской «Степи») уверен, как мы помним, что «наша матушка Расея всему свету га-ла-ва». Грамоты не знает, а какую-нибудь Польшу в упор не видит, презирает. Разве не убедила в этом читателя глава 13 в первой книге «Русской идеи» («Патриотическая история»)? Как один человек поднялась страна в 1863 году, страстно негодуя против наглой претензии поляков отделиться от «матушки Расеи». Точно так же негодовали Кирюхи в 1953-м против восставших гедзеэровских немцев, в 1956-м – против бунтовавших венгров, а в 1968-м – против корректно возражавших чехов.

Еще в 1880-е по поводу массовой «генеральской» болезни горевал великий провидец Владимир Сергеевич Соловьев, писал:

«Россия больна, и недуг наш нравственный». Для современной ему петровской России – смертельный. Не услышали его тогда. И по сию пору не слышат. Несмотря даже на то, что пророчество его сбылось: и впрямь погубил этот недуг петровскую Россию.

Потому, надо полагать, не слышат, что уж очень удобен этот «соловьевский недуг» лидерам России: стоит им издать воинственный клич – и их рейтинги взлетают до небес. Так или иначе, лечить его никто из них и не собрался. Напротив, стараются, подбрасывают в огонь хворосту. Так, в мартовском номере «Россия в глобальной политике» глава МИД РФ Сергей Лавров публикует исторический очерк о величии России, не стесняясь ссылаться на Гумилева, и даже монгольское иго, оказывается, было благодатно для «формирования обновленного русского этноса». Хотя рядом приводит мнение Пушкина: «Христианское просвещение было спасено **истерзанной и издыхающей Русью**». Такое вот, оказывается, «обновление». Противоречие? Неважно: все – в копилку «величия».

Трудно передать, до какой степени некомфортно почувствует себя Россия в совершенно новой для нее роли, повернув на Восток. Нет сомнения, это создаст благодарную почву для лечения «соловьевского недуга» после Путина. Но не более чем почву. Элиты, конечно, быстро сообразят, что к чему. Сложнее будет с массами, чего, похоже, не учитывают авторы. Ведь массы могут и восстать против невыносимо унижительной, как они сочтут, для России роли в мире, еще пуще, чем против распада империи. И найдутся, не сомневайтесь, демагоги из числа рыцарей Русской идеи, национал-патриоты, что возглавят восстание против «поворота на Восток», а заодно и против главного его бенефициара – Сибири.

С. В. Лавров

И бог весть, к чему это восстание может привести, начиная с гражданской войны и кончая расколом страны. Несмотря даже на то, что, по меткому замечанию авторов, «представить себе Сибирь без России еще можно – при воспаленном воображении, – но представить себе Россию без Сибири не получится никак». По всем этим причинам лечение «соловьевского недуга» непременно потребует того, что м-р Ло, как помнит, надеюсь, читатель (см. главу «Четвертый сценарий»), назвал «реконцептуализацией идеи величия и власти». В переводе с академического – хорошо разработанной стратегии лечения, осторожной, терапевтической. Недуг-то застарелый, вековой, как мы еще увидим. Хирургия здесь не помощник. Впрочем, к этой ключевой теме мы еще вернемся в заключении главы.

Этот непривычный мир

А пока поговорим о драматической непохожести того мира, в который, поворачивая на Восток, попадет Россия, на тот, к которому она за столетия привыкла на Западе, и, главное, о том мировоззренческом перевороте в умах, которого он потребует. Этот мир уже тем не похож, что на Востоке «практически каждый партнер (Япония, Южная Корея, Филиппины, Индонезия, Малайзия, не говоря уже о Канаде или Австралии) обладает большим экономическим потенциалом, чем Россия, в сотрудничестве с Москвой особо не нуждается, и поставки российского сырья никак не могут определить поведение этих игроков». И это еще не все. «В регионе доминируют два гиганта – Соединенные Штаты и Китай, и на их фоне Россия выглядит экономическим карликом, обладающим к тому же минимальным потенциалом “мягкой силы”».

Для «патриотов» поворот на Восток, как мы уже говорили, означает побег из Европы в Азию, в объятия Китая. Но на самом деле поворачивается Россия к Тихоокеанскому бассейну, к США. Другими словами, «не туда, где наблюдается самый высокий рост на заимствованных технологиях, а к первоисточнику этих технологий... И это совершенно точно не Китай». Представьте себе ярость «патриотов», воодушевившихся было побегом России из Европы, когда до них дойдет смысл

центрального тезиса авторов, согласно которому «Сибири как колонии, навсегда оставшейся в составе России, следует *найти путь к примирению России с Европой* и с теми ее колониями, которые давно обрели независимость, но сохранили приверженность европейскому пути развития».

Или того хуже: «Именно тут, на берегу Тихого океана, русские должны обрести свою идентичность и понять, что на Восток от России лежит не Китай, а Соединенные Штаты, что Россия и Америка – это две производные Европы, а Запад соседствует с нами не только на атлантическом, но и на тихоокеанском берегу... Именно здесь русский человек ощущает себя, говоря словами Екатерины II, русским европейцем».

Честно сказать, я ошолбенел, когда прочитал это в книге, опубликованной в наши дни в путинской России. На мгновение – странная иллюзия! – мне показалось, что я нечаянно перепутал и читаю не книгу Зубова и Иноземцева, а свою. А в следующее мгновение вообразил я смятение в умах большинства, которое вызвал бы этот тезис авторитетных ученых, повторяйся он на публичных форумах, например на центральных каналах российского телевидения. И как хотите, не осталось у меня сомнений, что вера авторов в то, что это возможно при существующем режиме (снова возвращаюсь к нашему «первому спору»), граничит с фантастикой и даже не научной. Ведь нацелено в самое сердце путинской «национальной идеи».

Мало того, что никому на Тихом океане не интересны хронические путинские обиды и жалобы. Из-за того ли, что все бывшие союзники СССР при первой возможности, как крысы с корабля, сбежали в ЕС и в НАТО. Или из-за того, что коварное НАТО придвигает свою ПРО к границам России. Нет на Тихом океане ни бывших сателлитов России (разве что никому не нужная Северная Корея), ни ЕС, ни НАТО, ни ПРО. Все путинское нытье, все набившие на Западе оскомину мантры на Востоке попросту не сработают. Там, чтобы стать замеченной, потребуется от России положить на стол РЕАЛЬНЫЕ хозяйственные достижения, не мантры.

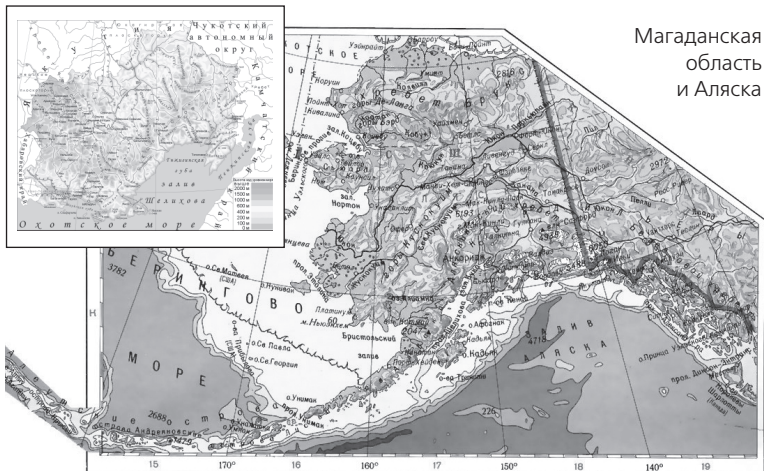
Вот один пример. 4 февраля 2016 года подписано соглашение о Тихоокеанском партнерстве (ТТП). Среди его членов и Австралия, и Вьетнам, и Сингапур, и Малайзия, и, конечно,

США и Канада, и еще шесть стран, представляющих в общей сложности 40% мирового ВВП. Мьянмой ТТП пренебрег. Россию тоже уговаривать не стали. По простой причине: амбиции, как у Америки, достижения, как у Мьянмы.

А реальные достижения России на Тихом океане возможны, в принципе, лишь при одном условии: если собрать Сибирь в единый территориально-производственный комплекс, в ударный кулак, объединив «природные ресурсы русского Севера (включая нефте- и газоносные провинции Западной Сибири), человеческий потенциал больших сибирских городов и логистические возможности восточных прибрежных территорий». Воссоздав, другими словами, единый мегарегион Сибирь. Ибо другого способа сделать Россию конкурентоспособной на Тихом океане НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Догнать Аляску!

С легкой руки Жириновского обуяла «патриотов» в России страсть «вернуть Аляску». Миф гласит, что этот алмаз Русского Севера был по дешевке предательски продан царем-освободителем пиндосам. И полтора столетия спустя настало, мол, для вставшей с колен России время исправить эту историческую

ошибку: отнять у зажавшихся пиндосов исконную русскую землю. Правда, помимо всех логистических сложностей, связанных с такой операцией, не пришел в «патриотические» головы даже самый простой вопрос: **зачем?** Зачем возвращать России эту преуспевающую Аляску? Чтобы превратить ее в еще один умирающий Магадан?

За последние четверть века население Магадана сократилось с 152 тысяч до 96, тогда как в Анкоридже, аналоге Магадана на Аляске, оно выросло с 226 тысяч до 298. И если порт Магадана принимает в год лишь 1,4 млн тонн грузов, то порт Анкориджа – 4,2 млн. И хотя железной дороги в Канаду на Аляске нет, пассажиропоток авиаперевозок превысил в 2015 году полтора миллиона (!) человек. Короче говоря, живая она, Аляска, а Магадан умирает. Все дело в том, что «патриоты» в России мыслят исключительно в терминах территорий, а на Аляске – живые люди. Предпочли бы они жить в Магадане?

И так во всем. Сравним число аэропортов на Аляске (не с Магаданом, конечно, там и сравнивать не с чем) с Дальневосточным федеральным округом, включающим все тихоокеанское побережье Сибири и даже гигантскую Якутию. Так вот, в ДФО на все про все – 91 аэропорт, а на Аляске их – 256. И еще 300 для местной авиации. И еще 3 000 взлетно-посадочных полос для частных самолетов.

А что такое аэропорты для этих титанических безлюдных пространств, где иные «субъекты федерации» превосходят по площади средние европейские государства, да и азиатские тоже (Япония с ее 380 тыс. кв. км – крошка рядом с Иркутской областью с 775 тыс. кв. км)? Аэропорты – это возможность общения с родными, это близость к культурным центрам, это доступность первоклассной медицины. «Появятся аэропорты, исчезнет ощущение заброшенности, возникнет мотив для молодежи оставаться в родных городах (за последние четверть века Сибирь покинуло около полумиллиона человек), а у жителей других частей страны – приезжать туда на заработки и на постоянное место жительства».

Как бы то ни было, если «повороту на Восток» не суждено остаться очередным бумажным проектом вроде никчемного тоннеля под Беринговым проливом или моста на Сахалин

(привычная гигантомания, совершенно неуместная для положения и места России в непривычном тихоокеанском мире, и здесь, как мы видим, не покидает «патриотические» сердца), догонять Аляску придется. И срочно.

Еще о международном опыте

Много чего еще Сибири как полномочному представителю России на Тихом океане придется заимствовать из мирового опыта, чтобы представлять ее там достойно. Понятно почему: именно в суровых сибирских условиях чувствительней, чем где бы то ни было, ощущается элементарная, в сущности, истина, что с развитыми странами нужно дружить, а не собачиться и что никакое импортозамещение не заменит международного опыта. Можно было бы опять все свести к простейшей формуле «поворот на Восток требует мира» – в обоих смыслах этого слова. И в первую очередь, мира именно с тем миром, где этот опыт создается.

С той же Канадой, допустим. В Торонто, например, создаются гигантские закрытые пространства, где человек может перемещаться между кондоминиумами, офисами, магазинами, ресторанами и кинотеатрами, не выходя зимой на улицу. Помимо тривиального удобства, это еще процентов на 30–60 сокращает затраты на теплоснабжение по сравнению с таким же объемом полезной площади, если бы все это находилось в отдельных помещениях.

Если города приходится строить за Полярным кругом, создаются подземные поселения, где намного проще поддерживать нормальную температуру, поскольку в 5–7 метрах под землей она значительно выше (минус 5–7 градусов по Цельсию), чем на поверхности (иногда доходит до минус 50 по Цельсию). Словом, как в брежневском СССР, «все для человека, все во имя человека», только не понарошку.

Но все-таки самый из всех упомянутых авторами чудотворный, не могу найти другого слова, пример того, что может сотворить международный опыт, это, конечно, постсоветская судьба Монголии. Небольшая страна (население три миллиона человек), зажатая между двумя гигантами, Россией и Китаем, народ с кочевой традицией (национальный герой – Чингисхан).

Климатические условия те же, что и в соседней Тувинской республике, депрессивнейшем из регионов Сибири. В советские времена Монголия вообще воспринималась как провинция СССР. Чего, казалось бы, можно было ожидать от такого захолустья? Но демократические преобразования, не наткнувшись, в отличие от России, на сопротивление «Русской идеи», пошли стремительно.

Главной при выборе пути заботой было избежать влияния как России, так и Китая, которое легко могло трансформироваться в политический диктат. Способ нашли простой: выбрали австралийскую модель развития, пригласили инвесторов из Канады, Австралии, Японии и Англии (ни китайцев, ни русских не приглашали), дали им режим наибольшего благоприятствования. Никаких государственных монополий. Нефти и газа в Монголии, конечно, нет, но есть медь, уголь. Технологии добычи новейшие. И на этом, по сути международном, опыте построили экономику. И пошло так успешно, что авторы говорят: «У нас под боком растут новые “Арабские Эмираты”». За одно десятилетие ВВП на душу населения вырос в шесть (!) раз.

О населении, которому предстоял жесточайший слом жизненного уклада, позаботились. На индивидуальный счет каждого гражданина поступает часть прибыли добывающих компаний (в 2012 году эта часть составила около 10% всех потребительских доходов каждой семьи). А от желающих инвестировать нет отбоя. Например, в крупнейшее в мире угольное месторождение Tavan Tolgoi в 2010 году было вложено \$4,7 млрд, а к 2013-му – уже \$10 млрд. В ближайшее время только за счет этого месторождения ВВП Монголии должен вырасти на 30%. Планируется, что к 2020 году добыча увеличится с сегодняшних 16 млн тонн до 40 млн, а в перспективе – до 240 млн тонн.

Для сравнения: Элегинское угольное месторождение в Туве, несмотря на дотации, так до сих пор и не сдвинулось с начальной стадии освоения. Никакие дотации не могут заменить ни инвестиционный климат, ни международный опыт. Все это – лишь новые и новые иллюстрации того, как жизненно важны для Сибири (и для России, поскольку именно ее этому мегарегиону суждено представлять на Тихом океане) отмена имперской «Федерации» и перераспределение налогов, о которых мы

подробно говорили в предыдущей главе. Без этого невозможно ни создание «монгольского» инвестиционного климата, ни эффективное использование международного опыта. Ни, следовательно, возрождение России как великой культурной державы.

Все тот же «соловьевский недуг»?

Так почему на протяжении веков и до сего дня все это было невозможно в России? Потому что, если верить моему наставнику Владимиру Сергеевичу Соловьеву, «Россия больна»? Странное, согласен, на первый взгляд, объяснение. Но мы говорим о великом провидце, о человеке, который за четверть века до Первой мировой войны, уничтожившей петровскую Россию, предсказал ее «самоуничтожение» (см. главу 7 «С печатью гения на челе» в первой книге). Одно это обязывает нас спросить, чем больна Россия, и прислушаться к его диагнозу.

Ответ Соловьева вкратце: больна она готовностью масс отказаться от человеческих условий жизни ради веры в фантом. Первые симптомы появились давно, еще в XVI веке при Иване IV, который совершенно официально (то есть в дипломатических

Екатерина II

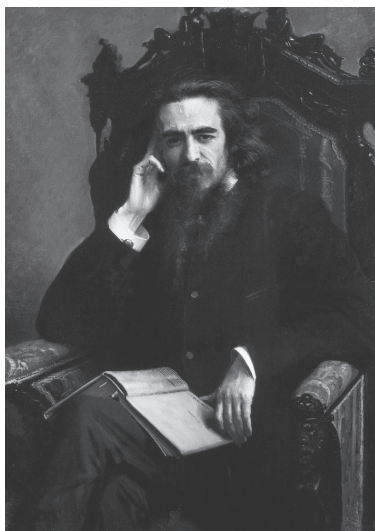
Н. И. Панин

документах) именовал себя прямым потомком Августа-кесаря, Римского императора, властелина мира (об этом подробно см. главу 8 «Первозпоха» в первом томе трилогии). Фантом тщательнейшим образом разрабатывался в фундаменталистской Московии с ее идеями «Русского бога» и «Третьего Рима».

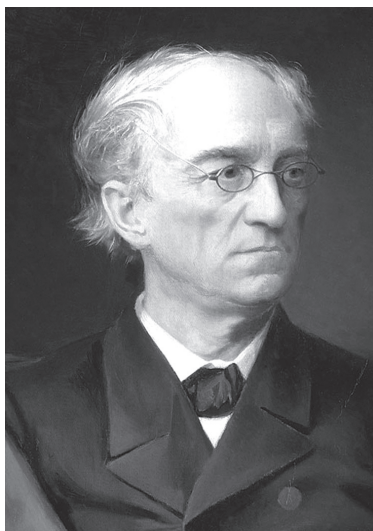
На время он угас в XVIII веке, когда Россия смиренной ученицей вернулась в Европу и, как писал руководитель ее внешней политики при Екатерине II, граф Никита Панин, «Петр, выводя народ свой из невежества, ставил уже за великое и то, чтобы уравнивать оный державам второго класса». Потом фантом возродился и достиг первого пика в середине XIX века при Николае I (второй пик был столетие спустя при Сталине), когда Россия беззастенчиво претендовала на мировое господство, и Тютчев писал:

Семь внутренних морей и семь великих рек,
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная –
Вот царство русское.

Многовековой, как видите, фантом. Не сразу докатился он до чеховского Кириухи (помните «наша матушка Расея всему свету га-ла-ва»?), сначала в него поверили элиты. Но элиты,

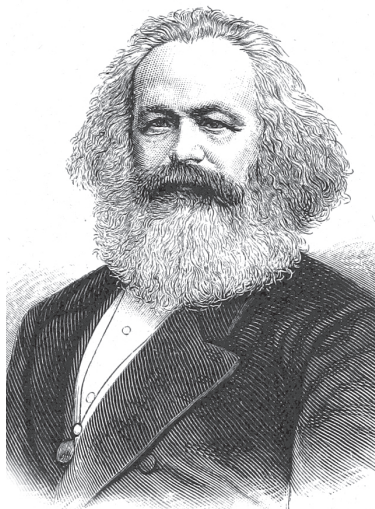
В. С. Соловьев

Ф. И. Тютчев

они гибкие: научил их Петр соизмерять амбиции с реальностью, на полтора столетия (до Николая) хватило урока. А массы, как московитские попы в XVII веке вбили им фантом в головы, так с ним и остались. Тем более что и в постниколаевскую эпоху, и особенно в сталинскую (не все еще забыли мощные кампании против «низкопоклонства перед иностранщиной», «безродных космополитов» и «убийц в белых халатах»), продолжали интенсивно вбивать: сначала попы, потом Агитпроп, потом снова попы на пару с Агитпропом. Так что закалилось.

Проследить происхождение фантома несложно: тот же гигантизм России в Европе (мы – самые-самые, самые большие, самые многочисленные, самые главные), то же доступное массам ложное тождество ВЕЛИЧИНЫ с ВЕЛИЧИЕМ. Способствовал фантому и ужас Европы перед Россией. «Великий перепуг» середины XIX века, связанный с попыткой Николая расчлнить Турцию, объединил там всех – от крайних консерваторов до крайних революционеров. Адольф Тьер, знаменитый историк и будущий президент Франции, откровенно паниковал: «Европа, простись со своей свободой, если Россия получит в свою власть эти проливы». Маркс, ненавидевший Тьера, тем не менее, ему вторил:

Карл Маркс

Адольф Тьер

«Если Россия овладеет Турцией, ее силы увеличатся вдвое, и она окажется сильнее всей Европы. Такой исход дела был бы неопи-
сываемым несчастьем для революции». Один переживал за судьбу
свободы, другой – революции, но чувствовали они одно и то же.
Все повторилось столетие спустя при Сталине. Фантом упивался
этим страхом. Он нужен ему, как кровь вурдалаку.

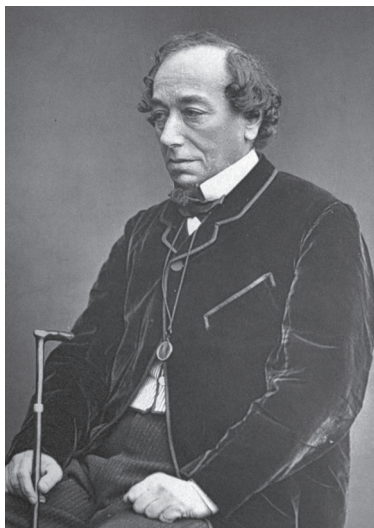
Трудно не заметить, однако, роковую слабость фантома: он
всецело ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ и связан исключительно с ролью
России на Западе. Тютчев, перечисляя великие реки грядущей
России, упоминает и Эльбу, и Дунай, и даже Нил и Евфрат, но
ни о Енисее, ни об Оби речи нет, хотя эти великие реки ни в чем
не уступают ни Эльбе, ни Евфрату, просто Сибирь ему и в голову
не пришла. Она *не присутствовала* в мышлении русского чело-
века. Роль России в мире от нее не зависела. Так был устроен
этот фантом – столетиями.

Что из этого следует, читатель, я уверен, уже догадался: «по-
ворот на Восток», решающим образом меняя роль и место России
в мире, смертелен для фантома. Авторы «Сибирского благосло-
вения» – экономисты, а не философы, «соловьевский недуг» – не
их cup of tea. Но интуитивно они его превосходно понимают.
И потому настоятельно подчеркивают, что «Сибирь, будучи глав-
ным бенефициаром поворота на Восток, должна будет сделать
все возможное для того, чтобы российская внешняя политика на
“восточном направлении” не повторяла ошибки, которые сделала
на западном». И это, пожалуй, – судьбоносная мысль книги.

Последний спор

Да, Сибирь может вылечить Россию не только от ее вековой
хозяйственной отсталости, как уверены авторы, но и от тяже-
лейшего недуга, в котором эта отсталость коренится. Я говорю,
вслед за Соловьевым, о готовности масс жертвовать человече-
скими условиями жизни, следуя за любым демагогом, пообещавшим
России, что мир будет трепетать перед ее могуществом.
Перед фантомом, иными словами.

При всем том, как я уже говорил в предыдущей главе, мне ка-
жется, что авторы недооценивают болезненность этого лечения,
степень смятения, которую посеет в умах внезапная перемена

Бенджамин Дизраэли

роли России в мире и слом векового мировоззренческого стереотипа. Человека, пробывшего долго на большой глубине, прежде чем выпустить на волю, выдерживают в какой-то барокамере, если не ошибаюсь, покуда не привыкнет к нормальному атмосферному давлению. Но ведь и с народами то же самое. Слишком уж долго болела Россия. Слишком долго жила при ненормальном «атмосферном давлении». Слишком сильна в ней реваншистская оппозиция.

Потому и представляется мне неосторожной рекомендация авторов: «Сибирь должна

научить Россию впервые за несколько сот лет играть в мировой политике не первые роли... отказаться от стереотипов имперскости во внешней политике, ставить экономические вопросы выше геополитических, учиться не собирать вокруг себя союзников, а самой вести себя в качестве младшего партнера». В принципе, все верно. Только сразу, боюсь, не получится. Слишком многих оттолкнет такой прямолинейный подход. Слишком многим покажется он невозможным унижением для России. Раздолье для демагогов.

Между тем в собственных материалах авторов содержатся факты, позволяющие выработать более нюансированный подход. Такой, что оставлял бы возможность для промежуточной стадии, чего-то вроде той же барокамеры для масс. Я назвал бы эту «барокамеру» **ролью балансира**. Вот в чем могла бы она состоять.

По оценке МВФ, пишут авторы, ВВП «западных» государств Тихоокеанского бассейна (от Канады и США через Центральную Америку к Австралии и Новой Зеландии) составлял по итогам 2015 года 47,2%. ВВП «азиатских» государств

(от Индонезии до Китая, включая даже вестернизированные Японию, Корею и Тайвань) – 48,7%. Практически поровну, но ни одна сторона не дотягивает до 50%. Остаток (3,5%) – Россия. Так вот же она, новая для нее роль.

Присмотритесь. Это же классическая роль гордого Альбиона, которую он играл на протяжении XVIII–XIX веков в Европе, – роль балансира, не допускающего доминирования на континенте ни одной из конкурирующих сторон. Отсюда и знаменитая фраза, кажется, Дизраэли, что у Англии нет союзников, только партнеры: сегодня Россия против Франции, завтра Франция против России.

Конечно, тогда речь шла не об экономическом, а о военном доминировании. Но разве меняется из-за этого суть дела? Вот смотрите, Россия, как до нее Англия, отказывается от роли «доминирующей стороны» (при 3,5% ВВП эта роль все равно не реальна), а взамен получает свободу рук и почетную роль балансира, благосклонности которого добиваются обе стороны. Ни грана унижения в этой роли не было бы, но и наполеоновского комплекса тоже.

Такой, по-моему, могла бы быть школа, которая, с одной стороны, постепенно излечивала бы Россию от «соловьевского недуга», а с другой – минимизировала силы реакции после Путина, нейтрализуя демагогов и создавая тем самым наиболее благоприятные условия для того, чтобы Путин и впрямь оказался ПОСЛЕДНИМ диктатором России.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЕВРОПЫ?

Каждый переживал brexit по-своему. У меня сначала, конечно, был, как у всех, шок. Но недоумение было уже свое, отдельное. Англия все-таки страна, где родилась Великая хартия вольностей, родина европейской свободы можно сказать. И надо же, чтобы именно она предпочла европейской солидарности забытую, казалось, грёзу о прошлом имперском величии («мы – не Европа, мы были владыками полумира»). Какова же должна быть мощь имперского национализма, если и годы спустя, когда остались от того величия одни воспоминания, все еще способен он, этот фантомный национализм, определять сегодняшнюю политику!

И тут же по ассоциации вспомнилось, что в России-то на наших глазах второе уже десятилетие происходит то же самое. Да, русская Хартия вольностей принята была не в 1215, как английская, а в 1550 году (см. Приложение 2). Разница в три с лишним столетия что-то значит. Не говоря уже о том, что английская Хартия положила начало всемирной эпопее борьбы с произволом власти, а русская – была утоплена в крови и, худшее из всего, что может случиться с историческим событием, забыта. На века. Но слишком далеко увлекли меня ассоциации. Мы все же не о несчастливой России сейчас, об Англии. И о brexit.

А он вызвал повальную панику на финансовых рынках (Dow Jones потерял 600 пунктов!) и, понятно, ликование пропутинской клаки в Москве. Там отнеслись к brexit с надеждой – на «эффект домино». По мнению Жириновского: «Англия – это начало, за ней развалится НАТО, Шенген и евро». Из той же оперы, представьте себе, Познер: «Выход Великобритании приведет к распаду ЕС, мечта о Соединенных штатах Европы похоронена». Борис Титов пошел дальше: «Это не только отделение Англии от ЕС, это отделение ЕС от США». Сергей Железняк обвинил «брюссельскую бюрократию». Константин Косачев тоже. В унисон со всем этим хором неожиданно прозвучал голос знаменитого советского диссидента Владимира Буковского:

«Евросоюз – огромная и безумно дорогая бюрократическая структура, напоминающая Советский Союз. Великобритания, наконец, это поняла и проголосовала за выход из ЕС, который обречен на распад». То-то приятно было бы путинской России увидеть себя Гулливером среди 28 «лилипутов» и куда легче стало бы ей справляться с каждым из них в отдельности, нежели с одним могучим Союзом.

Не в счет, оказывается, что на протяжении шести десятилетий Союз этот при всех его очевидных недостатках хранил мир на истерзанном братоубийственными войнами континенте. Войнами, которые, как мы знаем, были «безумно дороже», чем поддержание мира. И свободного, между прочим, мира, ценностного, «поствестфальского» (см. гл. «Ценности и интересы»). Не в «вестфальскую» же Россию устремились миллионы бездомных беженцев из разоренной войной Сирии. В «бюрократическую» Европу они устремились. И Европа приняла их – из со-чувствия, из со-жаления, из ЦЕННОСТЕЙ своих одним словом, хоть это и противоречит ее ИНТЕРЕСАМ.

Не в счет даже то, что бюрократический этот Союз в неправдоподобно короткий исторический срок поднял Европу из послевоенных руин, превратив ее в могущественную мировую державу – и, в отличие от СССР, не поработив свой народ, без ГУЛАГа. Впрочем, все это тривиальности, кто их не знает? Разве что пропутинская клака и примкнувший к ним Буковский, грезящие о распаде ЕС? И говорю я о них лишь потому, что грустно, грустно «гуртовое невежество», как называл это Чехов.

На самом деле неизмеримо больше всего этого совершил за свою короткую жизнь Европейский союз. Вот пример. Мне не рассказать, как делается политика в «вестфальском» мире лучше Бориса Акунина. Он писатель, ему слово: «Я прекрасно понимаю, что в геополитике действуют простые биологические законы: сильные кушают слабых, идет непрекращающийся естественный отбор; жизнестойкость наций и государств постоянно подвергается проверке на выживаемость. Мой либерализм не покушается на эти основы геополитической эволюции». Единственное, что мне здесь непонятно, это почему Акунин говорит об «эволюции». Я назвал это «международной анархией», показал, что так было ВСЕГДА и привел в доказательство

«...сильные кушают слабых, идет непрекращающийся естественный отбор...»

поговорку первобытного племени Нуэр: правда на кончике копья (см. опять же главу «Ценности и интересы»). Никакой, короче, эволюции.

Иногда можно услышать аргумент, что вестфальский «баланс сил» был некоей надгосударственной формой «разделения властей». Но Вестфальский договор лишь передал монополию на «веру» государственной власти, иначе говоря, легитимировал произвол власти. А «баланс сил» (или интересов) как раз и узаконил СИЛУ как универсальный регулятор отношений между государствами. Другими словами, войну. Отсюда международная анархия и «национальный эгоизм». Какое уж там разделение властей?

Другое дело, что просто ничего иного не смогли придумать, чтобы прекратить *Тридцатилетнюю* войну, превратившую Германию в пустыню, где люди буквально ели друг друга, как в Ленинградскую блокаду. Устали воевать. Правы здесь мои оппоненты в том смысле, что мусульманский мир и Вестфалья не добился – и воюет «за веру» до сих пор. «Естественный отбор», однако, продолжает работать и в вестфальском мире. Прочитирую по памяти остроумную метафору того же Акунина. Встречает волк в лесу аппетитную Красную Шапочку и спрашивает: «О чем толковать будем, дорогая, о дружественном слиянии или о рейдерском захвате?» Таков этот мир.

Так вот, именно на этот незыблемый, казалось, «естественный отбор», перед которым пасует даже либерализм Акунина,

как раз и покусился, как мы скоро увидим, ЕС. И преуспел. Упразднил его.

Так или иначе, мне, хоть я и не дока в делах современной Европы, видится совсем иной исход brexit. А именно превращение ЕС из экономического союза в Федерацию, в союз ПОЛИТИЧЕСКИЙ. И выход из него Англии, самого сильного противника Еврофедерации (даже на общую валюту не согласилась), открывает для этого неожиданные возможности. Более того, делает их, логически говоря, неминуемыми. При наличии, разумеется, политической воли его нынешних лидеров.

Вообще-то это старая моя мысль, что, оставаясь только экономическим союзом, и притом непоследовательным, отдающим фискальную политику в распоряжение государств-членов (что противоречит самому замыслу Союза), ЕС обречен не только на бесконечные финансовые кризисы, но и на стагнацию. Я высказал эту мысль довольно пространно в третьем томе трилогии «Россия и Европа. 1462–1921», опубликованной еще в первом десятилетии XXI века. Повторю вкратце свои тогдашние аргументы.

Преодолима ли международная анархия?

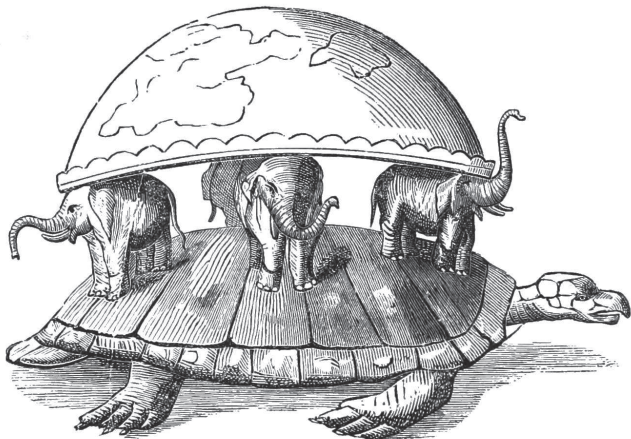
Конечно, рассматривал я мировую политику в трилогии под несколько иным углом зрения, и занимала меня тогда проблема, вынесенная в заголовок этого параграфа. Не нужно объяснять, я думаю, что международная анархия чревата войной, беременна, можно сказать, войной. И вообще война не более чем функция этой анархии. И покуда не устранена Причина, функция ВСЕГДА будет с нами. И сильный – всегда кушать слабого. Но мыслимо ли искоренить Причину? До Второй мировой и ядерной бомбы это как-то никому, кроме чудаков и философов, не приходило в голову (Акунину, как мы только что слышали, и сейчас не приходит). Политики смирились с международной анархией, воспринимали ее как данность. Устранить пытались функцию. Придумали даже, что спасти человечество в ядерном веке может лишь угроза взаимного уничтожения. Но и она ведь не дает абсолютной гарантии. Возможны ошибки. Возможно ядерное оружие в руках фанатика или безумца. А разоружение ядерное невозможно в «вестфальском» мире, где, согласно

Гансу Моргентау, царствуют «интересы, определяемые как сила» (см. все ту же главу «Ценности и интересы»). В ловушку 22 попало человечество.

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что оказался я одним из чудаков, которые задумались над искоренением *причины*, т.е. «вестфальского» мира с его международной анархией. Более того, истолковал то, что происходило в Европейском союзе как важнейший, возможно, решающий шаг к решению этой задачи. Отсюда концепция «двух Западов», где США отводилась роль Второго, так сказать, мира (бывшего «социалистического»), предназначенного быть вооруженным стражем грандиозного эксперимента, предпринимаемого на наших глазах Первым миром, Европой.

Смысл эксперимента был в следующем: выяснить, возможно ли Сообщество континентального масштаба – БЕЗ международной анархии? Такого, иначе говоря, где роль универсального регулятора отношений между государствами играла бы не СИЛА, как заведено с незапамятных времен и легитимировано в Вестфальском договоре 1648 года, а **ВЗАИМНОЕ ДОВЕРИЕ**?

Согласитесь, проект был амбициозный. Особенно имея в виду, что, в отличие от СССР, речь в нем не шла о воспитании нового человека, какого-нибудь Номо European, и в виду имелся самый драчливый континент в мире. Скажем сразу,

однако, что многие условия, необходимые для завершения проекта были столь умопомрачительно дерзки, а иные – при наличии в составе участников гордого Альбиона – и попросту невыполнимы. Например, Англия ни при каких обстоятельствах не согласилась бы отдать контроль над своим легендарным City Сообществу. И тем не менее, несколько десятилетий спустя оказалось, что проект, в принципе, удался. Главным образом благодаря тому, что национализм в странах-участницах был на время маргинализован до такой степени, что не смог помешать им отказаться от некоторых освященных временем и казавшихся незыблемыми основ миропорядка.

Выяснилось, что международная анархия покоится, как земля на древних картинках, на трех слонах. Первым из них был – и по сей день остается во Втором и Третьем мирах – СУВЕРЕНИТЕТ (невмешательство во внутренние дела государств), который предписано было Вестфальским договором беречь, как зеницу ока. В путинской России так и берегут, относясь к нему, как к сакральной гарантии безопасности (чья власть, того и вера). Так вот, ЕС от него отказался, рассудив, что достаточной гарантией безопасности является *взаимное доверие участников Сообщества, основанное на ОБЩИХ ЦЕННОСТЯХ*.

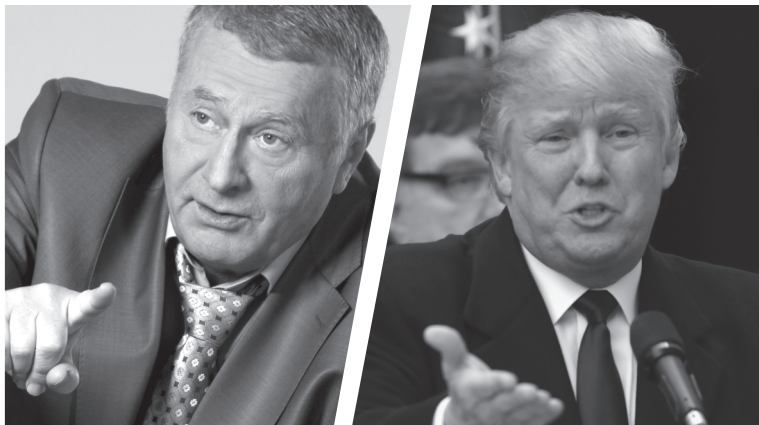
Вторым «слоном» было связанное с суверенитетом абсолютное верховенство национальных интересов. Этот догмат повторяется в «вестфальском» мире, как молитва. Для того, мол, и существует государство, чтобы охранять интересы своей нации. Ну, как же иначе, это ведь норма. Общепризнанная. И так уже въелась она в сознание поколений, что мало кому приходит в голову увидеть в ней нечто, в общем-то, не очень и приличное. А именно то, что еще в 1880-е Владимир Сергеевич Соловьев назвал «национальным эгоизмом» (см. гл. 7 «С печатью гения на челе» в первой книге). По его мнению, норма эта делала войну между великими державами за свои национальные интересы неминуемой. И прав ведь оказался старик!

Ну, как, в самом деле, отнеслись бы вы, читатель, к человеку, провозглашающему на каждом шагу, что его интересы превыше всего? Не разглядели бы вы за этим опасную двусмысленность, готовность пренебречь, если понадобится, интересами всех, кроме собственных? Недаром же никому в здравом уме, кроме

разве Жириновского или Трампа, и в голову не придет так говорить (в приличном, по крайней мере, обществе). А в отношениях между государствами производят то же самое не только без стеснения, но и с некоторой даже гордостью в самых респектабельных кругах. Хотя и не очень понятно, чем отличается национальный эгоизм от личного. Та же ведь в нем опасная двусмысленность, та же готовность пренебречь, если понадобится, интересами других.

Так ли иначе, нечего и думать о преодолении международной анархии, не отказавшись от этой вездесущей нормы. И ЕС, конечно, от нее отказался, ПОДЧИНИВ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЦЕННОСТЯМ СООБЩЕСТВА. В том-то и дело, что интересы у всех разные, а ценности, воплощенные в институтах, могут быть и общие.

Третий «слон» международной анархии – национальные границы, запертые «на замок». Его ЕС попросту отменил, СДЕЛАВ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СООБЩЕСТВА ПРОЗРАЧНЫМИ. И упразднив, таким образом, международную анархию в пределах одного континентального Сообщества. Для мировой политики это была, если хотите, революция, сопоставимая разве что с Великой хартией вольностей 1215 года, упразднившей произвол власти – в пределах одного государства (античная демократия была к тому времени давно забыта в варварской Европе,

«...никому в здравом уме, кроме разве Жириновского или Трампа...»

да и Англию ожидали еще и свирепая диктатура Генриха XVIII, и гражданская война, и «протекторат» Кромвеля. Но СПОСОБ преодоления произвола власти уже был в 1215-м найден!).

То же самое и с головокружительным опытом ЕС. Да, он нашел способ преодоления международной анархии, прорвался в принципиально новое измерение мировой политики, пересек, можно сказать, звуковой барьер средневековья, но... Но кто знает, сколько еще воды должно протечь под мостами прежде, чем станет его опыт применим в большом традиционном мире? Тем более, что наживаться этот опыт мог лишь под охраной ведущей державы того же традиционного мира. И все попытки ЕС стать на собственные ноги кончались до сих пор неудачей.

Неудача

Полвека должно было пройти прежде, чем ЕС решился на первую такую попытку. Только в марте 2002 года созван был европейский Конвент для выработки Конституции Европы. Но не получилось. То есть Конституцию выработали, но первый же ее проект был провален на референдумах во Франции и в Нидерландах. Недооценили силу национализма.

Попробовали снова. И второй проект, хоть и благополучно прошел на этот раз и во Франции, и в Нидерландах, провален был в июле 2008-го, кем бы думали? Ирландией. Механизма исключения из Союза тогда – как, впрочем, и по сей день – не существовало. Так крохотной Ирландии суждено было стать могильницей общеевропейской Конституции. Насмешкам из «вестфальского» лагеря не было конца. Особенно, конечно, в России. Как и сейчас, пророчили скорый распад ЕС. И хотя в Восточной Европе референдумы прошли «на ура», и танки в Ирландию ЕС не послал, все равно уподобляли его СССР (опять-таки, как сейчас) и уверяли, что он тоже «подавится Восточной Европой».

Как бы то ни было, пришлось ограничиться Кодексом *aquis communautaire*, фиксировавшим обязательные для членов Союза правила. Много чего в этом *aquis* было, за что жаждавшие свободы люди в менее счастливых местах отдали бы жизнь, быть может: и верховенство закона было, и разделение властей,

и независимый суд, и свободные выборы, и сменяемость власти, и все прочее из стандартного набора политических и экономических прав, положенных для свободного государства. Но главного – согласия на образование Федерации Европа или, если хотите, Соединенных штатов Европы – в *aquís* не было.

Не было, потому что один из столпов Союза, Великобритания, стояла стеной на пути федеративного государства. И в этом смысле *brexit* – шанс, который неожиданно подарила ЕС история. Но готовы ли сегодняшние его лидеры этим историческим шансом воспользоваться? Готовы ли к эпохальной структурной Перестройке, которая для этого потребуется? Или так уже они привыкли к своему уютному статусу экономического Сообщества (и сопровождающей его стагнации, в этом как раз оказался я, увы, прав в трилогии)? Вот же в чем действительный вызов, перчатка, которую бросил Европе *brexit*?

То, что лидеры ЕС до последней минуты цеплялись за уходящую из Союза Англию и готовы были на новые и новые уступки, чтобы ее удержать, свидетельствует о последнем. О том, что миссия сеять «разумное, доброе, вечное» в неохваченной до сих пор части континента подменила в их сознании стремление к федеративной государственности (тем более что от кандидатов нет отбоя!). И о том, что смирились они с презрительной

Отцы-основатели США

ключкой «брюссельской бюрократии», которой наградили их вестфальцы. И со стагнацией смирились. Это нехорошее предзнаменование. Надеяться можно лишь на то, что шок Brexit приведет их в чувство. Не могут же они, в самом деле, вести себя так, словно ничего не случилось!

Будем надеяться, шок поможет им понять, что «в одну упряжку впрячь не можно коня и трепетную лань». А тут ведь 27 «коней и трепетных ланей». 27 государств, имею я в виду, с разным историческим опытом, с разной степенью готовности жить вместе и доверять друг другу, с разной силы традицией национализма. Американским федералистам 1780-х, скажем прямо, было легче, хотя тоже не просто. Но все-таки имели они дело с 13 штатами с более или менее однородным населением и практически одинаковым историческим опытом. Но даже им, вспомним, пришлось мобилизовать первоклассные интеллектуальные силы и развернуть грандиозную кампанию в прессе, чтобы добиться Федерации.

Да, у европейских федералистов XXI века есть козырь. Все государства, стремящиеся жить в Союзе, одинаково одушевлены магической формулой, обещающей материальное благосостояние в условиях свободы и безопасности. И все же степень толерантности к головокружительно новому для них миру без международной анархии у всех разная. И кто из них «конь», а кто «трепетная лань» поначалу неясно. А федеративная государственность требует ясности и – что в этих обстоятельствах не менее важно – структуры. Без структуры она превращается в своего рода аморфную амёбу, все менее управляемую по мере ее расплзания. Как могла бы выглядеть такая Перестройка?

Возможная структура Еврофедерации

Спросим для начала самое очевидное: зачем Федерации парламент? Казалось бы, понятно: затем же, для чего он всем остальным, – законодательствовать, назначать (или утверждать) правительство. Есть у Европы парламент? Ассамблея с таким названием есть, но к парламенту в общепринятом смысле не имеет она даже отдаленного отношения. Американские федералисты не имели бы ни малейшего шанса добиться успеха,

предложи они Конгресс с рекомендательным голосом. Где разделение властей, спросили бы их, на котором основана Конституция (в нашем случае и.о. Конституции *aquis*), **обязательное** для каждого члена Федерации? Кто будет издавать законы? Кто будет уравнивать – и ограничивать – исполнительную власть? ЕС оставил эти решающие вопросы за скобками, лишив себя тем самым легитимности.

Понятно, с другой стороны, почему нельзя доверить назначать (или утверждать) правительство ЕС «парламенту», в котором на равных правах заседают и депутаты, желающие жить в федеративном государстве, и те, кто этого не желают (такое условие в *aquis*, как мы помним, не предусмотрено), и даже вообще посторонние лица, которые и *aquis* не признают (например, до недавних пор Россия)?

Значит что? Значит, Перестройку нужно начинать, как Горбачев, с новых парламентских выборов, на которых избирателям были бы предложены новый *aquis* (с включенным в него согласием – или несогласием – жить в федеративном государстве, а также на контроль Федерации над фискальной политикой государств-членов ЕС) и новая двухступенчатая парламентская Ассамблея. И решающий голос имели бы в ней ТОЛЬКО депутаты с федеративным и контрольным мандатом,

Первый съезд народных депутатов СССР. 1989 г.

остальные – совещательный. В этом случае ЕС получила бы полноценный федеративный парламент, которому можно было доверить и назначение правительства, и законодательство.

И – конец всем праздным пересудам о «брюссельской бюрократии». Еврофедерация идентифицировалась бы после новых «перестроечных» выборов не с бюрократией, но со всенародно избранным парламентом и назначенным им правительством. Произошло бы нечто вроде того, что я назвал «майским эффектом 1989 года», когда Первый съезд народных депутатов буквально перевернул страну, – гигантская социально-психологическая трансформация. Советский Союз вроде бы жил после нее еще два года, но Россия уже родилась. Страну как бы встряхнуло. Очень, мне кажется, нуждается в такой встряске ЕС – после *brexit*.

В поправках к *aquis* (а еще лучше в проекте новой Конституции Еврофедерации) должна быть указана императивность выхода из стагнации и нового экономического рывка, что видится в TTIS (Трансатлантический договор о свободной торговле), общей федеративной валюты (никаких фунтов стерлингов) и, конечно, теснейшего сотрудничества с НАТО.

Нет слов, не всем в Европе понравится воскрешение ЕС как Еврофедерации. Не всем даже и в самом ЕС. Что ж, вольному воля. ЕС не СССР, он не пошлет танки ни в мятежную Венгрию, ни в Чехию. Напротив, был бы рад освобождению от балласта. «Ирландский казус» 2008 года не должен повториться. И поэтому подготовке закона об исключении из Союза следовало бы стать одной из первых реформ нового парламента. Разумеется, вход обратно был бы всегда открыт, даже для Англии после *brexit*, но – на общих основаниях и на условиях Федерации.

Само собой, воскрешение ЕС потребовало бы отказа от пустой претензии, что Еврофедерация обязана представлять ВСЮ Европу (не из-за этой ли претензии приглашена была в Европейский парламент Россия, откровенно предпочитающая европейским свои «традиционные» ценности, среди которых и неограниченный суверенитет, и абсолютное превосходство национальных интересов, и вообще все, что отверг ЕС как наследие Средневековья?). Кто сказал, что число членов ЕС должно быть 27, а не, скажем, 19 или даже 13, с которых, между

прочим, начинались Соединенные Штаты Америки? В конечном счете их должно быть столько, сколько европейских стран хотят сегодня жить в Еврофедерации.

Я понимаю, что речь здесь всего лишь об одном не самом большом континенте с населением в полмиллиарда (меньше половины китайского). Но именно на нем произошла революция в мировой политике, открывшая способ искоренения международной анархии. Мира без войны, другими словами. В конце концов, аналогичная революция во внутригосударственной политике тоже произошла в 1215 году всего лишь на одном маленьком захолустном в ту пору острове.

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК РУССКИХ ЕВРОПЕЙЦЕВ?

Надо же было случиться такому совпадению! Пока я мучительно обдумывал, как завершить свою растянувшуюся на четыре книги тревожную повесть о Русской идее (или, если угодно, об исторической ловушке, в которую попало отечество полтора столетия назад), получил я практически в один день сразу два сюрприза. С одной стороны, пришел сборник статей авторов журнала **«Россия в глобальной политике»** с шокирующим заголовком «Новые правила для игры без правил», с другой – новая книжка **«Foreign Affairs»** с названием на обложке не менее соблазнительным «Putin's Russia». Совпадение, согласитесь, способное перечеркнуть все планы. Казалось, сама судьба подсказывает мне тему заключительной главы.

Какую? Хотя в американском журнале присутствует – и немало – российских авторов (Федор Лукьянов, он же редактор сборника, Дмитрий Тренин, Сергей Гуриев, Глеб Павловский, Мария Липман), все равно получился как бы Большой Диалог двух внешнеполитических экспертных сообществ (для краткости в.э.с.) – российского и американского. Так вот же она – тема!

Уместна ли, однако, она

в качестве завершения именно этой, четвертой, книги, посвященной, как знает читатель, своей собственной теме? Ведь все, что мы с читателем в этой книге делали, это искали возможность выхода из исторической ловушки, выясняли, другими словами, при каких условиях могла бы революция 3.0 после Путина стать, в отличие от обеих предшественниц, НЕОБРАТИМОЙ? О чем бы ни шла в ней речь, будь то о чуде возрождения общественного сознания во второй половине 1980-х (см. гл. «Спор со скептиком»), или о роковой ошибке Ельцина в августе 1999-го (см. гл. «А счастье было так возможно...»), или о несостоявшейся революции конца 2011 года (см. гл. «Мятеж или революция?»), или о планах Дугина (см. гл. «Консервативная

революция?») и избороцев (см. гл. «В гостях у избороцев»), да практически все посвящено было этому поиску. Итоги ему подведены были в главах 15–17 о союзниках грядущей революции: об истории (см. гл. «История как союзник») и о Сибири (см. гл. «Сибирское благословение» и «Поворот на Восток»). Так причем здесь, казалось бы, диалог двух в.э.с.? По какой причине сходу показался он мне удачным финалом книги?

По той же, думаю я задним числом, причине, по какой искал я будущих союзников в грядущей идейной войне после Пути-на в Сибири, например, и вообще в регионах (см. гл. «Москва и Россия»). Или в документальном телевидении (см. снова гл. «Спор со скептиком»). Или в истории. Понадобится нам в этой войне помощь обоих этих в.э.с. – западного и российско-го. И помощь эта может оказаться бесценной. Запад не должен повторить ошибку, которую он сделал в 1990–91 годах, ограничившись гуманитарной помощью. И зависит это в значительной степени от того, станет ли американское в.э.с. НАШИМ союзником. Сложнее с российским. И поскольку решать это придется читателю, несколько слов об этом сообществе.

В.Э.С. России

Сразу скажу, что речь о среде очень специфической. Много выпускников МГИМО. Люди, нашедшие свою нишу в путинском обществе между «подлецами» и «героическими борцами с подлостью» (в терминах спора М.Ш. и Г.Ч. из главы пятнадцатой). Собственно, в этих терминах таких людей вообще не должно было бы существовать в сегодняшней России. Но они существуют. Пусть и не в согласии с режимом, но и не в конфронтации с ним. В известном смысле они живое опровержение того противостояния НАС и ИХ, в котором мыслят М.Ш. и Г.Ч.

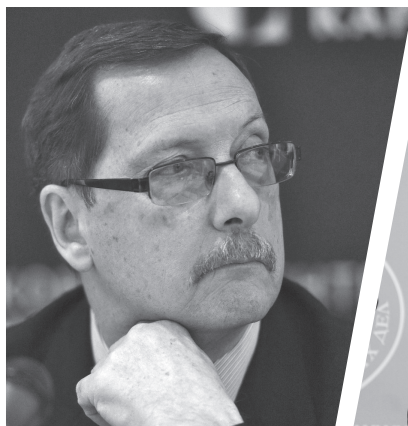
Все усугубляется тем, что среда эта неоднородна. И спектр ее широк: от либерала Алексея Арбатова до какой-нибудь Марии Захаровой, обслуживающей режим не только чистосердечно, но и с удовольствием. Но она, подозреваю, нерукопожатна, тогда как Арбатов – уважаемый член сообщества.

Многие исповедуют *real politic*, иные даже в плену Русской идеи. Но для большинства комфортабельна в нынешнее

безвременье позиция «над схваткой», всем сестрам, так сказать, по серьгам. Лукьянов, например, может сказать: «Масла в огонь страхов подливал Запад», но уже в следующем абзаце с симпатией процитировать Ивана Крастева: «Когда решено было закрыться, СССР построил Берлинскую стену. А теперь русские создали такую ситуацию, когда стену вокруг них хотят построить другие». Даже обличая Запад, иными словами, не могут скрыть презрение к «своим», к пропутинцам.

Еще две цитаты помогут нам понять двусмысленность их отношения к режиму. Вот что думает Арбатов о сегодняшней ситуации, сопоставляя 2015 с 2007. «В российском публичном дискурсе “империализм” утратил прежний негативный флер и все чаще используется с героическим пафосом. Исключительно позитивный смысл придается ядерному оружию и концепции ядерного сдерживания (негативный – сокращению ядерных вооружений), поиску военных баз за рубежом, соперничеству в торговле оружием, воспевается политика наращивания и демонстрации военной силы, обосновывается отказ от договоров... – все то, что раньше ставилось в вину “мировому империализму”».

И как же, словно спрашивает он, вяжется этот явно противный ему необузданный милитаристский угар с недвусмысленной декларацией Путина о европейском выборе России,

Алексей Арбатов

Мария Захарова

которая тоже полностью и беспощадно приводится для вящего контраста?

Вот же, что говорил всего восемь лет назад Путин: «Этот выбор был задан национальной историей России. По духу, культуре наша страна является неотъемлемой частью европейской цивилизации... Сегодня, выстраивая суверенное демократическое государство, мы в полной мере разделяем базовые ценности и принципы, которые составляют мироощущение большинства европейцев. Мы рассматриваем европейскую интеграцию как объективный процесс, являющийся составной частью нарождающегося миропорядка... это принципиальный выбор России». И куда это все так быстро подевалось? Откуда взялись милитаризованный «Евразийский выбор» и «русский мир», полностью всему этому противоречащие? Ищет и не находит в.э.с. ответа. Или не позволяет себе его найти?

Так или иначе, старательно отсекают они радикальную оппозицию – как слева, так и справа. И если Каспарову или Ходорковскому ходу в эту среду нет, то и Дугин с изборцами выглядели бы в ней монстрами. И хотя вроде бы стойко отстаивают они позицию путинской России в диалоге с американской стороной, изначальная двусмысленность пронизывает ее по-прежнему.

Само собою, развернуть диалог в одной главе невозможно: в сборнике 400 страниц, да и в *Foreign Affairs* 200. Можно попытаться донести до читателя лишь дух этого диалога, если хотите. Как и в главе пятнадцатой, я буду присутствовать в нем как курсив, дополню, где надо. Российскую сторону обозначу без затей «Р», американскую – «А». А теперь к диалогу.

Диалог

«Р»: Биполярная эра давно кончилась. Но кончилась и однополярная, американская, которую США попытались использовать после крушения СССР для установления своей гегемонии в мире. Как Россия, так и Америка одинаково ищут свое место в новом многополярном мире. Но США считают себя единственной сверхдержавой и пытаются держать Россию в подчиненном положении как несостоявшуюся региональную державу, не давая занять подобающее ей место в мире.

«А»: Стоп. Ошибка. Америка не ищет нового места в мире. Волею судеб она осталась после крушения СССР единственным гарантом мирового порядка, и ее это место пока устраивает. Да и Россия занимает подобающее ей с ее 1,5% мирового ВВП место (66-я в мире по доходу на душу населения – после Маврикия и Суринама, ни один из которых, сколько я знаю, на сравнение с США не претендует). Так не корректнее ли было бы сравнивать Россию, скажем, с Португалией, как, собственно, и делал Путин в начале своего правления (тем более что и по сей день Португалию по доходу на душу так и не догнали)? А уж с Америкой сравнивать Россию и вовсе некорректно, все-таки ее экономическая мощь не составляет и 1/15 американской.

Россия имеет полное право претендовать на роль региональной державы в северной Евразии, если страны региона с этим согласны. И если роль эту не уведет у нее из-под носа Китай, который тоже ведь деятельно строит свою «Большую Евразию»: от Южно-Китайского моря через Центральную Азию к Европе. Но нам нет дела до ее разборок с Китаем. Единственное, против чего мы возражаем, это против попытки России добиться роли региональной державы СИЛОЙ. Расчленяя, например, для этого Украину.

«Р»: Но никакого мирового порядка после окончания «холодной войны» не существует. Вроде бы понятно, кто выиграл, кто проиграл, но формально проигравших нет, победители считают сложившуюся ситуацию новым порядком, а юридически он не закреплён. Поэтому, возвращая себе в 2014 году Крым, Москва всего лишь ответила на временную ревизию того порядка, который Запад пытается выдать за перманентный. Предпринимая действия на Украине и в Сирии, Москва просто сделала ясным свое намерение вернуть себе статус крупного международного игрока.

На это сторона «А» даже не сочла нужным ответить. Придется мне. Я мог бы сказать так: *Софистика, друзья мои, попали пальцем в небо. Ибо чей-чей, а уж Украины-то статус закреплён был после окончания холодной войны СТРОГО ЮРИДИЧЕСКИ. Закреплён в Большом российско-украинском договоре 1997 года. В договоре, согласно которому в обмен на передачу России советского ядерного оружия неприкосновенность ее границ была*

гарантирована США и Россией. Без американской подписи Украина не отдала бы оружие. Так что, «возвращая себе в 2014 Крым», перечеркнул Путин не только подпись России, ее слово чести под международным договором, но и поставил в дурацкое положение первого гаранта Договора, Америку. Все равно, что развернулся через двойную линию на шоссе и при этом еще сбил встречную машину.

Я мог бы это сказать, если бы не заподозрил что-то неладное в ответе стороны «Р». Слишком уж неуклюже защищают официальные адвокаты ее позицию. В самом деле, о Большом договоре 1997 года знают они не хуже меня. И не хуже меня понимают, что после него Украина для России всего лишь соседняя страна и вмешиваться в ее внутренние дела, Майдан ли там происходит или анти-Майдан, не имеет права никто. И в первую очередь Россия, юридически гарантировавшая ее независимость и нерушимость ее границ. Так зачем же высококлассные интеллектуалы сознательно полезли в эту ловушку, способную лишь окончательно скомпрометировать их сторону в диалоге?

Подозрение усугубилось, когда речь зашла о Сирии. Цель этой операции была официально заявлена Россией так: борьба

С. А. Марков

Башар Асад

с международным терроризмом (ИГИЛ) и защита законно избранного президента Асада (пусть даже «избранность» его, мягко говоря, сомнительна). А как объясняют ее официальные адвокаты? Я понимаю самого глупого из путинских пропагандистов Сергея Маркова, когда он простодушно, как Иванушка-дурачок, признается: «Сирию затеяли потому, что возвращаемся к статусу великой державы. Что происходит в мировой бензоколонке на Ближнем Востоке – это главная проблема человечества. Если Вы этим не занимаетесь, вы не великая держава. Статус великой державы забирают силой. Мы сейчас это делаем. Мы, русские, не можем существовать без статуса великой державы. Поэтому, если вы против статуса великой державы, вы – пятая колонна». Понимаю я, однако, и то, что наши интеллектуалы не могут позволить себе столь откровенной вульгарности. Они объясняют, как мы помним, культурно: «Предпринимая действия на Украине и в Сирии, Россия всего лишь делает ясным свое намерение вернуть себе статус крупного международного игрока». Но смысл ведь тот же, марковский. Опять подвели начальство?

Так как же объяснить это совпадение, безнадежно компрометирующее официально заявленные цели России в Сирии? Неужели прав Дугин, настаивая, что, кроме пятой, либеральной колонны, есть еще куда более опасная для режима шестая, вроде бы оправдывающая его, но на самом деле предающая его, готовая изменить ему при первом удобном случае (см. гл. «Консервативная революция?»)? Нет, я не думаю, что в.э.с. России при каких бы то ни было условиях вступит в конфронтацию с режимом «здесь и сейчас». Слишком дорожит оно своей драгоценной нишей между «подлецами» и «героическими борцами с подлостью». Другое дело ПОСЛЕ Путина. А это ведь главное, что нас сейчас интересует.

Пора, однако, возвращаться к диалогу.

Зачем России «буферная зона»?

«Р»: Нет никаких водных или горных преград, отделяющих Россию от Европы, и ее равнинный ландшафт облегчает иностранные нашествия (для справки: нашествий таких с Запада

было за последние три столетия (!) ровным счетом три, даже если считать вторжение Карла XII в Украину в 1709 году). Поэтому руководство России всегда строило стратегию, исходя из принципа «стратегической глубины» – чем больше расстояние между границей и столицами, тем безопасней. Для того и нужна России «буферная зона». При Александре I (и до конца Российской империи) роль эту исполняли Польша и Финляндия, при Сталине – вся Восточная Европа. Сейчас Россия чувствует себя голой.

Сторона «А» с этим согласилась. И зря. Хотя бы потому, что Путин совершенно очевидно рассматривает в качестве «буферной зоны» Украину. И в российском дискурсе, оправдывающем ее расчленение, распространен принцип «стратегической глубины» широко. Особенно в Генеральном штабе.

У меня как у историка сомнение вызывает, однако, сама применимость к современной России принципа «стратегической глубины» (и вытекающая из него необходимость «буферной зоны»). Прежде всего, разумеется, из-за географии. Россия – самая большая страна в Европе, и доступность Москвы для интервентов несоизмерима с доступностью столицы любой другой европейской страны. Будь Москва так же близка к границе, как, скажем, Париж к Рейну, СССР капитулировал бы уже в первые месяцы 1941 года. И вторжение Наполеона в Россию тоже могло закончиться совсем не так, как оно закончилось, если бы Москва располагалась в районе Смоленска. Короче, «стратегической глубины» у России больше, чем у любой другой страны в Европе. И «буферная зона» нужна ей меньше, чем кому бы то ни было. Тем более странно, что именно она на такую зону претендует.

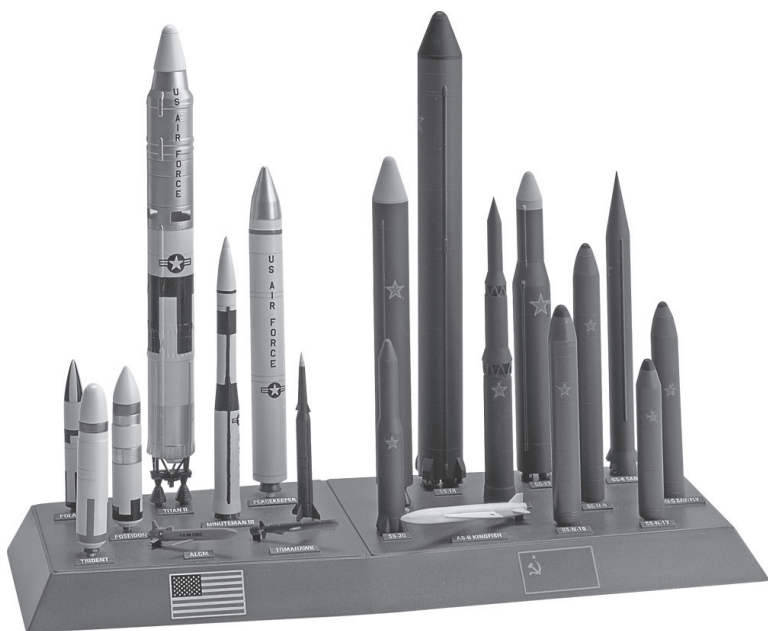
Похоже, что на самом деле служит эта претензия лишь прикрытием совсем другой доктрины, известной как «оборонительная экспансия». Я цитировал генерала А. П. Куропаткина, подсчитавшего, что 90% войн, которые вела Россия в XVIII–XIX веках, были НАСТУПАТЕЛЬНЫМИ. То-то жаловалась императрица Екатерина, что не знает другого способа защитить свои завоевания, кроме новых завоеваний.

И вообще довольно как-то глупо вспоминать о «стратегической глубине» в эпоху ракет, способных доставить свою смертоносную начинку до любой европейской столицы на протяжении

минут. Слабоват аргумент для интеллектуалов класса в.э.с. Трудно не заподозрить в нем то же двойное дно, что и в прежних: исправно, мол, исполняем заказ внешнеполитического начальства, а сами над ним посмеиваемся.

Триумф несправедливости?

«Р»: Руководители постсоветской России никогда толком не объяснили, чем, по их мнению, закончилась «холодная война». Спектр их оценок простирается от «мы выиграли!» (мы разрушили репрессивную коммунистическую систему и с ней смертельно опасный биполярный мир) до «мы проиграли» (не смогли сохранить сверхдержаву). Согласны они, однако, в одном: результат не имеет ничего общего с тем, на что рассчитывал Горбачев, предлагая миру свое «новое мышление». Он-то имел в виду, что, покончив с конфронтацией и гонкой вооружений,

«...чем... закончилась холодная война...»

СССР и США на равных сядут за стол и договорятся о новых правилах управления миром.

Но СССР распался. И уже месяц спустя Джордж Буш, мл. объявил в своем обращении к Конгрессу, что «С Божьей помощью мы выиграли холодную войну». И подчеркнул: «Она не закончилась сама по себе, МЫ ее выиграли!». Это означало триумф западных ценностей, триумф несправедливости, если хотите, о равенстве речи больше не было. Победители начали амбициозный эксперимент, смысл которого состоял в том, чтобы привести значительную часть мира, включая Россию, на «правильную», с их точки зрения, сторону истории. Проект начался в Европе с расширения ЕС, продолжался на Ближнем Востоке. И продолжается на Украине. Что же удивляться, если навязывание западных ценностей вызывает сопротивление?

«А»: Россия права, что мировой порядок после «холодной войны» несправедлив в отношении несвободы. Но произошло это не потому, что Запад хочет ее унижить. Напротив, мы понимаем, что Россия замечательная (remarkable) страна с огромным культурным потенциалом. Единственный ее недостаток в том, что ее политические элиты на протяжении столетий не соизмеряли свои претензии со своими возможностями. Не раз пытались они навязать миру несвободу, будь то в обличье Третьего Рима или панславистской империи, или штаб-квартиры коммунистического Интернационала. В XX веке эти попытки достигли пика. Россия предложила миру грандиозную альтернативу западной свободе, подкрепленную чудовищной военной и пропагандистской мощью – и проиграла. Во всех без исключения аспектах глобального соперничества: политическом, культурном, экономическом, технологическом и военном – проиграла. Страшно даже подумать, что было бы с миром, если бы она выиграла. А ведь весы колебались десятилетиями. Но, как говорят у вас, страшен сон, да милостив Бог.

Нет сомнения, Россия – страна провиденциальная. Как всякая великая держава, верит она в свою особую миссию переделать мир по своему образу и подобию. Носилась в свое время с такой миссией и Великобритания. А французский король даже официально титуловался Христианнейший. Не миновала особая миссия, как мы знаем, и Германию. И даже Японию. В этих двух она была

буквально разбомблена. Но и Великобритания, пусть не сразу, примирилась с ее утратой. Долше всех настаивала на ней Франция. Но и у ее элит хватило разума для Vergangenheitsbewältigung (того, чтобы расчитаться со своим прошлым, по известному немецкому выражению). Придет час, расчитаются с этой детской болезнью великих держав и США, и Китай. Но для России, как некогда для Германии, Великобритании и Франции, час этот, судя по всему, уже пробил. Она перед решающим выбором: архаическая миссия или современная реформа?

Путин выбрал архаическую миссию. Удивительно ли, что Россия стремительно архаизируется? Он игрок. Добившись неограниченной власти в России, он вовлек в свою игру великую в прошлом страну, рискуя, заигравшись, потерять ее. И сколько бы ни придумывал он эффектных тактических ходов, чтобы вернуть России «статус крупного международного игрока», как бы ни настаивала его пропаганда на ее равенстве с Соединенными Штатами, все это не может изменить простого, статистически доказанного ФАКТА: Россия им не равна. И покуда не станет современной державой, никогда не будет равна. Момент СССР миновал для нее НАВСЕГДА.

«Р»: Но мир меняется. После «холодной войны» мощь Вашингтона казалась неоспоримой. Время, однако, шло. Неудачи на Ближнем Востоке, глобальный финансовый кризис 2008 года, непрерывные экономические кризисы в ЕС и растущая мощь Китая заставили Россию усомниться в неизбежности навязанного Вашингтоном и его союзниками порядка. Тем более что, несмотря на испытываемые ими трудности, продолжают они настаивать на безудержной экспансии этого порядка, оказывая, например, давление на Украину связать свою судьбу с ЕС даже перед лицом упадка этого союза.

Вот руководство России и пришло к заключению, что оставлен этот западный экспансионизм может быть только с помощью «железного кулака», как выразился в 2011 году Сергей Караганов (надо полагать, после памятных митингов на Болотной и на Сахарова). Переворот на Украине в 2014-м, устроенный прозападными силами, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения России. Таким образом, операция на Украине была лишь ответом на экспансию ЕС и НАТО.

Вклинюсь в диалог на минуту, чтобы спросить читателя, не кажется ли ему, как мне, что после всего сказанного стороной «А» выше, ответ этот с его «железным кулаком» звучит почему-то казенно, натужно, чтоб не сказать жалко? Словно западные неудачи на Ближнем Востоке или забытый уже финансовый кризис могут что бы то ни было изменить в неумолимом соотношении сил? Словно у России, как некогда у СССР, и в самом деле есть в рукаве альтернатива существующему мировому порядку, который она по-прежнему в силах установить «железным кулаком» несвободы? Сторона «А», однако, предпочла ответить скучно, на полном серьезе. Юмор ситуации, пустота идейных закровов путинской России прошли мимо нее.

«А»: Экзистенциальную угрозу для России представляет не западная экспансия, вымышленная ее похожей на кошмарный сон пропагандой, а ее собственный режим. Чтобы выжить как великая держава и занять подобающее место в мире ей нужно то, чего этот режим не может ей дать. А именно прозрачное компетентное и ответственное правительство, реальный парламент, профессиональная и беспристрастная судебная система, свободная пресса и действительная борьба с коррупцией.

Красная черта

Самое интересное, однако, начинается дальше, когда стороны «Р» и «А», так, казалось, далеко разошедшиеся в финале диалога, неожиданно СОГЛАШАЮТСЯ, едва спор доходит до вопроса, за которым словно бы начертана некая невидимая, но запретная, красная черта. Вопрос этот: «Нужна ли новая холодная война?» Нет, не то, чтоб они согласились, скорее одинаково от него отшатнулись.

Сторона «А» не скрывает своих мотивов. По ее мнению, холодной войн» добивается Путин. Для того и затеял аннексию Крыма, вторжение в Донбасс и вылазку в Сирию, подняв на дыбы Запад. Просто нет у него других шансов отвлечь свой народ от провальности своего правления, кроме как спровоцировать Запад на ответ, который не оставил бы сомнений, что Путин и впрямь «поднял Россию с колен», возвел ее в ранг сверхдержавы, почти нового СССР, заслуживающего холодной

войны. На самом деле превратил он Россию в архаическое периферийное государство и заслуживает поэтому не более чем щелка по носу. Не начинали же мы холодную войну с Ираном, хотя публично объявленные намерения Ахмадинежада далеко превосходили по дерзости путинские. Жестких санкций оказалось достаточно, чтобы поставить Иран на место. К путинской России санкций такой жесткости, как к Ирану, пока не применяли, давали время одуматься. Но если не одумается, применят.

Сторона «Р» не осмелилась, конечно, на столь прямое высказывание: ей все-таки жить в стране, где «подлецы» могут сделать с людьми все, что им заблагорассудится. А в.э.с., как мы уже знаем, не «борцы». При всем том недвусмысленно дает она понять, что понимает, о чем речь. Цитирует, например, с симпатией именитого американского международного Ричарда Хааса: «Россия больше не способна предложить миру что-либо, что понравится кому-нибудь, кроме этнических русских». И добавляет: «...а потому заведомо периферийна и не может служить источником серьезных вызовов для США».

Короче, стороне «Р» тоже не нужна холодная война, способная разжечь в стране страсти до такой степени, что серьезно ослабила бы шансы трансформировать ее ПОСЛЕ Путина. В отличие от радикалов с обеих сторон, живущих только сегодняшним днем и накликающих эту «войну», она мыслит стратегически. Будет жизнь в России и после Путина. И будет в ней настоящая ИДЕЙНАЯ война, в ходе которой и решится ее судьба на предстоящие десятилетия.

Засадный полк?

Вот теперь и подумайте, на чьей стороне в этой решающей идейной битве окажется российское в.э.с. после Путина, когда на кону будут не жизнь и не благосостояние участников, а их свободная воля, их ВЫБОР. Речь ведь о политически активных людях, не о рядовых обывателях, они не будут сидеть сложа руки в ситуации свободного выбора, будут за свой выбор драться. На чьей стороне? На стороне избороцев и Глазьева? Или «консервативных революционеров» Дугина? Или на стороне заведших страну в болото наследников путинского

статус-кво, лишившихся своего харизматического лидера? Или, наконец, на НАШЕЙ, на стороне русских европейцев? Чьим засадным, если хотите, полком они в ситуации свободного выбора станут? Я старался дать читателю достаточно материала для суждения об этом, сколько можно подробно изложил их маневры в предельно несвободной ситуации, где приходилось им защищать заведомо несправедные позиции под бдительным оком начальства.

В старинных битвах с варварами исход сражения часто зависел от засадного полка, от его надежности и маневренности, от того, в какой момент и под каким углом ударит он по расстроенным порядкам противника. А тут не полк, тут армия интеллектуалов высокого класса, будущих послов и атташе в сотнях стран, будущих дипломатов и стратегов трансформирующейся России. Если вспомнить отчаянный «кадровый голод» ельцинских времен, результатом чего были мириады кадровых ошибок, последняя из которых оказалась роковой (см. гл. «Ошибка либералов» в третьей книге), нужда грядущей революции 3.0 в засадном полке русских европейцев выглядит кричащей. Но, судя по изложенному выше диалогу, НАШИМ ли засадным полком они после Путина станут?

* * *

Когда-то давно, больше четверти века назад, опубликовал я где-то в Москве статью «Ищу союзников». Не помню уже, для чего я их тогда искал. По тогдашней моей наивности может статься, что и для спасения России от Путина, опубликовал же я в журнале «Столица» текст «Почему я не спас Россию?» (возможно, он и сейчас болтается в интернете). Это я к тому, что сейчас, повзрослев и, надеюсь, поумнев, я, похоже, превратился в профессионального headhunter (не знаю, как по-русски), в охотника за союзниками послепутинской революции. Порою, как увидит в этой книге читатель, мне это удавалось. Удалось ли сейчас? Удастся ли в будущем?

ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ

Передумал. Вернее прислушался к голосу читателей. Нет, не прозвучал для них «Засадный полк» как торжественный заключительный аккорд моей затянувшейся оратории. А мне важно, чтоб прозвучал. С самого ведь начала (см. Введение к первой книги **Русской идеи**) задуман был этот проект как интерактивный. Предлагался читателю сырой, только что из-под пера, так сказать, неотесанный текст, а он уж решал его судьбу. Так вот, несмотря на кучу комментариев и экстраординарное для такого несоблазнительного, скажем так, текста число просмотров (27100 в Снобе), несмотря на точное его соответствие теме этой четвертой книги (поиску союзников для послепутинской революции), не расслышал я в откликах читателей на «Засадный полк» ни малейшей прощальной торжественности, подобающей расставанию с многолетним совместным проектом. Пробую поэтому снова.

Толчок этой последней моей попытке дал интересный коллаж, сделанный, как я полагал, Андреем Пионтковским из двух высказываний Прилепина. Кто такой Захар Прилепин, читатель, я надеюсь, слышал. Русский писатель, увенчанный всеми возможными российскими литературными премиями, включая Букера, национал-большевик-лимоновец и постоянный член Изборского клуба (в сети имеет устойчивую репутацию «фашиста»). Довольно, согласитесь, неортодоксальное для России сочетание.

Я процитирую здесь этот коллаж целиком, хоть он и некороткий, близко к тексту и стилю Прилепина лишь с незначительными сокращениями. Вот что писал он в 2013 году: «Как было бы приятно, если б Украина вернулась через год, или там через три, сырая, босая, обескураженная, с застуженными придатками, осатаневшая от случившегося с нею».

Прошло три года, и вот что пишет он о той же Украине в 2016 году:

«Ее наши потуги смешат, боли она не чувствует, страха нет, бедности не боится...

Основная причина – это четкое и безумное осознание борьбы с той силой, которая, как оказалось, всегда тяготела над Украиной, и сила эта – Россия!

Они почувствовали, что не просто страстно хотят, но, наконец, и могут победить ненавистного «старшего брата», но и навсегда отбить охоту у него стать «старшим братом» Украины.

И когда их многовековая мечта осуществится, они посмотрят на это безобразное, огромное, тяжелое образование Российской империи сверху вниз. И, возможно, даже ускорят время распада этой подлой державы, тысячу лет присваивающей их право на славу, их государственность, их культуру!

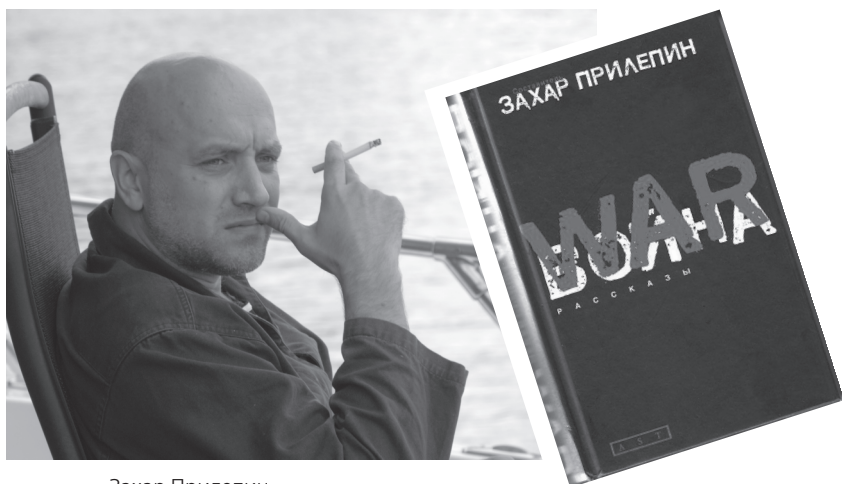
Ради такого дела они готовы пожертвовать многим и многим.

Украина слишком долго ждала этого, она, по сути, именно сегодня отвоевывает свой вожделенный суверенитет, свою новую мифологию.

Украинцы чувствуют себя древними греками, они часто ведут себя, как вели россияне в страшные моменты истории.

Ставки их не просто высоки, они абсолютны!

Патриотический подъем в Украине по отношению к нашему на 10 баллов, на 1000 децибел и на 2000 ватт мощнее!..

Захар Прилепин

Сколько угодно можно кричать о том, что скоро вся Украина будет сидеть на лежанке под Львовом, и Порошенко повесят свои же. Украину это только смешит.

Она боли больше не чувствует! СТРАХА НЕТ! ... Это будут «киборги»!

Мы лично видели, как воюет украинский солдат... Он воюет даже тогда, когда у него нет питания, нет связи и когда офицеры оказались дураками...

То, что украинцы были в Отечественную вторыми из всех народов СССР по количеству Героев Советского Союза на душу населения – надо помнить!..

И это дети и внуки тех же героев и бесстрашных солдат воюют теперь против России!

Так что все эти ваши слова, ваша снисходительность на тему, что «скоро вы, братья-хохлы, заплачете, когда поймете, что карман дыряв, а в Европе вы не нужны», все это гроша ломаного не стоит. В гробу они видали вашу снисходительность... Мира не будет!»

Пионтковский не упустил повода поиздеваться над «перерождением» закоренелого изборца. Озаглавил свой коллаж «Мыслизмы омовца-самородка». И сопроводил ядовитым послесловием: «Ай да Прилепин! Ай да сукин сын! Кого можно поставить рядом с ним в Европе? Умри Захар, лучше не скажешь. Что в 2013, что года через три».

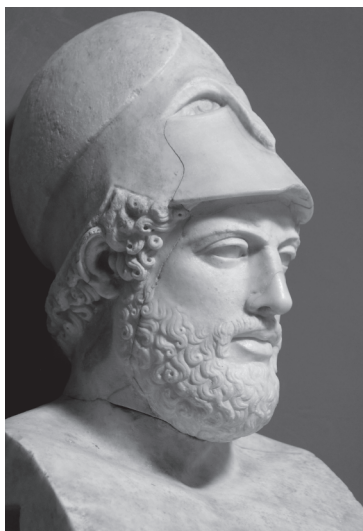
Все вроде бы правильно. Уж очень нерукопожатный парень этот Прилепин, несмотря на все свои регалии. Тем более что уже и покаялся он за так некстати вырвавшийся у него вопль. Сам читал покаяние в его блоге в ФБ. Ответил он, правда, украинской прессе, где, по-видимому, и появился впервые этот убийственный для него коллаж, «разоружился перед партией». Ведь генсек его партии, Лимонов, уже сформулировал генеральную линию, целую книгу опубликовал под названием «Киев капут!». И про «трусливых хохлов» там больше чем достаточно. Даже о Надежде Савченко подзаборное «не мужик и не баба». Как вписывается в эту дичь Прилепин со своим нечаянным гимном отчаянной храбрости украинского солдата и вообще украинского патриотизма, который, оказывается, «на 10 баллов, на 1000 децибел и на 2000 ватт мощнее нашего», имперского?

Каялся, правда, Прилепин неловко. Да, признался, написал про «пассионарный взрыв» на Украине. Но во-первых, это было давно, во-вторых, вырвано из контекста, в-третьих, читали невнимательно. И вообще, «если бы вы и впрямь были так сильны, не носились бы с этой статьей». Невольно вспоминается старый анекдот о коммунальной соседке, разбившей одолженный кувшин. Во-первых, оправдывается она, он уже был разбит, когда она его одолжила, во-вторых, она его не разбивала, а в-третьих, вообще вернула его целым.

Но дело не в анекдотических оправданиях Прилепина. Дело в том, что писательским своим чутьем почувствовал он на поле боя нечто, чего не понял никто из его однопартийцев. А именно, что за свободу и независимость своей страны, за честь свою и человеческое достоинство, за ЦЕННОСТИ на ученом языке (есть даже целая наука о ценностях, аксиология) будут драться украинские солдаты, не жалея жизни, сколько бы ни втолковывала им российская пропаганда, что сражаются они на самом деле за ИНТЕРЕСЫ то ли пиндосов, то ли отечественных олигархов, то ли тех и других вместе. Оказалось, что народ, поднявшийся за свободу, не обманешь. И еще важнее, оказалось, что

российские политики просто не понимают языка ценностей.

Что единственный доступный им в политике язык исчерпывается вопросами «кому выгодно?» и «в чьих интересах?». Тот самый язык, на котором написаны все нацистские мифы – от «масонского заговора» до «сионских мудрецов». Да, древние тоже этот язык понимали. Но понимали они и язык ценностный (достаточно перечисть Перикла), да и не зря же вспомнил Прилепин о древних греках. Проблема путинцев в другом: они уверены, что ценностного языка

Перикл

НЕ СУЩЕСТВУЕТ. И реальные политики говорят только об интересах, а если толкуют о каких-то «ценностях», то либо для отвода глаз, либо потому, что лохи. Поэтому и убеждены, например, что «арабскую весну» 2011 года придумали на самом деле американцы, просто не понимая, что результат может противоречить их интересам. Одним словом, лохи. Одно непонятно: как продули они этим лохам холодную войну?!

Так или иначе, поведение украинских солдат, нечаянно воспетое Прилепиным, не укладывается в эту привычную «парадигму интересов», если можно так выразиться. Он ведь сравнил его с поведением не только древних греков, но и «россиян в страшные моменты истории». И, даже каюсь, не забыл упомянуть про «пассионарный взрыв» в Украине. Читайте: говорят украинцы как раз на том ценностном языке, которого не понимают российские политики. Они живут в другом мире.

Впрочем, я упростил проблему. Путинские политики не просто не понимают ценностного языка, они понимают, что не понимают его и что это опасно. И пытаются выдать свое непонимание за «особый путь» понимания. Согласно «Стратегии безопасности РФ» (2015), например, свобода и права человека объявляются «традиционными ценностями России». Несмотря на то, что дети учат в школе русскую классическую литературу, которая буквально кричит, что действительная традиция России – ПРОИЗВОЛ И ОТРИЦАНИЕ СВОБОДЫ. Но не может ведь и такая беспардонная и беспомощная манипуляция скрыть факт когнитивного диссонанса. А важен этот диссонанс и впрямь первостепенно. Ибо пока не заговорим мы на одном языке, «мира не будет!», как признался Прилепин. Да, что там Прилепин, Библия учит: «А жизнь и смерть ваша в вашем языке». Тут, однако, еще одна проблема: существуют ведь и фантомные, реакционные ценности («жизнь отдам за то, чтобы вернуться в позавчерашний мир!»), например, пра-ценности воинствующего Ислама, общий язык с которым современный человек найти в принципе не может. Это проблема цивилизационная. Другое дело «ценности» воинствующего имперства. Как нечаянно засвидетельствовал Прилепин, столкнувшись с реальными ценностями украинского солдата, эти «ценности» тотчас обнаруживают свою подложность, маскирующую все те же ИНТЕРЕСЫ власти.

Так откуда же эта лингвистическая проблема российской власти? Из какого мира она произошла? Где посеяна буря, которую мы пожинаем? Попробуем разобраться.

Предыстория

Начинать, увы, придется издалека. Тридцатилетняя война католиков и протестантов закончилась в середине XVII века скверным компромиссом. Вестфальский договор 1648 года гласил: «Чья власть, того и вера». Не предусматривался в нем, иначе говоря, ни гарант нового миропорядка, ни общепризнанная шкала ценностей. Мир фрагментировался: каждый за себя и никто за всех. Решала сила. Крупнейший современный специалист в области международных отношений Кеннет Волтз определил этот вестфальский мир как «беззаконную анархию». Другой эксперт Роджер Мастерс остроумно назвал свою книгу «Мировая политика как первобытная политическая система».

Впоследствии система эта получила более благозвучные названия: «баланс интересов» и Realpolitik, но первобытная ее суть от этого не изменилась.

Ганс Моргентау

Так и формулировал самый влиятельный из ее современных гуру Ганс Моргентау в своем знаменитом труде «Политика наций»: «Государственные деятели мыслят и действуют в терминах интереса, определяемого как сила. И постольку мировая политика есть политика силы». Но ведь это и есть анархия: циник сказал бы: у кого больше железа, тот и прав. В африканском племени Нуэр, сохранившемся благодаря изоляции от мира, говорили туземцы проще и ярче: «Правда – на кончике копья».

Иногда в этот застоявшийся «вестфальский мир» врываются, как метеоры демонстративные «нарушители баланса», которым удавалось на время доминировать в Европе. Либо потому, что были сильнее всех, либо потому, что воображали себя самыми сильными, как тараканище из сказки Чуковского, а остальные не смели это проверить.

Самыми яркими представителями обеих этих разновидностей гегемонии, основанной на силе – реальной и воображаемой – были в XIX веке Наполеон и Николай I. В ту пору, впрочем, великие державы умели еще, объединяясь, общими силами устранять таких гегемонов. Как правило, однако, «нарушать баланс» позволялось. Но лишь договорившись предварительно с другими и пообещав им кусок потенциальной добычи.

На протяжении всего XIX века «нарушали баланс» обычно за счет деградирующей на задворках Европы Оттоманской империи (раздел Африки не в счет, там никто ничего не «нарушал», Африка считалась ничейной). Эта гигантская евразийская и евроафриканская империя (я назвал ее в трилогии «Турецкой Московией» потому, что так могла бы выглядеть и Россия, не разверни ее вовремя лицом к Европе Петр) была самой легкой

Наполеон I

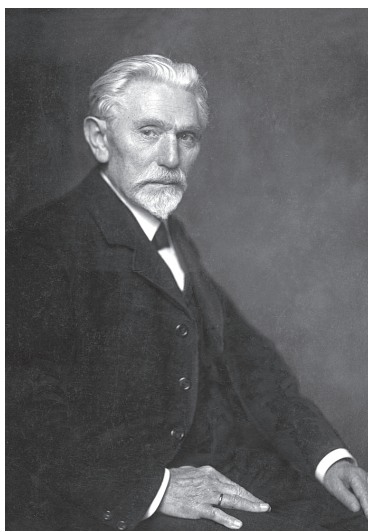

Николай I

добычей. Откусывали от нее кусок за куском, начиная с греков, добившихся в 1820-е при помощи Европы независимости, и французов, откусивших в 1830-е Алжир, и все равно до самой Первой мировой войны хватило.

И все-таки по мере того, как к XX веку раздел Африки подходил к концу и «опоздавшие на сафари» нетерпеливо топтали ногами, все явственнее становилось, что великие державы скоро начнут «нарушать баланс» друг за счет друга. В воздухе запахло большой войной. Никакого механизма ее предотвращения в «вестфальский мир» международной анархии, естественно, встроено не было. Самые дальновидные предчувствовали, что несчастье надвигается беспрецедентное. Август Бебель предупреждал в рейхстаге, что мировая война закончится революцией, над ним посмеялись. Совсем молодой еще тогда Уинстон Черчилль пытался объяснить в палате общин, что «войны народов не похожи на войны королей и кончаются тотальным разгромом побежденных», но его не услышали.

И – случилось! И революции случились, и тотальный разгром побежденных. Только вмешательство заокеанской державы спасло Европу от гегемонии Германской империи. Цена

Август Бебель

Уинстон Черчилль

ее попытки, однако, оказалась непомерной, катастрофической. Девять миллионов (!) солдат, моряков и летчиков пали на поле боя, втрое больше оставила по себе война молодых калек. Столько несчастных семей и погубленных надежд! Долгосрочными последствиями войны стали распад четырех империй, две грандиозные революции – большевистская в России и национал-социалистическая в Германии, – сделавшие неизбежной Вторую мировую войну, геноцид армян в Турции и вдобавок еще «испанка», эпидемия смертельного гриппа, унесшая столько жизней, что никто их до сих пор не подсчитал...

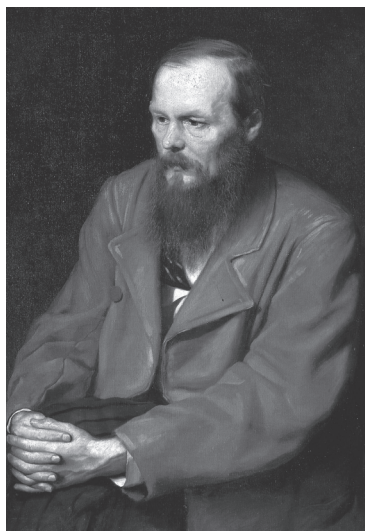
Но даже эта поистине величайшая геополитическая катастрофа ничему мир не научила. Он по-прежнему оставался «вестфальским» – без гаранта международной безопасности и без общепризнанной шкалы ценностей. Анархическим, другими словами, он оставался. Таким примерно, возвращая к которому деятельно добивается сегодня путинская дипломатия.

Как жилось России в «вестфальском мире»?

Российская империя неслучайно оказалась первой жертвой мировой войны. Ее падение началось еще в середине XIX века – с момента антипетровской революции Николая I, с рождения (или возрождения?) московитской Русской идеи и знакомого уже нам ее «соловьевского недуга» (см. гл. «История как союзник»), т.е. способности к всенародной погоне – за фантомом. С момента, о котором Чаадаев сказал: «Не хотят больше в Европу, хотят обратно в пустыню». Не удивительно, что оказалась с этого момента Россия легкой мишенью для манипуляторов, как отечественных, так и зарубежных (Ленин со своим фантомом коммунизма так же искусно использовал «соловьевский недуг», как Бисмарк – фантом панславизма). Даром ли, что именно с этого момента не только неизменно терпела Россия поражения в серьезных войнах (в Крымской, Японской, мировой), но и единственная ее победа (в Балканской войне 1877–78) оказалась по существу неотличимой от поражения? Проще, впрочем, показать, как это было.

Русско-турецкая война началась в апреле 1877 года. Ей предшествовали международные переговоры, секретные встречи, обмен нотами. Дело было серьезное, все-таки России предстояло «нарушить баланс». Судя по всему, «нарушать» его она не хотела. Во всяком случае, царь (Александр II) был категорически против войны, правительство тоже. Министр финансов бил тревогу, что война может привести страну к государственному банкротству (к дефолту, чтоб было понятнее). Военный министр заявил, что армия к войне не готова. Канцлер Горчаков предупреждал, что война чревата еще одной Крымской трагедией. И все-таки она началась. Как это объяснить?

Единственным безоговорочным сторонником войны наверху был наследник престола (будущий Александр III), вокруг которого и кучковалась «партия войны», паладины тогдашней Русской идеи, панслависты. Соображений было несколько. Во-первых, кружил им голову тогдашний их фантом – Царьград со Св. Софией. Во-вторых, турки устроили тогда очередную резню восставших славян (на этот раз в Болгарии) и следовало раз и навсегда положить конец их бесчинствам, спасти «славянский мир» (в их сознании играл он ту же роль, что «русский мир» сего-

Ф. М. Достоевский

годня). В-третьих, пришло, по их мнению, время реванша за позор Крыма. В четвертых, наконец, маленькая победоносная патриотическая война погасила бы, они надеялись, волнения молодежи, грозившие вылиться во всероссийский террор.

Главным был, конечно, фантом. На этом, несмотря на разногласия, сошлись все тогдашние гранды Русской идеи. «Молюсь, чтоб Господь позволил мне дожить до присоединения Царьграда, – писал Константин Леонтьев, – все остальное приложится». Достоевский, хотя и терпеть не мог

Леонтьева, тем не менее, вторил: «Константинополь должен быть НАШ, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки». Оставалась малость: убедить в этом царя, которому фантом был до лампочки. Действовать можно было только через наследника.

И тот не сидел сложа руки. Но странное дело, его доверенное лицо, принц Александр Гессенский, брат императрицы, сновал, как челнок, только в одном направлении: из Аничкова дворца (резиденции наследника) в рейхсканцелярию новоиспеченной Германской империи к Бисмарку и обратно. Явно советовались. Что посоветовал Бисмарк, можно судить по результатам. В Москве создан был Славянский благотворительный комитет, развернувший грандиозную патриотическую кампанию. По всей стране в церквях собирали деньги на «общеславянское дело». При комитете было вербовочное бюро для набора добровольцев в сербскую армию. Страна кипела: наших бьют! Прокламации комитета, обличавшие «азиатскую орду, сидящую на развалинах древнего православного царства», затмевали народовольческие. Турция именовалась в них «чудовищным злом, которое существует лишь благодаря Западной Европе».

Отто фон Бисмарк

А. М. Горчаков

Все это так напоминало патристическую истерию 1853 года, приведшую к Крымской войне, и если бы мы не знали, что как раз в это время Бисмарк был прусским посланником в Петербурге, можно было бы подумать, что сценарий истерии, потрясавший страну в середине 1870-х, написан той же рукой. На самом деле Бисмарк лишь подсмотрел слабость России, ее «соловьевский недуг» и, блистательный манипулятор, просто подсказал, надо полагать, этот опыт туповатому наследнику. И тот послушался. Как иначе объяснить знаменитое замечание Бисмарка «принято думать, что политика России коварна и хитроумна. На самом деле она наивна»? Он уже воспользовался ее наивностью в 1860-е, а теперь хотел воспользоваться ею снова.

Хронический «нарушитель баланса», совсем недавно разгромивший поочередно Данию (в 1864), Австрию (в 1866) и Францию (в 1870), Бисмарк позарез нуждался теперь в имидже европейского миротворца. Он уже объявил изумленной Европе, что она должна видеть «в новой Германии оплот нового мира». Теперь требовалось подтвердить слова делом. Для этого и понадобилась ему снова Россия. Разумеется, он не мог бы и в 1860-е без ее помощи так грубо, с тевтонской бесцеремонностью «нарушать баланс». Тогда он уговорил Горчакова прикрыть его тылы. Взамен обещал – что бы вы думали? – вечную дружбу, обвел, что называется, вокруг пальца. Горчакова, впрочем, Бисмарк откровенно презирал, называл «Нарциссом своей чернильницы». Так и просится на язык: ай да Горчаков! Не пожалел усилий, чтоб создать сильнейшего врага России. Но в 1870-е придумал Бисмарк новую комбинацию.

Комбинация была простая. Разжечь в России патристическую истерию, как в 1853-м, сломать с ее помощью сопротивление царя, вынудить его объявить войну Турции. А он, Бисмарк, соберет международный Конгресс в Берлине и выступит в роли восстановителя «баланса». Как и подобает гроссмейстеру международной интриги, Бисмарк играл на нескольких досках. Как хозяин Конгресса, он уж постарается и о том, чтобы в результате войны Россия получила шиш, зато обиженная им Австрия – хороший куш территории за счет побежденной Россией Османской империи. А Горчаковым можно было пожертвовать, в конце концов, мавр свое дело сделал, мавр может идти.

И все, представьте себе, рассчитал правильно. Когда война стала неминуемой, Горчаков в панике бросился за советом к «вечному другу». Бисмарк посоветовал заранее договориться с англичанами (все-таки их флот у Принцевых островов, в двух шагах от Константинополя) и с австрийцами (всегда могут отрезать наступающую армию от ее баз). Те самовольного нарушения «баланса», конечно, не позволят. Но если пообещать им кусок добычи, могут и согласиться. Договоритесь, и с Богом, воюйте. Горчаков послушался.

Англия поставила условия: во-первых, о Константинополе речи быть не может, а во-вторых... остров Крит ей не помешал бы. Австрия просто потребовала себе приличный кусок Балкан по собственному выбору. Пришлось соглашаться. По секрету, конечно, от «партии войны» в Петербурге. Россия объявила войну Турции. Все шло по плану «вечного друга России».

Война оказалась тяжелой, потери были громадные. Половина армии погибла только под Плевной. Турки капитулировали лишь в феврале 1878-го. Но, как доносили в Петербург с театра военных действий, «наше победное шествие совершается теперь войсками в рубищах, без сапог, почти без патронов, зарядов и артиллерии». Какой уж там фантом!

Результат, как и планировал Бисмарк, был зафиксирован на Берлинском Конгрессе в июне 1878-го. Черногория получила независимость, Болгария – автономию. Как и положено было по правилам игры в «вестфальском мире», Англия и Австрия,

Берлинский конгресс 1878 г.

не пролив ни капли крови, получили свое: одна – Крит, другая – Босния и Герцеговину. Нужно ли говорить, что Россия, заплатившая за все это большой кровью и едва избежавшая дефолта, получила, как и запланировал ее «вечный друг», – шиш... «Горчаков и Шувалов, – заметил французский историк, – к великому своему изумлению не нашли у Бисмарка того расположения к России, на которое они рассчитывали: одно лишь холодное и суровое беспристрастие, ни малейшей поддержки ни в чем».

«Это была самая горькая минута в моей жизни», – сказал Горчаков после Конгресса царю. «В моей тоже», – ответил царь. Так жилось России с ее фантомом в вестфальском мире.

Перелом

Все изменила лишь Вторая мировая. В отличие от Первой, она не была войной за восстановление «баланса интересов». За ЦЕННОСТИ проливали в ней кровь народы, воевали за жизнь, свободу и стремление к счастью, что в Англии, целый год в одиночку противостоявшей всей гитлеровской военной машине, что на Филиппинах, что в России. Сталин не то чтобы отказался признать эту разницу, он просто не понимал ценностного языка. Для него это была абракадабра, такая же, как в XVIII веке язык американской конституции для политиков «вестфальской» Европы. Он быстро переобучил языку несвободы свой народ (необучаемых поглотил ГУЛАГ), потом треть Европы и вознамерился сделать его все-ленским. И некому было его остановить, кроме той заокеанской державы, что с рождения говорила на языке свободы.

То ли Бог хранил новый ценностный мир, возникший из лона Второй мировой, то ли эволюция, не знаю. Но оруэлловский «1984» не состоялся. Знаю лишь, что для одних это было геополитической катастрофой, для других победой ЦЕННОСТЕЙ над ИНТЕРЕСАМИ.

Поэтому казус Прилепина, с которого начал я эту главу, казус, где литературный дар автора нечаянно взял на минуту верх над генеральной линией его партии, послужил для меня не столько поводом лишний раз поиздеваться над незадачливым изборцем, сколько поразмышлять над происхождением языка, на котором он неожиданно для себя заговорил. А также над тем,

хорошо ли жилось России в «вестфальском» мире. Особенно после того, как захворала она «соловьевским недугом», порожденным Русской идеей. Ну, и не в последнюю очередь над тем, почему сегодняшняя, путинская Россия так упорно добивается восстановления того самого «вестфальского» мира с его «балансом интересов», в котором ей так неуютно жилось.

* * *

Говорят, что главный международник Совета Федерации РФ Константин Косачев воскликнул, читая Декларацию Совета Европы: «Одного не понимаю, причем здесь ценности?» Безнадежен. Не понимает, что разделился мир после переломного 1945-го – на тех, для кого ценности, свобода, честь и человеческое достоинство по-прежнему ни при чем, и тех, для кого в них суть дела. Сказал бы смысл жизни, когда б не звучало так пафосно, как у Прилепина.

Может ли быть, в самом деле, что Косачев, как и его босс в Кремле, просто по неизреченному своему невежеству не знают, чем грозило бы России восстановление «вестфальского мира»? И вообще понятия не имеют, что это за мир такой, в котором какой-нибудь новый Ленин (или новый Бисмарк) может опять заставить наших детей таскать для себя каштаны из огня?

Так или иначе, для нас с читателем вопрос прост: в каком мире хотели бы мы жить? В мире интересов, где, как говорили туземцы племени Нуэр, правда на кончике копья? Или в мире ценностей, который, по крайней мере, дает нам надежду, что детей наших не заставят прожить жизнь в смертельной погоне за очередным фантомом? Очень, поверьте, важен для меня ваш выбор, мой читатель. Зачем иначе писал я эти четыре книги, посвященные разоблачению фантома «Русской идеи»?

К. И. Косачев

ТАК НАЧИНАЛАСЬ РОССИЯ

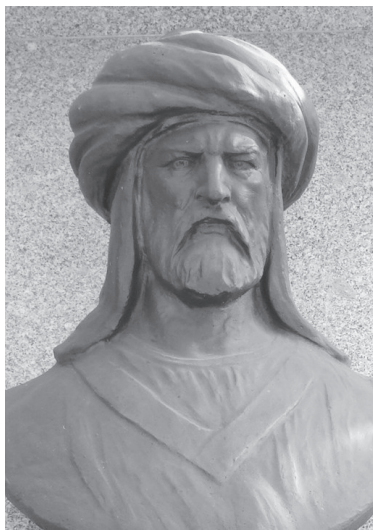
Верна ли легенда о завещании основателя монгольской империи Чингисхана, согласно которой простираться должно было ее владычество от одного конца света до другого? От Тихого океана, в сегодняшних терминах, до Атлантического, включая Европу? Похоже на Чингисхана, но не уверен. Если, однако, легенда верна, то... не вышло. При всей безупречности монгольского стратегического планирования дало оно здесь осечку, не далась им Европа. Почему?

Семь столетий прошло, а вопрос все еще актуальный. Во всяком случае, в России. Еще бы, двумя ногами опирается на нее другая, необыкновенно распространенная в русской литературе легенда. Та, согласно которой именно Русь грудью отстояла Европу. Или, как писал в «Скифах» Александр Блок, «держала щит меж двух враждебных рас, монголов и Европы». Дети в школах учат. Министр иностранных дел РФ и сегодня в подтверждение легенды цитирует Пушкина: «Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией».

У этой долгоиграющей легенды есть, однако, слабое место. А именно то, что, сравнив с землей большие города Руси, внук Чингисхана Батый, не моргнув глазом, перемахнул в Польшу и, разорив ее, взялся за Венгрию. Нисколько, то есть, не побоялся оставить в тылу «издыхающую» Русь. И закончился его поход на Европу вовсе не ее покорением, а разгромом венгров (если не считать кратковременных рейдов в Силезию и к Адриатическому морю, в нынешнюю Хорватию). Так почему в таком случае не получилось завоевание Европы и не пошли монголы дальше Венгрии?

Самое популярное и, на мой взгляд, самое слабое объяснение: в 1241 году в далеком Каракоруме, столице империи, умер великий хан Удэгэй, началась, как обычно, драка за власть, и Батый решил в ней поучаствовать. Слаба эта версия уже потому,

что, во-первых, как одному из младших Чингизидов едва ли что-нибудь светило Батыю в Каракоруме. Во-вторых, непонятно почему вместо того, чтобы тотчас отправиться в дальнюю дорогу (все-таки около 3000 км пути), пошел Батый из Венгрии на юг – в Валлахию, а затем, разорив ее, в Болгарию, потом в Молдавию. Явно, согласитесь, не торопился юноша ввязываться в драку старших Чингизидов. И наконец, был он все-таки, по монгольским меркам, неудачником: задания не выполнил, Европу не покорил.

Батый

По всем этим причинам правдоподобнее представляется другая версия отступления Батыя из Европы. Она не так романтична, зато очевидней. Просто на Венгерской равнине заканчивается великий клин степей, тянувшийся из Сибири в Венгрию. Дальше начинались леса и горы, аннулировавшие, как убедили Батыя, рейды в Силезию и в Хорватию, преимущества монгольской конницы. Если так, Европу защитила вовсе не Русь, а география. Тем более что опасаться поработенной Руси монголам было нечего. По двум причинам.

Семейное владение

Одна из них объясняет, почему Батый бросил завоеванные Польшу, Венгрию и Болгарию, а Русь не бросил, сделал западной окраиной собственной степной империи, Золотой Орды. Короткий ответ: сопротивление завоевателям ожидал он здесь минимальное. И не только потому, что Русь лежала в руинах, Польшу и Венгрию разорил он не меньше.

Готов держать пари: когда Путин заверял Федеральное собрание, что «для России характерна традиция сильного

государства», он и не подозревал, что все первое полутысячелетие своего существования, половину, можно сказать, своего исторического времени, с X по XV век, страна прожила не только без сильного, но и вообще без государства. Во всяком случае, в общепринятом тогда монархическом смысле. В других странах были короли, императоры, богдыханы, шахиншахи, султаны, на Руси ничего подобного не было. Она была **общим**, семейным владением клана Рюриковичей.

Конечно, время от времени случались сильные великие князья, способные подчинить своей воле непомерно разросшееся семейство. Но таких можно сосчитать по пальцам одной руки – за пять столетий! Правилем после их кончины была гражданская война между сыновьями. Так пришел к власти, разгромив братьев, Владимир Святой после Святослава, так пришел Ярослав Мудрый после Владимира.

При всем том в нормальных обстоятельствах и такая, *протогосударственная*, Киевско-Новгородская Русь была богатой, процветающей и «геополитически востребованной», по выражению того же Путина, европейской страной. Другое дело, когда она оказалась вдруг отдаленной провинцией чужеземной азиатской империи. Тут отсутствие политического единства и впрямь сыграло с Русью злую шутку. Организовать общенациональное

Ярослав Мудрый, Иван III, Сергей Радонежский

движение Сопrotивления завоевателям оказалось некому. В результате иго затянулось здесь – по сравнению с другими провинциями монгольской империи – на целое столетие. Китайцы, допустим, изгнали монгольскую династию уже в 1368 году, Персия освободилась еще раньше, в 1344-м, в Средней Азии Тамерлан разгромил Бухарскую Орду в 1370-м, а на Руси власть монгольских царей тянулась до самого 1480-го, до Ивана III. И это объясняет вторую причину ее привлекательности для завоевателей.

Теоретически возглавить здесь Сопrotивление могла единственная на Руси общенациональная и высокоцентрализованная инстанция – Церковь. Но, увы, РПЦ и не помышляла о сопро-тивлении новой власти. Напротив, со всех амвонов в стране возносились молитвы за здоровье монгольского царя и его славного воинства. Того самого воинства, которое только что уничтожило, сожгло дотла главные города Руси – Рязань, Владимир, Киев...

Свидетельство о том, как это выглядело, оставил нам папский легат Плано Карпини. В 1245 году он ехал из Лиона в Ка-ракорум. Проезжая Киев, он видел, что там осталось после подвигов славного воинства монгольского царя – ни одного целого здания, ни одного живого человека. А РПЦ молилась за здоровье убийц. Такова особенность православной Церкви: служит власти, какова бы она ни была. Много веков спустя, вспомнив, вероятно, свой ордынский опыт, Церковь станет молиться за здоровье Сталина.

«Ни которая царева пошлина...»

Надо отдать должное монгольским царям: они щедро платили церковной иерархии за услуги. Вот один из их указов своему воинству: «Не надобе им от церкви ни дань, ни поплужное, ни ям, ни подводы, ни война, ни корм, во всех пошлинах не надобе им, ни которая царева пошлина». В переводе на современный язык это означает, что РПЦ была освобождена от каких бы то ни было повинностей, налогов и вообще от всех тягот, которыми облагалось все остальное население «истерзанной, издыхающей», по словам Пушкина, страны.

И что не менее важно, под покровительством монгольских царей РПЦ стала несметно богата, она завладела более чем третью всех пахотных земель, главным тогдашним богатством страны. И во всех ее владениях вручалось ей верховное право управления и суда: «А знает в правду и право судит и управляет люди своя, в чем ни буди: и в разбое, и в татьбе, и во всяких делах ведает сам митрополит, один или кому прикажет». Поистине Церковь оказалась государством в государстве. Причем процветающим «государством» в изнасилованной, испохабленной стране.

А теперь попробуйте вообразить эту ограбленную, униженную, голодную страну и вознесшуюся над всем этим срамом сытую, самодовольную Церковь, переживающую поистине золотой век, – и вы увидите одно из главных последствий ордынского ига. Еще важнее, однако, что никогда на протяжении столетий и не подумала церковная иерархия покаяться в этом страшном грехе. Ну, хотя бы в том, что ее колаборантство с завоевателями затянуло чужеземное иго еще, по крайней мере, на четыре-пять поколений.

Другие последствия

Вот еще одно. Русь пропустила эпоху европейского Возрождения (Ренессанс), к которому в киевско-новгородские времена была культурно вполне готова. Она была тогда органической частью Европы – на протяжении почти трех веков. Была в Европе своей. Ярослав Мудрый (это середина XI века) был женат на дочери шведского короля. Трех своих сыновей женил на европейских принцессах, а трех дочерей выдал замуж за королей Норвегии, Венгрии и Франции. Анна Ярославна, супруга Генриха I, после его смерти в малолетство своего сына была правительницей Франции. Ярослав предоставлял политическое убежище европейским принцам, изгнанным из своих земель, – из Норвегии, из Венгрии, даже из Англии (четвертая его дочь была английской принцессой).

Историк Владимир Вернадский подсчитал, что после Ярослава Мудрого пять русских матримониальных союзов было заключено с королевским домом Богемии (нынешней Чехии),

шесть – с королевским домом Венгрии, одиннадцать – с королевскими домами Германии (включая Евпраксию Всеволодовну, императрицу Священной Римской империи). И, по меньшей мере, пятнадцать браков с королевским домом Польши. Вот это и значило в ту пору быть в Европе своей.

Иго разрушило эту культурную общность. Когда в Падуде и в Праге открывались первые университеты, когда писали Данте, Петрарка и Боккаччо, Русь лежала обескровленная под варварским игом. «Татаре не мавры, – объяснил нам Пушкин, – они не оставили нам ни Аристотеля, ни алгебры». Какой уж там Данте! Какие университеты!

Но, пожалуй, самым тяжелым последствием ига, хотя и косвенным, был крах русской церковной Реформации. В отличие от Северной Европы, в Москве, тоже северном тогда государстве, она была подавлена. И обернулось это для ее крестьянства тотальным трехсотлетним рабством.

Нестяжатели

Вассиан Патрикеев был одним из самых выдающихся публицистов нестяжательства – реформаторского движения XV – XVI веков. Вот как обличал он церковную иерархию, разжиревшую от милостей монгольских царей: «Испытайте и уразумейте, кто от века из воссиявших в святости и соорудивших монастыри заботился о том, чтобы приобретать села? Кто молил царей и князей о льготе для себя или об обиде для крестьян? Кто имел с кем-нибудь тяжбу о пределах земель? Или мучал бичом тела человеческие? Или облачал их оковами? Или отнимал у братьев имения?»

Дальше Вассиан подробно перечислял «наших русийских начальников монашества и чудотворцев» – Антония и Феодосия Печерских, Дмитрия Прилуцкого, Сергия Радонежского, – которые «жили в последней нищете, так, что часто и дневного хлеба не имели. Однако монастыри не запустели, а наполнялись иноками, которые трудами рук своих и в поте лица ели хлеб свой».

Нестяжатели предлагали Церкви то же самое, что два столетия спустя ей предложила Екатерина Великая: хотите иметь монастырские земли – имейте, но ровно столько, сколько ваши

иноки могут обработать сами, никого не эксплуатируя. Вассиан призывал к простоте доордынских нравов, к безнадежно потерянным в Орде нравственным ценностям Церкви. И ссылался он на тех «начальников монашества», кто считал эксплуатацию чужого труда смертным грехом и ересью.

Один из самых грозных для иерархии сигналов прозвучал в 1380 году, когда Дмитрий Донской, собираясь на битву с монголами, благословения просил не у митрополита и не у официального клира, а у Сергия Радонежского – одного из самых авторитетных их противников внутри самой Церкви. Так, во всяком случае, гласит легенда. Именно под влиянием таких подвижников, надо полагать, и переменяла, в конечном счете, иерархия фронт, присоединилась к тем, кто боролся против завоевателей.

Между концом XIV века (когда Дмитрий Донской общался с Сергием Радонежским) и началом XVI (когда писал Вассиан Патрикеев) в России и в Европе одновременно развернулось мощное движение церковной Реформации. Российское нестяжательство, начавшись с отшельников, с «заволжских старцев», выросло в сильное политическое движение, обрело таких авторитетных лидеров, как Нил Сорский и «мудрейший из мудрых» Максим Грек. Оно угрожало отнять у иерархии ее главное земное богатство – крестьян. Ибо что стоила земля без крестьян?

Юрьев день

Это две недели до и после 26 ноября, когда крестьяне могли по закону покидать своих лендлордов. Введение Юрьева дня – это все, чего сумел добиться Иван III Великий, первостроитель Московского государства, борясь с иерархией, жаждавшей «закрепить» крестьян навечно. Великий князь, как и нестяжатели, полагал, что Церкви подобает быть пастырем народным, а не землевладельцем, ростовщиком и эксплуататором чужого труда. И тем более «не мучить бичом тела человеческие и не облачать их оковами», говоря языком Вассиана. В 1503 году он попытался решить дело лобовой атакой, просто отнять у монастырей земли. Но хитра, как лис, и богата, как Крез, была иерархия, богаче новорожденного государства. Не вышло. Подробности в трилогии.

Так или иначе, согласно его судебнику 1497 года, никто в стране не имел права «закрепить» крестьянина навсегда – ни помещики, ни монастыри. И с этого времени отмена Юрьева дня стала знаменем всех ретроградных элит страны. А борьба за его сохранение – священным долгом реформаторов-нестяжателей. Здесь не место для подробностей этой затянувшейся на поколения борьбы. Скажу лишь, что иерархия мобилизовала все свои ресурсы. И преуспела.

Нестяжатели были обвинены в ереси «жидовства» и сосланы в отдаленные монастыри. Юрьев день отменен. На три последующих столетия крестьянство оставалось в крепостной кабале. Парадокс в том, что благодаря иерархии Россия, не пережив Реформацию, оказалась в плену Контрреформации. Ближайший результат был такой.

«Еллинские борзости»

Если европейское Возрождение Русь пропустила из-за ордынского ига, то европейскую Реформацию она пропустила, как мы видели, по вине вполне отечественной наследницы Орды. Наступило то, что Василий Осипович Ключевский называл «затмением вселенской идеи». Церковь с ее, по выражению того же Ключевского, «русским богом, никому более не принадлежащим и неведомым», отрезала Русь от Европы. Результатом были такие школьные прописи: «Если спросят тебя, знаешь ли ты философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах». К этому добавлялось, что «богомерзостен перед Богом всякий, кто любит геометрию, а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам».

Удивляться ли после этого, что, как я уже писал, оракулом Московии в космографии считался Кузьма Индикоплов, египетский монах VI века, полагавший землю четырехугольной. Это в эпоху Ньютона, после Коперника, Кеплера и Галилея. Называлось это государство, возникшее в результате победы контрреформаторов-иосифлян и диктатуры Ивана IV, Московией.

На протяжении всего XVII века оставалась она «большим человеком Европы». Изолированная от мира еще глуше, чем

во времена Орды, она одичала. Спас страну от судьбы Оттоманской империи – от окончательной деградации и распада – лишь Петр. Пусть «варварскими средствами борясь с варварством», по словам Маркса, но спас, вернул в Европу. Так начиналась Россия. Это, однако, уже другая история, у нее другие черты и другие герои.

Приложение 2

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ БОРЬБЫ ПРИ ЖИЗНИ И ЕЩЕ СТО ПОСЛЕ СМЕРТИ

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ 1841–1911

Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия, она много работала, но я не возведу на нее напраслину, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом...

В. О. Ключевский

Еще в школьные свои годы я подозревал, что мой любимый историк, сто лет со дня смерти которого исполнилось в прошлом году (статья написана в 2012-м), был мастер говорить в лицо коллегам неприятную правду. Но и тогда перехватило у меня дыхание, едва я уразумел дерзость текста, вынесенного в эпиграф. Ну, подумайте, бросить в лицо целой науке, уважаемой – не чета нынешней, блестящей во многих отношениях, что не ведает она, зачем горбатится! Только повзрослев, сильно повзрослев, я понял, что в конечном счете Ключевский был прав.

Прав, потому что историческая наука его времени, а то было роковое время между Великой реформой, освободившей соотечественников от трехсотлетнего рабства, сохранив при этом столь же архаическое и столь же опасное самодержавие, и великой революцией, которая заново поработит крестьян и страну, – эта наука действительно не исполнила свою главную функцию. Я говорю о функции прогностической. Она не подготовила Россию к тому, что ее ожидало, не предупредила о возможности страшного будущего.

Я знаю, многие, включая и моих коллег, полагают, что история и есть собственно наука о прошлом (что было, то было и быльем поросло), но потому и был Ключевский, которого я с тех самых школьных лет почитаю своим наставником, великим историком, что знал: **история – еще и наука о будущем.**

И горько, я уверен, ему было, что в горах неосмысленных его современниками и порою замечательных исторических открытий не содержалось даже предчувствия предстоящей трагедии.

Он-то сделал для предотвращения этой трагедии все, что было в его силах. Не однажды, рискуя профессиональной карьерой, бросал вызов самому Карамзину, чей центральный тезис столетиями (как мы еще увидим) служил, и по сей день служит, мощной идейной подпоркой самовластья в России.

А профессиональная карьера досталась Ключевскому тяжело. Бедный семинарист из глубоко провинциальной Пензы, «безотцовщина», с молодых ногтей зарабатывавший на хлеб частными уроками, он приехал в 1861 году, в канун Великой реформы, завоевывать старую столицу – без денег, без влиятельных покровителей, без всяких отчетливых перспектив. Только страсть к истории, ненависть к самовластью да блестящие литературные способности – так выглядели тогда все его ресурсы.

И все, чего добился Ключевский, а добился он многого: и звания академика, и генеральского чина в табели о рангах, и славы самого читаемого историка в России, и, не в последнюю очередь, репутации кумира студенческой молодежи – всего этого добился он собственным тяжелым трудом в столичных архивах. Рисковать ему, короче говоря, было чем. И он рисковал.

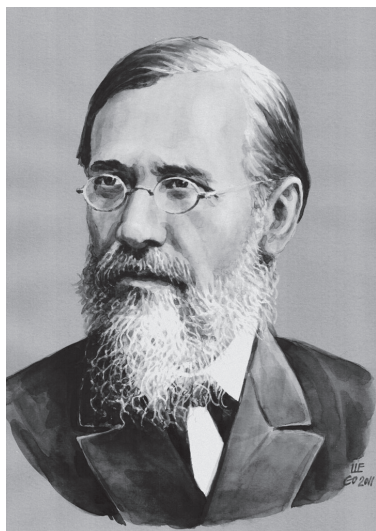
В особенности при защите докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси» в Московском университете (журнальный вариант которой был, кстати, опубликован – нечто совершенно в наши дни немыслимое – в 11 номерах популярного журнала «Русская мысль»). Рисковал и позже, когда эта самая «Боярская дума», на которую он потратил десять лет жизни, подверглась в тогдашней печати жестокой и оскорбительной атаке, «сильнейшему разгрому», по словам акад. Милицы Васильевны Нечкиной, автора единственной до сих пор серьезной монографии о Ключевском.

Обо всем этом, впрочем, мы еще поговорим подробно. А пока скажу справедливости ради, что далеко не все сегодняшние мои коллеги разделяют мое восхищение наставником. Несмотря даже на то, что и сейчас, сто лет после смерти, Ключевский все еще остается, если верить социологам, самым читаемым историком в России!

Так или иначе, выступление известного эксперта Александра Каменского в ходе июньской 2011 года дискуссии о наследстве Ключевского в фонде «Либеральная миссия» сомнений в его, мягко говоря, скептицизме не оставило. «Ключевский как великий историк – миф», – заявил он. «Сейчас Ключевский скорее хорошая литература, чем история», – поддержал его другой историк, Олег Будницкий. Конечно, возмущенная аудитория им возразила. Но как? Несколько слов об этой дискуссии многое объяснят нам о нынешнем состоянии исторической мысли в России.

Парадокс

Ведущий дискуссии Игорь Клямкин, к его чести, с этого и начал. «У большинства современных историков, – сказал он, – утвердилось скептическое отношение к Ключевскому, ссылаться на него стало чуть ли не дурным тоном». Проблема, однако, в том, продолжал Клямкин, что за пределами профессионального круга Ключевского и по сию пору читают больше, чем всех современных историков вместе взятых. Как объяснить этот парадокс?

В. О. Ключевский

Н. М. Карамзин

Спору нет, Ключевский был еще и первоклассным мыслителем, и замечательным писателем, Пушкиным, если хотите, русской историографии. Но читают его все-таки именно как историка, читают потому, что находят у него то, чего не могут найти у сегодняшних его коллег. Казалось бы, одно уже это обстоятельство должно было их заинтриговать. И тем не менее организаторы дискуссии в «Либеральной миссии» не нашли *ни одного* «цехового», если можно так выразиться, историка, который взялся бы поразмышлять над этим парадоксом в качестве зачинщика дискуссии.

В результате все три докладчика, представлявшие в ней Ключевского, оказались именно «за пределами профессионального круга». Одним был философ, другим – культуролог, третьим – политолог. Само собою, во всех докладах Ключевский рассматривался не как историк, а как мыслитель. Территория собственно истории с порога уступалась «цеховым» скептикам.

Разумеется, большинство участников дискуссии было очевидно раздражено их нигилизмом. Ярче всех выразил это раздражение Евгений Григорьевич Ясин. «Выполнена ли современными историками та работа, которую для своего времени выполнил Василий Осипович?» – сурово спрашивал он «цеховых».

Понятно, что имел он в виду: почему бы вам, ребята, не написать, как сделал Ключевский, историю России *как целого* (и по возможности не на «академическом» воляпюке, понятном только посвященным, а на хорошем русском языке)? Почему бы вам не выступить против самовластья столь же откровенно и на таком же фундаментальном уровне, как он?

Ясно же, что без *такой* истории – без центральной идеи – все отдельные события, периоды, факты, на которых вы сосредотачиваетесь, искусственно вычлениются из исторического потока. Рвутся без нее связи, ломаются сквозные линии, смещаются акценты. Происходит, короче, то, что американский историк Эрвин Чаргофф громоподобно обозначил: «Там, где торжествует экспертиза, исчезает мудрость». Та самая мудрость, которой пронизана история Ключевского. Так не ее ли не хватает читающей публике у современных историков?

На этом месте пронзил меня, признаться, тот же зуд, что, вероятно, заставил когда-то Ленина выскочить на съезде Советов

с его легендарной фразой: «Есть такая партия!» В самом деле, всего полтора года прошло, как в той же «Либеральной миссии» обсуждалась моя трилогия «Россия и Европа. 1462–1921». Трилогия, отвечавшая практически всем критериям Ясина. Всего и требовалось от участников тогдашней дискуссии *прочитать* то, что они обсуждали. К сожалению, подавляющее их большинство, включая, увы, и Евгения Григорьевича, не нашло в себе сил на такой подвиг.

А жаль. Не в последнюю очередь потому, что вековая история России представлена в трилогии как заочный спор двух гигантов ее историографии, Ключевского и Карамзина, спор о судьбе в ней самовластья, о его происхождении и, стало быть, о его будущем. И основан был этот спор, между прочим, на тщательных документальных исследованиях, на той самой, если хотите, экспертизе, к которой сводят свою задачу «цеховые». И уже по этой причине их легкомысленные и высокомерные декларации о Ключевском как о «мифе» или как о «хорошей литературе» выглядели бы для всякого, прочитавшего трилогию, скорее кощунством.

И тотчас стало бы ясно, что вне этого спора парадокс, сформулированный Клямкиным, не имеет решения. Ибо то, в чем упрекал Ключевский историческую литературу досоветских времен, с еще большей силой воскресло в постсоветские. Экспертизы и трудолюбия хоть отбавляй, но мудрости... По-прежнему, как и в его время, не знает цеховая историография, «что делать с обработанным ею материалом». Не потому ли читают не ее, а Ключевского?

Тезис Карамзина

Вот и пришло время подробней разобраться с тем, о чем спорил Ключевский с Карамзиным. Попробую показать это на примере, который лишь на первый взгляд имеет косвенное отношение к нашей теме. Андрей Анатольевич Левандовский – редчайшее исключение среди «цеховых». Он не только прочитал трилогию, но и выделил в своем отзыве главное: «Александр Янов, пожалуй, впервые попытался представить свободу как равноценную альтернативу деспотизму в России, впервые с поразительной

энергией и целеустремленностью занялся поисками ее проявлений на самых разных этапах русской истории. О результатах можно спорить, но поиск этот самоценен; он производит очень сильное впечатление. В мощный интеллектуальный поток, проходящий через всю трилогию Янова, право, стоит погрузиться...»

Привожу здесь этот отзыв лишь потому, что он дает мне неповторимый случай переадресовать комплимент наставнику – первым на самом деле был Ключевский, я лишь продолжил то, чему он меня научил. Впрочем, лукавлю. Привожу и затем, чтобы сразу ввести читателя в курс дела.

Тезис Карамзина, по сути, элементарен: **Россия не может существовать без самодержавия**. Сформулированный его собственными словами, он выглядит так: «Самодержавие создало и воскресило Россию, с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть».

Не то чтобы читающей публике нравилось самодержавие. О «прелестях кнута» мы слышали еще от Пушкина. Но подобно проклятию гнезился в ее подсознании страх: а вдруг великий историк прав – и конец самовластья действительно несет стране гибельный хаос? Усугублялось все это еще и фатализмом

А. А. Левандовский

значительной части интеллектуальной элиты, глубоко разочарованной, и террором, последовавшим за либеральными реформами Александра II, и либеральной смутой после отречения самодержца и Февральской революции 1917-го. И совсем уже недавней неудачей после крушения тоталитаризма в 1990-е. Все это словно бы опять и опять подтверждало «прелести кнута» в России.

Что ж удивительного в том, что с каждым новым возрождением «сильной руки», будь то при Александре III,

при Сталине или при Путине, неизменно находились тучи экспертов – философов, правоведов, историков, в наши дни и культурологов, – снова и снова пытавшихся утвердить в массовом сознании этот порожденный Карамзиным страх? Такой, мол, народ, от века привыкший к кнуту и самовластью.

Усилия их, увы, увенчались, как мы знаем, по крайней мере, частичным успехом. В полуграмотных массах, о Карамзине большей частью и не слыхавших, отказ от самовластья и по сию пору ассоциируется со «смутой», а торжество его с «порядком», в наши дни – со «стабильностью». Такова власть идей.

Ключевский, понятно, не мог знать ни о Феврале 1917-го, ни о 1990-х. Ему было довольно и того разочарования в либеральных (не говоря уже о консервативных) элитах, что наступило после Великой реформы 1860-х. Интуиция великого историка, та самая мудрость, о которой слышали мы от Чаргоффа, подсказала ему, что так оно в России и будет, откуда тезис Карамзина не опровергнут. Кто, если не он, мог в тогдашней Москве взяться за это, казалось, неподъемное дело? И он взялся. Бросил вызов небожителю.

Вызов Ключевского

Логика его проста. Достаточно было спросить, что помешало абсолютным монархиям средневековой Европы вырождаться в автократии (по-русски, в самодержавие)? Народ ведь и там привык к самовластью, а вот не утвердилось оно в Европе. Почему? Короткий ответ: аристократия помешала. Она оказалась непреодолимым ограничением произвола власти, всегда и везде стремившейся, как компас к Северу, к неограниченности, к диктатуре.

Сформулировал это в своем знаменитом афоризме, который Екатерина так любила повторять, Монтескье: «Там, где нет аристократии, нет и монархии. Там деспот». Конечно, наследственная аристократия – лишь *латентное* ограничение власти, как я назвал его в трилогии, то есть нигде, кроме Англии с ее Великой хартией и Венгрии с «Золотой буллой» XIII века, юридически не зафиксированное, но исправно, тем не менее, работавшее на протяжении столетий.

Вот его, по сути, и противопоставил Ключевский тезису Карамзина. Нет, доказал он с документами в руках, НЕ СОЗДАЛО Россию самодержавие. И НЕ ГИБЛА она без «прелестей кнута». На протяжении столетий была в ней такая же наследственная аристократия и так же, как в Европе, она *реально* ограничивала власть.

Оформилось это ограничение в институте Боярской думы. Говоря словами Ключевского, выглядело его открытие так: «Не было политического законодательства, которое определяло бы границы верховной власти, но был правительственный класс с аристократической организацией, которую признавала сама власть». И этот «правительственный класс» не только ограничивал верховную власть, он **законодательствовал** вместе с ней, был в лице Думы, по выражению С. Ф. Платонова, «правоохранительным и правообразовательным учреждением». То есть Дума была «**конституционным** учреждением с обширным политическим влиянием, но без конституционной хартии» («латентным», на моем языке).

Вот и все. Немного, на первый взгляд. Но из этого следовало, что самодержавие на Руси – феномен сравнительно недавний. Что, несмотря на ламентации сегодняшних либералов о «тысячелетнем рабстве», впервые появилось оно на политической сцене лишь в 1560-е. Появилось в результате грандиозного государственного переворота, в результате тотального террора и разрушения исконного строя российской государственности.

Я понимаю, что трудно было бы поверить в саму возможность столь внезапного и радикального поворота в исторических судьбах страны, когда б то же самое не произошло с Россией в 1917-м. Ключевский, естественно, не мог этого знать. Но мы-то знаем.

Так или иначе, большую часть своего исторического времени Россия провела, согласно Ключевскому, **без самодержавия**. Случались за это время на Руси «смуты»? Больше чем достаточно. Но справлялась с ними страна, оказывается, без самовластья. И нет, стало быть, для страха, порожденного тезисом Карамзина, оснований.

Теперь, надеюсь, понятно, почему центральным событием первого тома моей «России и Европы» стала «самодержавная

революция» Ивана Грозного, та самая, что **разрушила** исконный на Руси государственный порядок. Ей многое удалось, этой первой в России самодержавной революции. Крестьянство было поработщено. Возродившаяся после революции аристократия оказалась рабовладельческой и, следовательно, зависимой от власти. Страна была отрезана от Европы православным фундаментализмом. Русь превратилась в «испорченную Европу».

Но историческое воспоминание о Европейской России, раскопанное Ключевским, в стране странным образом не умирало. Иначе зачем потребовались бы еще две самодержавных революции – при Николае I в XIX веке и при Сталине в XX? Не затем ли, чтобы снова и снова попытаться задушить это историческое воспоминание, лежащее в основе русской государственности?

«Нападение»

Как бы то ни было, удар по тезису Карамзина «Боярская дума» Ключевского нанесла чувствительный. И господствовавшая тогда (как, впрочем, и сейчас) в русской историографии юридическая (государственная) школа, для которой ничто, не зафиксированное на бумаге с гербовой печатью, не существует, простить ему такую ересь не могла. Ведь говорил Ключевский о *латентных* ограничениях власти («без конституционной хартии», на его языке). Вся Европа жила с такими ограничениями, но Европа нам не указ. Короче, в 1896 году «Боярская дума» подверглась редкому в тогдашней историографии организованному «нападению», по выражению М. В. Нечкиной, на монографию которой я и буду здесь опираться.

Произошло это так. На Ключевского вдруг дружно обрушились рецензенты – и в «Журнале юридического общества», и в «Мире Божьем», и в «Русском богатстве», и даже в «Русской мысли» (где, как мы помним, был опубликован журнальный вариант «Боярской думы»). Но «нападение было возглавлено столичной петербургской знаменитостью, лидером в области истории русского права, заслуженным профессором императорского Санкт-Петербургского университета В. И. Сергеевичем». А это был грозный противник. «Фактический материал

Сергеевич хорошо знал, язык древних документов понимал, мог цитировать материалы наизусть... свободно оперировал фактами и формулами на старинном русском языке, и это производило сильное впечатление».

Мало того, Сергеевич был еще и первоклассным полемистом. «Литературное оформление нападок на Ключевского не было лишено блеска: короткие ясные фразы, впечатляющее логическое построение, язвительность иронии были присущи главе петербургских консерваторов». И вот этот первейший в стране авторитет в области древнерусского права обрушился на выводы Ключевского, объявляя их то «обмолвками», то «недомолвками» и вообще «не совсем ясными, недостаточно доказанными, а во многих случаях и прямо противоречащими фактам».

Не только не законодательствовала Дума, утверждал Сергеевич, не только не была она правообразовательным учреждением, у нее в принципе «никакого определенного круга обязанностей не было: она делала то, что ей приказывали, и только». В переводе на общедоступный язык это означало, что Карамзин был прав: самодержавие было в России всегда.

Вся аргументация, так тщательно собранная Ключевским за десятилетие, была, таким образом, вроде как раскассирована. Вся, кроме одного пункта, против которого бессильна оказалась даже блестящая риторика Сергеевича. Я имею в виду статью 98 Судебника 1550 года, юридически запрещающую царю принимать новые законы «без всех бояр приговору» (эта статья была одним из главных достижений правительства «молодых реформаторов» в ранние годы царствования Ивана IV, в трилогии я назвал ее русской Магна Карта, ведь это и впрямь была та самая «конституционная хартия», которой недоставало Думе). Отменить ее можно было лишь посредством государственного переворота. Этот переворот, как помнит читатель, и назвал я самодержавной революцией.

Вот тут и спасовал Сергеевич, признался недоуменно: «Здесь перед нами действительно новость – царь неожиданно превращается в председателя боярской коллегии». Только в отличие от Ключевского, при всем своем остроумии и эрудиции его оппонент никак не мог объяснить, откуда вдруг взялась в самодержавной, по его мнению, Москве такая сногшибательная

конституционная «новость», по сути, перечеркивавшая всю его полемику.

Для замечательного правоведа Сергеевича это навсегда осталось загадкой. Латентные ограничения власти он высмеивал беспощадно, но тут ведь черным по белому – и с печатью... Поистине, как мстительно заметил Ключевский, «наша уверенность в достаточном знакомстве с историей своего государства является преждевременной».

Такое вот получилось «нападение».

* * *

Как видим, в отличие от своих – и наших – современников, Ключевский знал, что делать (вспомните эпиграф) «с обработанным им материалом». Однако не удалось ему сокрушить тезис Карамзина. Как показала дискуссия в «Либеральной миссии», не удалось это спустя столетие и мне. Такова власть идей. И не слабеет, как видим, сопротивление «цеховых».

Но куда живо в России самовластье, так и будут, я уверен, выходить на арену все новые и новые ученики Ключевского. И в конце концов, исполнят они завещание своего великого наставника: сокрушат это идейное подспорье самовластья. У меня, во всяком случае, нет в этом сомнений.

Приложение 3

ВИЗАНТИЙСКИЕ УРОКИ

Рядовым зрителям, знающим историю хотя бы в объеме средней школы, фильм «Гибель империи – византийский урок» (был такой в 2008 году на РТР) показался, боюсь, не просто оскорбительным, издевательским. Главным образом потому, что его автор, ныне епископ Тихон (Шевкунов), «лубянский духовник» и постоянный член Изборского клуба, вел себя так, будто и за людей их не держит. На интеллектуальном уровне, однако, фильм вызывал скорее удивление. Коли гибель Византийской империи, случившуюся полтысячелетия назад, сочли на телевидении столь неотложной, то почему **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ** ее уроки в фильме даже не упомянуты? Тем более что уроки эти сегодня и впрямь необыкновенно актуальны?

Давно оттремели и знаменитая путинская «рокировка», и отчаянный его призыв «умереть под Москвой»; высохли, легендой стали слезы Путина на Манежке. Но проблема «преемника», из-за которой и слезы случились, и призыв, и которая вылилась в несостоявшуюся революцию среднего класса 2011 года, жива.

И, отдадим ему должное, епископ Тихон эту революцию в известном смысле предсказал в своем «документальном» авторском фильме. Предсказал, похоже, даже больше. В частности, то, что у путинской России НЕТ БУДУЩЕГО.

Нет, не благодаря какому-то особому прогностическому дару предсказал. Просто тем, что неосторожно представил Россию преемницей Византийской империи, нечаянно поставив тем самым в порядок дня роковую для этой империи – и для России – проблему «преемничества власти». Поэтому, собственно, и вспомнил я об этом забытом фильме. И раз уж вспомнил, попытаюсь объяснить читателю его действительный смысл, о котором, похоже, не подозревает и сам бедный епископ.

Цивилизованная империя и варварский Запад

В принципе, содержание фильма элементарно. Если Западная Римская империя не устояла под натиском варваров, то Восточная (в просторечии, Византия) устояла и оказалась, согласно отцу Тихону, оплотом мировой цивилизации на тысячу лет. Устояла она, говорит он к безмерному удивлению зрителей, благодаря... «стабфонду», который, подобно Путину, учредили ее императоры, но главное, потому что выстроили они «жестко централизованную бюрократическую вертикаль власти» и обезвредили олигархов (сослав одних «в самые отдаленные тюрьмы империи» и вынудив других искать убежища на варварском Западе).

Именно в этих сегодняшних терминах предпочел отец Тихон обсуждать глубоко средневековую реальность (первым императором Византии был Аркадий, правивший с 395-го по 408 год н.э., последним – Константин XI Палеолог /1449–1453). И так, уверен епископ, все и продолжалось бы еще тысячу лет, когда бы не слабость «преемников» и интриги Запада, отчаянно завидовавшего богатству и благополучию процветающей православной империи. Ох уж эти «преемники»! В них-то главная беда, оказывается, и была.

Позвольте, мог спросить зритель, какие именно «преемники»? Их за тысячу византийских лет были десятки. О каких из них речь? Тут-то ларчик и открывается. Не о Византии, как

уже догадался читатель, рассказал нам епископ, а о России. О самой что ни на есть современной, о путинской. Недаром же показали фильм в тот момент, когда Путин обдумывал, идти ли ему на третий срок или решиться на «рокировку» (то есть на четыре года передать власть преемнику). Епископ Тихон был за третий срок. Более того, полагал, что преемник, кто бы он ни был, приведет страну, чего доброго, к революции – и к гибели. И доказать это он почему-то захотел именно на примере Византии (хотя понятия о ней, как мы скоро увидим, не имел).

Это они, «преемники», убеждает он Путина, понятно, думаю, что фильм был сделан и показан для ОДНОГО зрителя, открыли рынки западным корпорациям, они привечали «олигархов», они допустили расхищение «стабфонда», они не смогли противостоять развращающему влиянию западной культуры, хотя откуда бы взяться этой культуре на варварском еще Западе(?), а в результате не удержали и драгоценную «вертикаль власти».

На самом деле епископ Тихон, я подозреваю, исходил вовсе не из византийской, а из советской истории, из того, как за считанные десятилетия превратили «преемники» Сталина могущественную империю в колосса на глиняных ногах. Представьте, сколько вреда могли они нанести за тысячу лет Византийской империи! Что с этим делать, однако, епископ не знал. Да и никто не знает. Просто потому, что не было у византийских императоров, как и у советских генсеков, долгосрочного решения этой зловердной проблемы. В конце концов, и базилевсы, как именovali себя императоры, и генсеки, никуда не денешься, были смертны. Как же без преемников?

Но краткосрочное-то решение есть, уверял Путина епископ, зачем передавать власть «преемнику» при жизни? Византийский опыт свидетельствует, по его мнению, что такое решение смертельно. Тем более что ни к чему так рисковать в постсоветской России. Да, говорил он, в Византии «менялись императоры каждые четыре года – и можно ли было за такой срок поднять страну?». В этом и состоит, согласно Тихону, «византийский урок»: откладывайте решение проблемы, насколько возможно – на три срока, на четыре, на пять...

Тут, правда, некоторая неувязка. Кратковременные царствования и впрямь случались в империи. Но редко (по моим подсчетам, всего в одиннадцати случаях из 87!). Чаше затягивались они надолго. Юстиниан I, например, правил с 527-го по 565-й, Лев VI (Философ) – с 886-го по 912-й, Василий I (Македонянин) – с 867-го по 886-й, даже Михаил III (по прозвищу Пьяница) – с 842-го по 867-й. В среднем, однако, царствовали базилевсы, как полагают эксперты, по 13 лет, то есть не больше трех президентских сроков, если принять аналогию, предложенную епископом Тихоном.

Как бы то ни было, этот «византийский урок» (четырёхлетний срок царствования) остается на его совести: взят с потолка, ничего подобного в Византии не было, да при цезаризме (так назывался тамошний политический строй) и быть не могло. Но даже будь епископ Тихон прав, ничего, в принципе, от числа президентских сроков не зависело. От проклятой проблемы ненадежности «преемников» все равно было не уйти. Ни в давно почившей Византии, ни в современной России.

Прав епископ в другом: резали друг друга базилевсы нещадно. Подсчитано: 50 из них были ослеплены, задушены или утоплены. Поделите 1000 лет на 50 – получится, что случалось это каждые двадцать лет! И впрямь, как видим, цивилизована была православная империя, так восхитившая епископа Тихона. Но даже на таком мрачном фоне выделяется царствование императрицы Ирины в конце VIII века. С 780-го по 790-й она была регентшей при малолетнем Константине VI. Царствовал он, однако, когда вырос, сравнительно недолго (меньше двух президентских сроков): в 797-м Константин был ослеплен по приказу Ирины. Собственного сына не пожалела – так велик был призывный клич власти. И все лишь для того, чтобы в 802-м сама Ирина была задушена по приказу «преемника» Никифора I. В этой практически непрерывной резне базилевсов и состоит, по сути, первый действительный византийский урок. Ясное дело, о нем в фильме ни полслова.

Но и этого, думаю, достаточно, чтобы убедиться, как сильно отличалась политическая культура воспетой в фильме православной империи от культуры еретического (и варварского)

Запада. Было, однако, еще нечто, в чем она от Запада роковым для нее образом отставала.

Главный византийский урок

Я имею в виду то, что проблема преемственности власти, так и не решенная в Византии за тысячу лет, на Западе была решена. Безусловно, преодоление исторической инерции и ему далось непросто. Идея империи, завещанная Римом, жила в умах еще долго. В 800-м году современник Ирины Карл Великий был венчан в Риме императором Запада. Но в отсутствие «вертикали власти» ничего из этой затеи не получилось, и уже внуки Карла разделили империю. И хотя один из них (Лотарь I) сохранил титул, будущее Западной Европы определяли, начиная с Верденского договора 843 года, национальные государства, власть в которых **передавалась по наследству**. Никаких, иначе говоря, «преемников».

В двух словах, ход истории обнаружил, что существуют лишь два надежных способа решения проблемы преемственности власти. Одним из них и была наследственная монархия, другим, как выяснилось позже, – демократия. Но Византия, как и ее преемница, пошла своим, «особым» путем.

Томас Пейн, идейный вдохновитель американской республики, писал незадолго до смерти, что «решающее преимущество демократии, благодаря которому и превосходит она все другие формы правления», заключается не в том, что она гарантирует «правильные» решения, но в том, что она «дает возможность гражданам ПЕРЕСМАТРИВАТЬ свое суждение относительно качества и непредвиденных последствий этих решений». Иначе говоря, «дает им возможность исправить совершенные ими самими ошибки и отвергнуть политику, на которую они однажды согласились».

Что же касается времен Византийской империи, то до этого, самого совершенного из решений проблемы преемственности власти, должны были пройти века и века. Еще тысячелетие суждено было человечеству обходиться наследственной монархией. Но то обстоятельство, что Византия оказалась не в состоянии доработаться и до этого решения, предпочитая

ему в **подавляющем большинстве** случаев институт «преемничества», несомненно, указывает, что она была исторически обречена. Удивительно ли, что пренебрег епископ Тихон этим главным византийским уроком?

Между тем из урока этого следует, что делать выбор после Путина придется и России. Иначе пропадет, как Византия. Просто потому, что институт «преемничества» ведет страну, как нечаянно продемонстрировал отец Тихон, к гибели. И выбирать придется между наследственной монархией и общепринятой демократией. Третье, похоже, дано сегодня лишь конфуцианскому Китаю. И то неизвестно, надолго ли.

Последний византийский урок

Между тем русские мыслители самых разных направлений понимали гибельность византийского пути еще в XIX веке. Именно это имел в виду П. Я. Чаадаев, когда упрекал свою страну в том, что «мы обратились к жалкой, всеми презираемой Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания». Ясное дело, либеральный мыслитель – не авторитет для епископа Тихона. Но вот отзывы из дневника несомненного консерватора акад. А. В. Никитенко. 9 ноября 1843 года он записал: «О, рабская Византия! Ты сообщила нам религию невольников! Проклятье на тебя!» И снова 20 декабря 1848-го: «Наши патриоты не имеют понятия об истории... не знают, какой воню пропахла православная Византия». Разница между либералом и консерватором оказалась, как видим, невелика.

Чего, однако, не могли представить себе ни Чаадаев, ни Никитенко, так это непроходимую геополитическую тупость базилевсов, в особенности в последние века империи, когда судьба ее висела на волоске. Конечно, приходилось им воевать и с арабами, и с персами, но главную угрозу они (за единственным исключением Михаила VIII) неизменно, до самых последних десятилетий, усматривали в «латинском» Западе. Гроза между тем надвигалась, правы школьные учебники, именно с Востока. Начиналось второе нашествие варваров, и на этот раз путь его проходил через Византию.

Уже в 1300 году, за полтора столетия до гибели империи(!), оттоманские турки отняли у нее большую часть Малой Азии. А для Византии это означало примерно то же, как если бы у России отняли Сибирь. Из великой евразийской державы она вдруг превратилась в «геополитического карлика», как по-генеральски именуют сегодняшние национал-патриоты восточно-европейских соседей России. Впрочем, в фильме епископа Тихона опять-таки нет ни слова об этом катастрофическом событии, как и вообще об угрозе с Востока.

О последнем крестовом походе, в ходе которого крестоносцы разграбили Константинополь, рассказано подробно. Читатель, я думаю, догадался почему. Во-первых, крестоносцы были «еретики-латины», а «латинов» епископ ненавидит не меньше какого-нибудь базилевса. Во-вторых, озабочен он, как мы видели, совсем другим – судьбой «вертикали власти», если попадет она в руки преемника. До Малой Азии ли ему было?

Так или иначе, отвоевать ее базилевсы не смогли. Еще очевиднее стала угроза с Востока в 1352 году, когда турки переправились через Дарданеллы в Европу и уже два года спустя захватили Галлиполи, а еще через семь лет – Адрианополи. Смертельные оттоманские клещи сомкнулись вокруг Константинополя. И судьба его могла быть решена еще тогда, за много десятилетий до конца, если бы турки, словно играя с византийцами в кошки-мышки, не решили сначала завоевать Балканы.

В 1389 году они разгромили на Косовом поле сербов, три года спустя завоевали Македонию и еще через четыре года Болгарию. Турция стремительно вырастала в европейскую сверхдержаву. Трудно себе представить, чтобы сдержать ее натиск на Византию в XV веке смогла бы даже объединенная Европа. Во всяком случае, она не сумела защитить не только православный Константинополь, но и католический Будапешт, и два общеевропейских ополчения, посланных Папой на выручку Константинополю, были уничтожены турецкими янычарами.

Но ведь до 1362 года у турок даже янычарского корпуса еще не было. Короче говоря, в середине XIV века – вот когда следовало думать об угрозе с Востока. Тогда и нужно было создавать единый фронт с Европой, развивая успех первого из Палеологов, Михаила VIII. В этом случае можно было бы,

по крайней мере, использовать редкую историческую удачу: в 1402 году Тамерлан наголову разгромил турок в битве при Анкаре, заперев султана Баязида I в железную клетку, которую долго возил с собой. Вот когда еще можно было совместными усилиями отбросить оттоманов обратно в Азию.

Увы, византийские вдохновители отца Тихона, уверенные, как и он, в «необъяснимой и генетической ненависти Запада к православной империи», и думать о едином фронте с Европой не желали. Почти до самого конца борьба с «латинами» была для них важнее выживания своей страны. Очнулись, когда было уже поздно и помощь Европы ничего больше изменить не могла. Так и привели они империю к гибели.

Таков был последний византийский урок. Право, очень уж надо не любить свое Отечество, чтобы желать ему ту же гибельную геополитику и, стало быть, ту же судьбу. При всем том, частично смягчает вину епископа предсказание, пусть нечаянное, что комбинация такой геополитики с неразрешимой проблемой «преемственности власти» лишает путинскую Россию будущего.

В ДРУГОЙ РЕАЛЬНОСТИ?

Нельзя сказать, что недавняя публикация Сергея Лаврова в журнале **«Россия в глобальной политике»** («Историческая перспектива внешней политики России») вызвала хоть сколько-нибудь серьезный интерес в российских СМИ. Даже в издании, где появилась статья, сопровождали ее (на момент написания этих строк) лишь два (!) комментария, да и те сводились к дежурному «Спасибо, Сергей Викторович!». Между тем обращение министра иностранных дел России к ее истории – событие незаурядное и заслуживает, казалось бы, тщательного и подробного анализа. Но его не было. Мне он, во всяком случае, не встретился. Что, согласитесь, в принципе, странно: просто интересно ведь узнать, что думает о прошлом своей страны один из высших ее руководителей. Но не заинтересовались почему-то опусом министра серьезные мыслители в России, а несерьезные отнеслись к нему иронически. Почему?

Ниже я попытаюсь ответить на этот вопрос, пройдя вместе с автором спектр проблем, возникавших на протяжении русской истории. Пока что лишь первое впечатление: опус Лаврова внушает некоторое подозрение по поводу того, в одной ли с ним реальности мы с читателем обитаем. И слишком уж часто эти подозрения перерастают в сомнения. В смысле, не похоже...

Несмотря даже на то, что тезис, которым Лавров открывает свой опус, касается действительно важнейшей проблемы. «На протяжении, по крайней мере, двух столетий, – говорит он, – любые попытки объединить Европу без России неизменно заканчивались трагедией». Подтекст прозрачен: не пришло ли время объединиться, избежав новой трагедии? Я не знаю никого, кроме разве членов Изборского клуба, уверенных в «необъяснимой и генетической ненависти Запада к православной империи», кто не приветствовал бы такой тезис.

Мне уже случалось писать, что невозможность включить Россию в Европейское сообщество – открытая рана Европы, и что глубокая экзистенциальная тоска по единству с Россией

пронизывает европейскую историю на протяжении столетий. Тем более необходимо это единство России, которая, судя по совершенно здравому суждению Лаврова, «по глубинной своей сути является одной из ветвей европейской цивилизации».

Мало того, даже в пределах этой завершающей «Русскую идею» книги у нас была возможность убедиться в том, до какой степени судьба русской культуры зависела от ее открытости Европе. Мы видели, как отрезанная от своих цивилизационных корней Московия XVII века превратилась в культурного изгоя, в страну Кузьмы Индикоплова (см. Приложение 1). Но видели мы также, как открытая Европе Россия XIX века оказалась в буквальном смысле культурной сверхдержавой (см. главу 1 «А счастье было так возможно...»). Чтобы не осталось сомнений, сошлюсь снова на Владимира Вейдле, на которого не раз ссылался: «В том-то и дело, что Толстой и Достоевский, Мусоргский или Соловьев глубоко русские люди, но в такой же мере они и люди Европы. Без Европы их не было бы». Тем более что совершенно европейскими поэтами были уже Пушкин, Лермонтов и Боратынский.

Таков жестокий парадокс, на который Лавров, отдадим ему должное, обращает наше внимание: Россия нужна Европе, Европа нужна России – одна цивилизация, а объединиться на протяжении столетий они не могут. До сих пор у нас с автором нет разногласий. Расходимся мы с ним по разным реальностям лишь по поводу ПРИЧИН, из-за которых объединение оказалось невозможно. Лавров настаивает, что причина была ОДНА: многовековые «попытки европейского Запада полностью подчинить русские земли, лишить нас идентичности».

Это и вызывает подозрение, с которого я начал. По трем причинам. Во-первых, автор не привел ни одного серьезного аргумента, который свидетельствовал бы, что европейский Запад действительно пытался лишить Россию ее идентичности. Даже во времена ига, когда Русь лежала простертая под копытами монгольских коней. Нельзя же сказать, что две-три сотни тевтонских рыцарей, с которыми сражался на льду Чудского озера Александр Невский, покушались на идентичность огромной страны. Да и языческая (позднее католическая) Литва, сумевшая, в отличие от Руси, отстоять свою независимость от монгольских завоевателей, претендовала лишь на ее западные

земли (сегодняшние Белоруссию и Украину), а отнюдь не на весь протогосударственный конгломерат варяжских княжеств и вечевых городов, который, собственно, и был тогда Русью.

Во-вторых, на протяжении столетий Россия все-таки была континентальной империей, числившей среди своих завоеваний, в отличие от западных империй, не одни лишь заморские территории, но и европейские страны. И время от времени пыталась она лишить идентичности ИХ. Что, естественно, вызывало возмущение и отчуждение ее западноевропейских соседей. В-третьих, наконец, Россия не раз сознательно отказывалась от объединения с Европой, соглашаясь на него лишь на своих условиях, а именно, что ЕВРОПА откажется от своей идентичности. Так было на протяжении всего XVII века, когда Московия соглашалась объединиться лишь в случае, если бы Европа... приняла православие. Так повторилось в XX веке, когда Россия решила «строить социализм в одной отдельно взятой стране». Без сомнения, тогда она готова была объединиться, но лишь в случае, если Европа тоже принялась бы строить социализм. Короче, причины невозможности объединиться были, но ни одна из них не имела ничего общего с тем, о чем говорит Лавров.

Вот вам и объяснение, почему лавровский опус не заинтересовал серьезных мыслителей в России. Потому, что выглядит он лишь очередной попыткой подтвердить правоту сегодняшней оголтелой «антигейропейской» пропаганды обходным путем, через прошлое (Лавров начинает свое повествование с крещения Руси). Кто же, право, примет всерьез пропагандистский примитив, который ты каждый день слышишь по всем центральным телеканалам? Первое же обращение к истории это продемонстрирует. Один, взятый наудачу, пример.

Под идентичностью Лавров имеет в виду «право русского человека иметь свою веру». Так вот, 1863 год. В очередной раз тогда поляки поднялись против империи. А вера в ту пору была у русского человека, как мы знаем, имперская. И восстание, конечно, потопили в крови. И в адрес русского царя полетели поздравительные послания от дворянских собраний и городских дум, от Московского и Харьковского университетов, от крестьянских обществ и старообрядцев. Возмущение наглостью поляков, требовавших независимости от империи,

было поистине всенародным. Поднялась против них страна – от Москвы до самых до окраин. И классик русской литературы Тютчев неистовствовал:

В крови до пят мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

И влиятельнейший тогда редактор «Русского вестника», можно сказать, теневой министр иностранных дел России Михаил Катков так это обосновывал: «История поставила между двумя этими народами (польским и русским) роковой вопрос о жизни и смерти. Эти государства не просто соперники, но враги, которые НЕ МОГУТ ЖИТЬ ВМЕСТЕ ДРУГ С ДРУГОМ, враги до конца». Приговор был произнесен: покуда жива Россия, независимой Польше не быть, аминь! А если не быть Польше, то к чему ей идентичность? И ударили каратели в самое сердце польской культуры, лишили ее языка и веры. Родной язык в школах был запрещен, даже в начальных классах детей учили по-русски. Национальная церковь была уничтожена, ее имущество конфисковано, монастыри закрыты, епископы уволены. То, что в 1863 году Россия делала с Польшей, Герцен назвал «убиением целого народа».

Делал когда-нибудь с Россией что-нибудь подобное Запад? Никогда. А Россия делала. Услышите вы об этом по центральным каналам российского телевидения? Узнаете вы из статьи Лаврова о причинах невозможности объединиться с Европой что-нибудь, кроме многовековых «попыток европейского Запада... лишить нас идентичности»? Не узнаете. Тут, признаюсь, подозрения мои решительно перешли в сомнения.

Но если эти мифические «попытки» не могли быть причиной трагического непонимания между Россией и Европой, то что могло? Несходство ценностей, например, могло. Поясню. Возможна ли нормальная семья, в которой муж, допустим, ратует за самовластье, а жена – за свободу? Точно так же обстоит дело и с европейской семьей. Или, говоря в терминах Лаврова, с «формированием общего экономического и гуманитарного пространства, простирающегося от Атлантического до Тихого океана» (все цитаты, если это специально не оговорено, взяты из статьи Лаврова). Но это «общее пространство» немислимо, пока одна сторона настаивает «на своем собственном

уникальном пути», на Sonderweg, как называли это когда-то немцы. То есть на пути, суть которого – несвобода.

Собственным путем идет, конечно, каждая страна. Другое дело – Sonderweg. На протяжении двух столетий на нем, как мы знаем, настаивала Германия. Результатом были две мировых войны, разгром, голод, оккупация, раздел страны. Все это катастрофически наглядно продемонстрировало невозможность единства Германии с «европейским Западом», покуда настаивала она на своей «уникальности». Но, судя по статье Лаврова, именно не ней настаивает и сегодняшняя Россия. Не желает учиться на чужих ошибках.

Спору нет, «русский народ имеет собственную культурную матрицу, свою духовность», говоря словами Лаврова. Но если автор так самозабвенно ратует за «общее гуманитарное пространство» с Европой и признает, что «по глубинной своей сути Россия является одной из ветвей европейской цивилизации», уместно ли гордиться тем, что русский народ «никогда не сливался с Западом»? В конце концов, и немецкий народ имеет ведь «собственную культурную матрицу и духовность». Но разве это помешало ему после Второй мировой войны, после того, как осознал он свою роковую ошибку, «слиться с Западом»? И разве хоть сколько-нибудь пострадала из-за этого его «культурная матрица»?

«Слиться с Европой», как мы помним, еще два столетия назад завещал своему народу Петр Яковлевич Чаадаев (см. главу 1 «Европейский выбор России» в первой книге). Подумайте, сколько горя избежала бы Россия за эти страшные для нее столетия, послушайся она одного из мудрейших своих учителей! Тем более что «культурная матрица» Германии расцвела после «слияния». Всего-то и понадобилось ей для этого расстаться с гибельным своим Sonderweg. Увы, судя по статье Лаврова, ничего подобного не входит в планы России. И тут уже не до сомнений, тут пришла уверенность: мы и впрямь живем в разных реальностях.

«Непрерывность истории»?

Так неосторожно Лавров озаглавил первый же (после Введения) параграф своего опуса. Поначалу очевидное: «Продуманная политика не может существовать без исторической

перспективы» (следовало, конечно, сказать «ретроспективы», раз уж «исторической», но это, надо полагать, редакторская недоделка). Суть в том, что дальше речь вовсе не об опоре на исторический опыт, а о том, как всю дорогу, то есть непрерывно, шагала Россия от победы к победе. Вот что дальше.

«Обращение к истории тем более оправданно, что в последний период отмечался целый ряд юбилейных дат. В прошлом году мы праздновали семидесятилетие Великой победы... В 2012 году отмечалось двухсотлетие Бородинской битвы, а также четырехсотлетие освобождения Москвы от польских захватчиков». Ну и Sonderweg, разумеется, не забыт: «Если вдуматься, эти вехи недвусмысленно свидетельствуют об особой роли России в европейской и мировой политике». Ясное дело, об «особой», какой еще может быть роль, если речь о России? Но правда ли, что ее исторический опыт сводится исключительно к военным победам?

И дело не в том, что поражений, начиная с битвы на Калке, и до Аустерлица, Крымской войны и Первой мировой, было в русской истории, как и в любой другой, ничуть не меньше, чем побед. В этом как раз ровно ничего «особого» нет. Дело в том, что сводить судьбу страны к военным метафорам – занятие непродуктивное вообще, а для дипломата в особенности. Даже к изменению политических форм эта судьба не сводится. В этом смысле Россия, конечно, не Франция. Там – мельтешение форм, калейдоскоп. За последние два столетия: абсолютизм, конституционная монархия (дважды), империя (дважды), республика, не говоря уже, что была республика парламентская, а сейчас президентская. Право, будь у Франции свой Тютчев, он наверняка сказал бы, что умом французов не понять. Ветреный народ.

В этом, политическом, отношении Россия и впрямь монохром: с XVI по XIX столетие – самодержавие. В XX веке после перерыва на несколько лет его сменил цезаризм. Разница между тем и другим лишь в том, что самодержавие наследственное, а цезаризм вернулся к византийской практике «преемничества» (см. Приложение 3 «Византийские уроки»). В конце XX века и в начале XXI опять перерыв на полтора десятилетия – и снова цезаризм. По сравнению с Францией, согласитесь, скука. Всё самовластье да самовластье.

Однако совсем иначе выглядит русская история, если ее сравнить с европейской по главному параметру – по числу

политических катаклизмов и полному обвалу самого духа государственности, по смене живых, развивающихся режимов – мертвыми, тупиковыми. По числу случаев, когда русскому человеку приходилось буквально начинать жизнь с чистого листа. Я уже писал об этом подробно в трилогии и не раз касался этого в «Русской идее». Здесь могу лишь, суммируя, перечислить.

Сравните живое Московское государство Ивана III с его нестяжателями и первой Великой реформой 1550-х (см. Приложения 1 и 2), доимперское, докрепостническое и досамодержавное (1480–1560) со снулой и тупиковой Москвией (1613–1700), в которую после бурь Смутного времени вылилась самодержавная революция и диктатура Грозного царя. Сравните ту же ПОЛУмертвую Московию с живой и развивающейся петровской Россией (1700–1917). Сравните эту петровскую Россию с заново отрезанной от Европы и тупиковой, подобно Московии, сталинской империей (1929–1991), в которую вылилась большевистская революция, с самого начала обрекавшая Россию на ЕЩЕ ОДИН гигантский катаклизм. Сравните, наконец, веселую, открытую миру свободу времен горбачевской гласности с унылой, изгойской сегодняшней Россией. Сравните их – и увидите *четыре* совершенно разные страны!

Вот почему так поверхностно и легкомысленно выглядит лавровская «непрерывность истории», основанная на юбилейных датах. На самом деле русское прошлое было образцом «прерывности», если можно так выразиться, абсолютным по ней чемпионом, кладбищем надежд. А Лавров ничего об этом не знает. Или делает вид, что не знает.

Даже о таком ключевом событии русского прошлого, как «разрыв» между Москвией и петровской Россией, он, в отличие от своих коллег, петровских и екатерининских дипломатов, не упомянул. Ни о том, что 21 сентября 1721 года канцлер Гавриил Головкин так сформулировал заслугу Петра: «Его неусыпными трудами и руководством мы ИЗ ТЬМЫ НЕБЫТИЯ В БЫТИЕ ПРОИЗВЕДЕНЫ». Ни о том, что четыре года спустя, уже после смерти Петра, русский посол в Константинополе Иван Неплюев высказался еще более определенно: «*Сей монарх научил нас узнавать, что и мы люди*». Ни о том, что полвека спустя это дерзкое суждение подтвердил екатерининский министр

иностранных дел Никита Панин: «Петр, выводя народ свой из невежества, ставил уже за великое и то, чтобы уравниать оный державам второго класса». Ну, не сговорились же все эти коллеги Лаврова, право, оклеветать Московию.

А вот что пишет Лавров: «Запрос на модернизацию с использованием европейских достижений отчетливо проявился уже при царе Алексее Михайловиче, а Петр I... сумел выдвинуть Россию в разряд ведущих государств Европы». Не выдвинул в «ведущие» (Панину ли не знать?) и не продолжил Петр дело царя Алексея, а беспощадно «прервал» Московию вместе с ее неуклюжей политикой. Не оставил в этом ни малейших сомнений и Василий Осипович Ключевский. Вот его свидетельство: «Московское правительство в первые три царствования новой династии производит впечатление людей, случайно попавших во власть и взявшихся не за свое дело. При трех-четырех исключениях все это были люди с очень возбужденным честолюбием, но без оправдывающих его талантов, даже без правительственных навыков, заменяющих таланты, и, что еще хуже, **совсем лишенные гражданского чувства**». И впрямь, будто не о Московии, а о путинской России речь!

Можно было бы, собственно, на этом и прервать печальную повесть об ошибках Лаврова, связанных с «непрерывностью истории», если бы не шли эти ошибки по нарастающей по мере приближения к нашим дням. И чем ближе, тем больше граничат они с откровенной фальсификацией прошлого. Это настолько очевидно, что читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с историей Отечества, увидит это самостоятельно.

Без моего вмешательства

1. Причиной Крымской войны объявил Лавров «стремление вытолкнуть Россию на европейскую обочину, которым был одержим Париж в период правления императора Наполеона III». Война, выходит, была между Россией и Францией? Что же в таком случае привело в Крым главную ее застрельщицу Англию и Сардинское королевство, и Турцию? Откуда «великий перепуг» в Европе (см. главу 15 «После Путина»)? Разве не из-за попытки Николая I расчленить Османскую империю? Разве

Париж отдал приказ уничтожить турецкий флот и оккупировать придунайские княжества (см. главы 9–10 «Последняя ошибка царя» в первой книге)? И разве в итоге не чистой воды фальсификацией оказывается объяснение Лаврова?

2. Еще ближе к нашим дням: «Если честно смотреть на положение небольших европейских государств, которые раньше входили в Варшавский договор, а теперь в НАТО и в ЕС, то очевидно, что речь должна идти не о переходе от подчинения к свободе... а скорее о смене лидера». Какой прелестный эвфемизм! Тем более что ни в какое сравнение новый лидер не идет со старым хамоватым хозяином, который, если что не так, тотчас порядок наводил, будь то у венгров в 1956-м или у чехов в 1968-м, или у поляков в 1980-м. Ни в жисть не дожدهшься такого от нового лидера. А кому нужна свобода, если порядка нет? Что за жизнь без хозяина? И все это на голубом глазу – «если честно посмотреть».

3. Разоблачаем, естественно, Фрэнсиса Фукуяму, который провозгласил «окончательную победу либерально-капиталистической модели». Бедный гегельянец Фукуяма слишком буквально следовал указаниям наставника и ошибся, конечно: победа не была окончательной. Невозможно было во времена Гегеля предвидеть ни ближневосточные деспотии, ни иранскую теократию, ни китайскую авторитарно-капиталистическую модель. В тогдашнем европоцентричном мире все эти страны были безнадежно периферийными, как «геополитических субъектов» их в ту пору попросту не существовало.

По поводу Европы и России, однако, угадал-то Фукуяма точно. Они и впрямь приняли либерально-капиталистическую модель окончательно. Или Лавров в этом сомневается? Полагает, что России, подобно коммунистическому Китаю, следует принять авторитарно-капиталистическую модель?

Идеологи Изборского клуба именно так и думают. Но они в оппозиции к нынешней власти, называют ее национал-предательской, замышляют против нее консервативную революцию (см. главу 6 «Консервативная революция?»). Но Лавров-то с кем: с властью или с изборцами? Если с властью, то зачем разоблачает Фукуяму? Ведь власть как раз и уверяет мир, что Россия НЕ приняла авторитарно-капиталистическую модель, что у нас есть

«Эхо Москвы» и «Дождь» и, стало быть... свобода! То есть уверяет, что относительно Европы – и России (!) – Фукуяма все предсказал правильно. Откуда же путаница? Зарапортовался Лавров?

4. И совсем уж фантастически на этом фоне звучит его торжествующая тирада: «Можно воспринимать в качестве «медицинского факта» множественность моделей развития, что исключает унылое однообразие в рамках единой – западной – системы координат». Тут уж ничего не остается, кроме как спросить: в какой именно реальности обитает министр? Потому что в той, где обитаем мы с читателем, никакой «множественности моделей развития» и в помине нет. Похожи ближневосточные деспотии или иранская теократия на «модели развития»? Что еще? Агонизирующая Венесуэла? Зимбабве? Северокорейская коммунистическая монархия? Это «модели развития»? Только и свету в окошке, что Китай. Да и тот работает на заимствованных технологиях и политически не пошел дальше привычной для нас брежневской модели – однопартийной системы с коллективным руководством и доминирующим генсеком. Той самой, между прочим, что довела до гибели СССР. Это ли новая «модель развития»?

И в завершение лавровского опуса, как вишенка на торте, – ссылка на Ивана Ильина, единственного из эмигрантских философов, который с энтузиазмом встретил гитлеровскую революцию 1933 года (см. главу 4 «Чей преемник Путин?»). Неужто и этого не знает Лавров?

У меня нет здесь возможности следовать за ним по всем закоулкам русской истории (статья огромная). Но и того, на что я сослался, кажется, довольно, чтобы объяснить, почему не заинтересовала она серьезных мыслителей в России, тем более на Западе, а несерьезные отнеслись к ней иронически.

* * *

Печально, что приходится завершать свой отзыв на такой прискорбной ноте. Но ведь и начинался он невесело. Такая у нас страна. И, судя по статье Лаврова, все еще не готова она принять завет Чаадаева, все еще не готова учиться на чужих ошибках. Но сам уже факт, что не приняли его пропагандистский опус всерьез, свидетельствует, что есть еще порох в чаадаевских пороховницах, что еще не вечер.

ЛИШНИЕ ЦЕННОСТИ. ОТВЕТ ВЛАДИСЛАВА ИНОЗЕМЦЕВА НА ГЛАВУ «ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ»

Опубликованная в «Снобе» заключительная (вероятно) глава новой книги Александра Янова посвящена обсуждению вопроса о ценностях, хотя на деле касается массы не столько смежных, сколько имеющих весьма отдаленное отношение к теме вопросов. Однако проблема, заявленная в ее заглавии, так важна, что мне хотелось бы высказаться на ту же тему, но несколько более тезисно.

Я, признаюсь, не согласен практически ни с чем из изложенного уважаемым оппонентом, и поэтому не буду касаться отдельных разногласий – внимательный читатель отследит их сам, – а изложу свое видение темы, которая не кажется мне очень запутанной.

Мне, разумеется, не слишком льстит быть отнесенным (по классификации Александра Львовича) к путинистам и изборцам, но начну я с того, что, как и они, так же не разделяю пиетета перед «ценностями». По трем, как минимум, причинам. Во-первых, понятие ценностей крайне аморфно само по себе: причислять ли к ним, например, религиозные, идеологические, или иные подобные убеждения? Если да, то да сохраняют нас высшие силы от наступления «эпохи ценностей»; если нет, тогда о чем вообще речь? Во-вторых, являются ли ценности коллективными или они сугубо индивидуальны? На мой взгляд, это ключевой вопрос для всякого обсуждения этой темы, и я склоняюсь ко второму ответу, который во многом девальвирует любые дискуссии в данной сфере. В-третьих, где проходит граница между ценностью и, самое важное, нормой? Так называемые христианские ценности – это заповеди, когда-то данные Моисею на горе Синай. Не будем их повторять (Втор., 5: 6–21) – но напомним несколько следующих строк Священного Писания: «Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь,

Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали [так] в той земле, в которую вы идете.; дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления Его и заповеди Его, которые заповедую тебе, соблюдал ты и сыны твои и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои (курсив мой – Прим. автора)» (Втор., 6: 1–3). В этом отрывке предельно четко сказано, что указанные наставления преподаны как норма, а не «ценность», и это кажется мне очень важным.

По мере прогресса цивилизованности значительное число норм стало восприниматься как нечто естественное – и именно здесь и перешло в «статус» ценностей. Однако во все века человеческой истории можно найти страшные примеры того, как цивилизованность улетучивалась, а считавшиеся устоявшимися «ценности» (например, гуманизм) заменялись новыми (такими как идея чистоты нации). При этом параллельно на протяжении всей истории кристаллизировалось и понятие интересов – личных, корпоративных (в широком смысле слова) и государственных. Сегодня многие проблемы возникают от того, что мы не умеем различать ценности и нормы, интересы и, например, амбиции. Когда Александр Львович утверждает, что Вторая мировая война, в отличие от Первой, была войной за ценности, а не интересы, я лишуюсь дара речи. Во-первых, мне казалось и кажется: конфликт 1914 года был вызван столкновением не интересов (обретение новых территорий уже в то время было для крупнейших держав контрпродуктивным), а амбиций, не более того. Во-вторых, хочется понять, а входили в круг «ценностей» забота о *Lebensraum* и приверженность расовой чистоте – ведь именно данные «озабоченности» запустили маховик великой бойни в Европе, которую мой уважаемый оппонент называет «войной ценностей»? По ходу чтения текста профессора Янова возникает и масса иных вопросов, но не в них суть.

На мой взгляд, важнейшей проблемой современного мира является как раз ренессанс «ценностного» дискурса, который девальвирует понятие ценности, изобретая «ценности» традиционные и либеральные, европейские и общечеловеческие, и много какие еще. В результате, да простят меня многие мои коллеги, – масса дискурсов вырождаются в демагогию.

Я полагаю, что ценности – это такие убеждения, представления и стереотипы, к которым каждый человек приходит индивидуально. Исходя из этого можно утверждать, что единственной универсальной социальной ценностью является свобода – ведь без нее человек не может ни определить остальные свои ценности, ни следовать им. Ответом общества на свободу человека являются нормы – установления, ограничивающие ее так, чтобы проявления свободы одних людей не наносили вреда другим. Чтобы нормы соблюдались, они должны в значительной мере соответствовать человеческим интересам, которые проистекают из потребностей – а их совокупность описана и ранжирована в знаменитой «пирамиде Маслоу». Собственно, всё.

В этой «системе координат» современные общества в первую очередь характеризуются подчинением «ценностей» нормам – что я считаю огромным и неоспоримым благом. Сегодня нельзя отправить в газовые камеры тысячи евреев только на основе ценностей «чистоты германской нации». Нельзя также расстрелять сотни крестьян во имя ценностей «революционной целесообразности». Ценности не сплачивают обществ – они их скорее разделяют. Все мы знаем о том, что британский либерализм и французская теория естественного права в XVIII веке

В. Л. Иноземцев

подготовили почву для современной Европы, средоточия цивилизованности. Но всего лишь несколько дней назад Великобритания проголосовала за «развод» с Францией. Что будет гарантировать соблюдение прав европейцев по обе стороны Ла-Манша в ближайшие десятилетия? Не ценности, а нормы.

Россия – цивилизованная европейская страна, какие бы девиации в поведении ее правительства и ее народа ни отмечали наши либералы.

В России, наверное, много не современно мыслящих людей (можно вспомнить, к примеру, законы в отношении сексуальных меньшинств) – но не стоит преуменьшать нашу толерантность (в конце концов, пятьдесят человек в гей-клубе недавно расстреляли не в Перми, а в Орландо). Россияне – представители той же европейской цивилизации, что французы, поляки, канадцы или австралийцы; проблема с нами не в «ценностях», а в нормах: мы не умеем ни устанавливать их, не следовать им. На протяжении более чем двухсот лет каждый високосный год американские граждане направляются на избирательные участки и выбирают президента по одним и тем же правилам; в России за всего четверть века ее относительно короткой истории ни разу парламентские выборы не проводились по тому же регламенту, что и предыдущие. При чем тут ценности?

Какое отношение к ценностям имеет поведение вызывающих у меня никак не меньший восторг, чем у Александра Львовича, украинских патриотов? Если вы живете в стране, которая за четверть века откатилась втрое по уровню жизни по сравнению со своими европейскими соседями; когда при этом с любого своего бизнеса вы платите «дань» президенту-бандиту, а каждое новое правительство становится коррумпированнее прежнего, стоит ли говорить о «европейских ценностях», или же людям достаточно осознать свои самые банальные интересы, заключающиеся в жизни в правовом обществе, сформированном в Европе именно в борьбе против длившейся десятилетиями «ценностной» нацистско-коммунистической вакханалии? А уж если украинцы встают на оборону своей земли столь же героически, как они вставали и в годы Великой Отечественной войны, – то это естественное проявление стремления к защите самого себя и своих близких, которое встречалось в истории и тогда, когда даже слово «ценности» никому не было известно (замечу, что немного странно слышать, будто те же братья-украинцы с одинаковым энтузиазмом воюют якобы «за ценности» сначала на западном фронте, а сейчас на восточном).

Когда «главный международник Совета Федерации РФ Константин Косачев» восклицает, читая Декларацию Совета Европы [хорошо было бы уточнить, какую именно]: «одного не понимаю, причем здесь ценности?», я готов с ним

•
солидаризоваться – и не только потому, что считаю Константина Иосифовича чрезвычайно достойным и европейски мыслящим человеком, но и потому, что все подобные декларации, за исключением никого не интересующих преамбул, содержат четкие обязывающие правовые нормы, с которыми должны согласовываться законы стран – членов Совета Европы. У европейцев и американцев, как принято считать, одни ценности, однако в Европе вот уже несколько десятков лет (и даже в России как члене Совета Европы) нет смертной казни, а в Соединенных Штатах – есть. И я готов вместе с Константином Иосифовичем спросить: Александр Львович, ну при чем тут ценности?

Современный мир цивилизован не благодаря ценностям, а благодаря нормам и интересам. Интересы связывают людей, а нормы позволяют им не переходить тех граней, которые должны были бы охранять – но не охраняют – ценности. Проблема современного мира во многом заключена в том, что ценности в нем стали излишними, но связанная с ними риторика сохраняет свою жизнеспособность и становится разрушительной. Достаточно задуматься о том, что ни одно массовое попрание прав личности – начиная от террористического акта или этнических чисток до ограничения гражданских свобод – никогда не обосновывается следованием норме, но всегда привязывается к ценностям: религиозным, моральным, «традиционным». Нормы могут адаптироваться, чтобы не противоречить некоторым другим; интересы могут сопрягаться для достижения наилучшего результата – однако в вопросах ценностей не может быть компромисса. И что в этой истории пугает меня больше всего – это то, что такое мнение в практически равной мере разделяют и атеистически настроенные либералы, и религиозные фанатики. Как бы я ни хотел увидеть «ценности», которые сближают людей и которые способствуют построению еще более цивилизованного и, следовательно, еще менее конфликтного общества, я их не вижу.

Подведу итог. Известный всем мудрец сказал в свое время: *Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem* – «Не следует множить сущности без необходимости». Ценности – как раз такая сущность, которая раз за разом и изобретается «сверх всякой необходимости». Когда они заложены в отдельных людях,

помогая им делать свой нравственный выбор, они играют важную роль для формирования и развития личности. Однако как только они начинают претендовать на универсальность, они практически неизбежно обретают форму доктрин или идеологий, увлекающих людей на совершение «благих дел», по совокупности ведущих их напрямик в ад. И если обсуждение ценностей было значимо во времена споров Хинеса де Сепульведы с Бартоломео де лас Касасом, так эти эпохи давно прошли – и любое совершенное общество вполне можно построить не на риторике ценностей, а на диалоге интересов, ведущем к формированию норм.

В чем я не прав, Александр Львович?

Александр Янов

ЛИШНИЕ ЦЕННОСТИ? ОТВЕТ НА ОТВЕТ ВЛАДИСЛАВА ИНОЗЕМЦЕВА

Рад, Слава, что Вы не сочли «лишней ценностью», по крайней мере, *свободу*. Рад, что не объявили Вы ее, в отличие от всех других ценностей, которые Вы выпроваживаете из любого конструктивного дискурса, «крайне аморфной» и вообще относиться к ней с почтением. В этом смысле Вы выгодно отличаетесь от тургеневского Базарова, который отрицал ценности скопом.

Но не только Базаров или, скажем, идеолог нигилизма Дмитрий Писарев не согласились бы с Вами. Не согласились бы, с другой стороны, и отцы-основатели Соединенных Штатов, которые почему-то не удовлетворились одной *свободой* в каноне верховных ценностей новорожденного государства и добавили к ней «*стремление к счастью*».

Нет, конечно, в 1770-е не называлось это ценностями. До возникновения аксиологии, науки о ценностях, повторю на всякий случай, оставалось еще больше столетия. Именовалось это «неотъемлемыми правами». Но для тогдашней монархической Европы звучало это такой же абракадаброй, как ценности для Базарова. Законы, постановления, нормы они понимали, но откуда взялись какие-то «неотъемлемые права»? В Библии ничего подобного нет. Не найдете вы в Моисеевых скрижалях упоминания ни о «неотъемлемых правах», ни о «стремлении к счастью», ни – к ужасу для Вас, Слава! – о «свободе». Суровый документ: о выживании Его избранного народа в Земле обетованной в нем речь, не о ценностях.

Но время шло. Происходила... цивилизация. И доросла она до «стремления к счастью». Что, казалось бы, может быть аморфней этого? А вот, поди ж ты, сочли отцы-основатели эту ценность (не назовете же вы ее, в самом деле, «нормой») достойной стоять вровень со свободой. Так двести с лишним лет и стоит.

Но мало того, рождает цивилизация все новые и новые ценности. Вот, к примеру, одна, возникшая на наших глазах.

Я имею в виду такую тривиальную как будто бы вещь, как *сочувствие чужой беде*. Да, на индивидуальном уровне было оно всегда. Но на массовом, международном это и впрямь, согласитесь, новость. Вот же только что приняла Европа массу обездоленных беженцев из разоренной Сирии. И опять же не назовете Вы это «нормой» – принять миллион осиротевших иноверцев **ВОПРЕКИ СОБСТВЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ?** А что, если внимательный читатель Вас об этом прямо спросит? Как Вы это назовете?

Честно говоря, я полагал, что одного этого *живого* примера (в моем «Воскрешении Европы?») достаточно, чтобы убедить Вас, что ценности не только существуют, но и рождаются с ростом цивилизации непрерывно. И не только «сугубо индивидуальные», говоря Вашими словами, но и коллективные, да что там, международные.

Думаю, что не нарушу секрет, если скажу, что прислали Вы мне свои «Лишние ценности» еще недели две назад. Писал я «Воскрешение Европы?» как ответ на Ваш, пусть непоследовательный, пусть не вполне еще безнадежно базаровский нигилизм. Но, как видим, не убедил. Правда, никакого названия Вы этой новой ценности не придумали, ни в «интересы», ни в «норму» ее не перекалифицировали. Просто сделали, извините, вид, будто и я Вам не ответил, и вообще ничего, что касалось бы нашего спора, в Европе сейчас не происходит.

Но у Вас есть козырь, не правда ли, Слава? Иначе не решились бы Вы на такое предприятие, как отрицание политической роли ценностей. Козырь этот очевидный, даже, если хотите, тривиальный, но с виду туз этот не побить. Дело в том, что в заключительной главе книги я противопоставил язык **ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ** ценностей, таких, как свобода и независимость своей страны, как честь и достоинство своего народа, тех, короче говоря, ценностей, во имя которых готовы умирать сейчас украинские солдаты, циничному языку путинских политиков, обитающих в другом, «вестфальском» мире. Писал, что (извините, приходится цитировать самого себя) единственно доступный им язык исчерпывается вопросами **«кому выгодно?»** и **«в чьих интересах?»**. Упомянул я также, что «это тот самый язык, на котором написаны все нацистские мифы – от

«масонского заговора» до «сионских мудрецов». Упомянул, но не развернул эту мысль, не объяснил, что, помимо цивилизационных, бывают и религиозные, и идеологические ценности, включая и самые черносотенные.

Это, безусловно, упущение и мой прямой недосмотр. И укажи Вы мне на него в частном письме, как я, случалось, указывал Вам на упущения в Ваших текстах, я был бы в высшей степени признателен и просто дописал одну или две необходимые фразы. Тем более что отличить цивилизационные ценности от реакционных, идеологических и религиозных не представляет труда. Но Вы почему-то предпочли превратить это упущение в публичный вызов *самой идее ценностей*, смешав в одну кучу и те и другие. Но ведь это, употреблю Ваше же выражение, – демагогия.

Неловко, право, повторять нотации, которые Вы мне читаете. Но пусть читатель судит сам. Вот одна из них. «Во все века человеческой истории можно найти страшные примеры того, как цивилизованность улетучивалась, и считавшиеся устойчивыми “ценности” (например, гуманизм) заменялись новыми (такими как идея чистоты нации)». И задаете риторические вопросы: «Хочется понять, входят ли в круг “ценностей” забота о Лебенсраум и приверженность к расовой чистоте». Это Вы меня, историка национализма, такими прописями испытываете? Уверяю Вас, что нет среди моих внимательных читателей ни одного, кто затруднился бы на них ответить. И только уважение к Вашей репутации помешало бы им усомниться в здравомыслии вопрошателя. Тем более что Вы, увлекшись ролью нигилиста, драматически восклицаете: «Да хранят нас высшие силы от наступления “эпохи ценностей”»! И все это из-за недостающей фразы в тексте моей главы.

Вы пишете: «Мне, разумеется, не слишком льстит быть отнесенным (по классификации Александра Львовича) к путинцам и изборцам, но начну с того, что я, как и они, не разделяю пиетета перед “ценностями”». И снова возвращаетесь к этой теме по поводу замечания главного международногоника СФ РФ Косачева «при чем здесь ценности?». Оказывается, Вы «солидаризируетесь с Константином Иосифовичем, чрезвычайно достойным и европейски мыслящим политиком», и при этом, как

все путинские политики, не понимающим европейского языка ценностей? Далеко может завести такой нигилизм. Поверьте дружескому предостережению, Слава, Вы идете по тонкому льду.

Все это, впрочем, не отнимает у Вас высокой оценки в категории «внимательный читатель». Что до остальных Ваших аргументов, позволю себе просто вернуть Вашу начальную реплику: «Я, признаюсь, не согласен практически ни с чем из изложенного уважаемым оппонентом». А на заключительный Ваш аккорд: «В чем я не прав, Александр Львович?» – отвечу: мне трудно сказать в этой ситуации, в чем Вы правы, Слава. Кроме внимательного чтения.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Пользуюсь случаем поблагодарить тех, кто помог мне создать это популярное пособие для всех, кому небезразличны прошлое и будущее отечества. В первую очередь своего всегда неустрашимого издателя Леонида Сергеевича Яновича, самоотверженного редактора Михаила Александровича Аркадьева, Владислава Леонидовича Иноземцева, помогшего читателям разобраться в хитросплетениях «патриотической экономики» и, конечно же, своим преданным читателям, не покидавшим меня ни в ведро, ни в ненастье.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абызов М. 121
Аверьянов В. 149, 150
Адашев А. 192, 194
Акунин Б. 111, 112, 119,
131, 134, 179, 184, 186,
194, 227-229
Александр I 185, 186, 246
Александр II 15, 66, 93,
101, 135, 263, 283
Александр III 40, 41, 73,
88, 132, 158, 263, 283
Александр Невский 298
Алексей Михайлович,
царь 304
Алексеева Л.М. 131
Алфоров Ж. 158
Андропов Ю.В. 90
Арбатов А. 241
Аркадий, император 290
Аркадьев М. 153
Асад 114, 160, 245
Б
Батый 269, 270
Баязид, султан 296
Бебель 261
Белинский В. 199
Бентам И. 15
Бенуа А. де 75, 77
Бердяев Н. 49, 199
Березовский Б.А. 43-46,
48, 58, 59, 62, 65
Бёрнс Р. 112, 113
Бисмарк О. 262, 264-267
Бичевская Ж. 105
Блок А. 269
Бобо Ло 11, 74, 75, 82-86,
88-95, 98, 100-102, 143
Бондарчук С. 125
Боратынский Е.А. 298
Бородай А.Ю. 81
Брежнев Л.И. 63, 71, 84
Будницкий О. 280
Буковский В. 226, 227
Бунин И. 73
Бурматов В. 125
Бухарин Н. 67
Буш Дж. 59, 64, 248
Бэрон С. 183

В

Василий I Македонянин
292
Васильев А.В. 150
Вебер М. 126
Вейдле В. 14, 96, 97, 298
Вернадский В.В. 273
Вознесенский А. 23
Володин В.В. 129
Волошин А.С. 42, 48,
62, 72
Волтз К. 259
Г
Гайдар Е.Т. 11, 39, 60, 98
Галилей Г. 198
Гаспарини Э. 148
Геворкян Н. 53
Генрих VIII 233
Герцен А.И. 70, 130, 183,
300
Гессен М.А. 36, 37, 38, 43,
44, 117 120
Гессенский А. 264
Гитлер А. 50, 51, 78, 114
Глазьев С.Ю. 34, 60, 105,
144-150, 152, 158-163,
167-169, 171, 172, 252
Головкин Г. 303
Головнин А.В. 15, 96
Гонтмахер 108
Горбачёв М.С. 32, 67, 69,
71, 93, 101, 119, 236,
247
Горчаков А.М. 263-267
Грамши А. 76
Грановский Т. 72
Греф Г. 60
Гумилев Л.Н. 145, 213
Гуриев С. 108, 239
Гурнов А. 32
Гусинский В.А. 27, 59, 61
Гуль Р. 50
Д
Данилевский Н.Я. 158
Десягин М. 157, 172
Державин Г.Р. 96
Дерипаска П. 125
Дворкович А. 109

Джуда Б. 63, 64, 65, 66,
68, 107, 110, 125, 128,
137-139, 141
Дзядко Ф. 138-140
Дизраэли 225
Дмитрий Донской 275
Довлатов С. 63
Доренко С.Л. 47, 48
Достоевский Ф.М. 97,
263, 298
Дубельт Л. 70, 73
Дугин А.Г. 11-13, 16, 61, 62,
74, 75-82, 105, 142,
145, 157, 242, 245, 252
Дэн Сяопин 100
Дьяконов Н.А. 189
Е
Екатерина II 215, 221, 274
Ельцин Б.Н. 9, 27, 37, 39,
40, 42, 43, 44, 46, 47, 48,
55, 56, 61, 63, 64, 67-
73, 85, 97, 98, 100, 102,
103, 137, 180, 181, 239
Ж
Жванецкий М. 28
Железняк С. 226
Жилин А.И. 44, 45
Жириновский В.В. 105,
216 226, 232

З

Захарова М. 240
Зверев С. 43, 46
Зубов В.М. 196, 200, 215
Зыгарь М. 120, 125
Зюганов Г.А. 18, 145, 150,
155, 156, 157

И

Иван III 97, 188, 190, 199,
200, 242, 275, 276, 303
Иван IV Грозный 9, 82, 84,
97, 150, 162, 187, 192,
199, 220, 286, 287
Иванов С. 129
Ивашов Л. 149, 151
Илларионов А.Н. 60
Ильин И.А. 49, 50, 51, 52,
55, 55, 56, 57, 58, 61,
63, 67, 71, 73, 75, 78,
79, 84, 306

- Индикоплов К. 198, 276, 298
 Иноземцев В. 146, 153, 159, 162, 178, 195, 200, 215, 314, 317
 Иосиф Волоцкий 189, 190
 Ирина, императрица 292, 293
 Ишаев В.Н. 169
- К**
 Кадыров Р. 207, 208
 Каменский А. 280
 Караганов С.А. 250
 Карамзин Н.М. 9, 16, 35, 41, 43, 63, 155, 187, 279, 282-287
 Карл Великий 293
 Карл XII 246
 Карпини П. 272
 Касьянов М. 64
 Карташев А.В. 190
 Каспаров Г. 108, 116, 242
 Касьянов М. 64
 Катков М. 300
 КацМ. 138
 Келли А. 183
 Кейган Р. 173
 Керенский А.Ф. 61
 Киреевский И. 199
 Кириенко С.В. 39, 43, 57
 Кеплер 198
 Киселёв Д.К. 32, 160, 161
 Киселёв Е.А. 48
 Киссинджер Г. 17
 Клинтон У.Дж. 46
 Ключевский В.О. 187, 191, 192, 198, 276, 278-288, 304
 Клямкин И. 280-282
 Колесников А. 53
 Кондорсе 15
 Кондратьев Н. 167
 Константин XI Палеолог 290
 Коперник 198
 Коровин В. 105
 Косачев К. 226, 268, 311, 316
 Крастев И. 241
 Кудрин А. 60, 99, 125, 146, 147
 Кирицын Ф. 190, 191
 Куропаткин А.Н. 39, 248
- Л**
 Лавров С.В. 20, 213, 297-301, 303-307
 Лев VI Философ 292
 Левандовский А.А. 282
 Ленин В.И. 76, 128, 129, 262, 268, 281
 Леонтьев К.Н. 75, 148, 158, 199, 263, 264
 Леонтьев М.В. 105, 142, 159, 172
 Лермонтов М.Ю. 115, 116, 298
 Лимонов Э. 131, 256
 Лотары 293
 Лоуэнтал Р. 182
 Лужков Ю.М. 43, 44, 45
 Лукьянов Ф. 239, 241
 Лысенко В. 39
- М**
 МаккиндерХ.Дж. 164, 209
 Максим Грек 275
 Максимов В. 30
 Максимова Т. 30
 Маленков Г.М. 85
 Мамут А. 100
 Мао Дзедун 143
 Мариничев Д. 105
 Марков С. 245
 Маркс К. 76, 222, 277
 Мастерс Р. 259
 May В. 60
 Медведев Д. 85, 90, 107-109, 115-117, 119, 121, 126, 133, 168
 Меркель А. 71, 152
 Миллер А.И. 136
 Милошевич С. 60
 Мильштейн И. 38
 Милуков П. 49, 136
 Миткова Т.Р. 32
 Михаил III (Пьяница) 292
 Михаил VIII 294, 295
 Молотов В.М. 85
 Монтескье 191, 284
 Моргентау 230, 259
 Мороз О.П. 40, 41, 42, 48, 73
 Мохначев Н. 123
 Муратов С. 24, 27, 30, 31
 Мурашов С. 152
 Муссолини 76
 Мусоргский М.П. 297, 298
- Н**
 Навальный А.А. 99, 110, 116, 119, 121, 127, 131-134, 137, 138, 141
 Наджибулла 114
 Наполеон Бонапарт 246, 260
 Наполеон III 112, 304
 Нарышкин С. 119
 Немцов Б.Е. 11, 39, 98, 108, 116
 Неплюев И. 304
 Нечкина М.В. 280, 286
 Никитенко А.В. 72, 294
 Никифор I 292
 Николай I 10, 39, 57, 62, 66, 72, 88, 93, 101, 103, 111, 116, 132, 135, 161, 221, 222. 260. 262, 286, 305
 Нил Сорский 275
 Ньютон 198
- О**
 Обама 171
 Одом В. 48
 Окуджава Б. 131
 Омар 60
 Орешкин Д. 117
- П**
 Павел I 10
 Павлов И. 113, 116, 158
 Павловский Г.О. 71, 108, 239
 Палажченко П.Р. 67, 68
 Панарин А. 60, 102
 Панин Н. 221, 304
 Парфенов Л. 115, 122
 Пастухов В. 84, 98
 Патрикеев В. 274, 275
 Патрушев Н. 45, 46
 Пейн Т 293
 Песков Д.С. 115
 Пётр I 10, 87, 93, 96, 97, 99, 116, 185-188, 201, 203, 222, 260, 277, 304
 Пётр III 185
 Пилцер П. 165
 Писарев Д. 314
 Пионтковский А. 126, 254, 256
 Платонов С.Ф. 191, 285
 Плеханов Г.В. 128, 129
 Погодин М.П. 88
 Подниекс Ю. 28, 30
 Позгалев В.Е. 122

Померанц Г. 120
 Порошенко П.А. 256
 Пресняков А.Е. 14 103
 Прилепин З. 131, 142, 160,
 254, 256-258, 267, 268
 Примаков Е.М. 11, 37, 38,
 41, 42, 43, 44, 46, 47,
 48, 103
 Проханов А.А. 49, 60, 61,
 68, 103, 105, 127, 142,
 145, 178
 Путин В.В. 11, 19, 20, 21,
 22, 23, 26, 27, 33-49, 52-
 71, 74, 79, 85, 87, 97-99,
 101-107, 109-113, 115,
 116, 120-127 129, 131-
 134, 137, 141, 145-147,
 149-154, 161-163, 165,
 170, 171, 174-180, 184,
 194-196, 198, 200, 201,
 207, 208, 213, 240-246,
 249, 251-253, 270, 271,
 284, 289, 290, 291
 Пушкин А.С. 12, 14, 185,
 269, 272, 283, 298

Р

Радзиховский 62, 63, 73
 Раефф М. 182
 Рахимов М. 58, 59
 Ревазов А. 118, 119
 Ревзин Г. 80, 82
 Розанов В. 72
 Ростов Ю. 32
 Рубинштейн Л. 120, 131,
 134
 Рузвельт Ф. 170
 Рушайло В. 45, 46
 Рынка Б. 125
 Рюриковичи 271

С

Сахаров А.Д. 32
 Сванидзе Н.К. 41,
 Святослав, кн. 271
 Сергеевич В.И. 192,
 286-288
 Сергей Радонежский 175
 Сестанович С. 17
 Сивков Н. 31
 Смит А. 15
 Собчак К. 125
 Собянин С. 119
 Соколов М.Ю. 152
 Солженицын А.И. 99,
 100, 94

Соловьёв В.С. 14, 53, 97,
 158, 212, 220, 223,
 231, 298
 Соловьёв С.М. 62, 72
 Спасский М. 87
 Сперанский М.М. 22
 Сталин И.В. 10, 39, 41, 49,
 63, 84, 85, 101, 103, 114,
 142, 143, 149, 153, 154,
 162, 167, 221, 223, 246,
 267, 272, 284, 286, 291
 Степашин С.В. 11, 13, 16,
 19-22, 25, 27, 31, 33,
 35, 37, 40-46, 48, 53,
 55, 70, 96-98
 Столыпин 41, 169
 Стрелков 81
 Стреляный А. 31
 Струве П. 49, 136, 138
 Сурков В.Ю. 107, 109,
 124, 129, 147

Т

Тамерлан 296
 Тарошина С. 23
 Тимакова Н. 53, 115, 121
 Тириар Ж. 61
 Титов Б. 39, 226
 Тихон (Шевкунов) епи-
 скоп 157, 158, 289-292,
 294-296
 Токвиль Алексис де 80,
 110
 Толстой Л.Н. 97, 172, 298
 Трамп 232
 Трапезников В. 123
 Тренин Д.В. 11-13, 16, 17,
 20, 21, 22, 35, 39, 104,
 239
 Тютчев Ф.И. 221, 223,
 300, 302
 Тютчева А.Ф. 135
 Тэлботт 46
 Тьер А. 222

У

Уваров С.С. 161
 Уздегей 269

Ф

Федотов Г.П. 178, 189
 Фирсов А. 161
 Фукуяма Ф. 173, 178, 305
 Фурман Д.Е. 67, 68, 69-
 70, 73

Х

Хаас Р. 251
 Хакамада 39
 Хайдеггер М. 77-80
 Хомени 143
 Ходорковский М.Б. 27,
 104, 242
 Холманских И. 123
 Хрущёв Н.С. 82, 85, 101
 Хусейн С. 254

Ч

Чаадаев П.Я. 12, 40, 161,
 201, 262, 294, 301, 303
 Чаплин В. 105
 Чаргофф Э. 281, 284
 Черненко К.У. 67, 71
 Черчилль У. 261
 Чехов А.П. 23, 227
 Чингизхан 218, 269
 Чубайс А.Б. 11, 41, 48, 97
 Чуров В.Е. 117

Ш

Шеварднадзе Э.А. 48
 Шевченко М. 158, 160
 Шевчук В. 54, 55
 Шевчук Ю. 119
 Шевырев С. 87, 88
 Шендерович В. 22, 23, 64,
 65, 66
 Шишкин М. 183 186, 187,
 194
 Шляпентох В. 111
 Шпенглер 78, 113
 Шувалов 267
 Шуйский В. 85
 Шойгу 41

Э

Эйдельман Н.Я. 185
 Эрдоган 160

Ю

Юмашев В.Б. 42, 48
 Юмашева (Дьяченко) Т.Б.
 42, 48
 Юргенс 108
 Юстиниан, император 292
 Ющенко С.Н. 11, 98

Я

Ядринцев Н.202
 Ярослав Мудрый 271, 273
 Ясин Е.Г. 281, 282
 Яковенко И. 23
 Яшин И. 131

«НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

9 785948 813493

Научно-публицистическое издание

Янов Александр Львович
РУССКАЯ ИДЕЯ. От Николая I до Путина
Книга четвертая: 2000–2016

Издатель Леонид Янович
Редактор Михаил Аркадьев
Корректоры Лариса Касьянова,
Иннокентий Гридин, Татьяна Стафеева
Обложка Михаил Щербов
Верстка и оригинал-макет Михаил Щербов

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве: +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации: +7 (985) 427-91-93
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 20.09.2016
Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 10 печ. л.
Тираж 2000 экз.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1